

Сусов Иван Павлович

История языкознания

Иван Павлович Сусов

Иван Павлович Сусов

История языкознания

Аннотация

Данное учебное пособие представляет собой первую книгу в задуманной серии учебников по истории, теории и методологии языкознания. Здесь даны очерки, посвящённые истории формирования и развития самобытной лингвистической мысли в государствах Востока и в странах Западного мира, где лингвистическая традиция сложилась на основе греко-римских идей по философии языка и грамматике. Читатель обратит внимание на то, что становление и развитие языкознания в восточных и западных культурных ареалах шло во многом своими путями, отражая особенности как своих языков, так и своих культур, и что лишь в последние один--два века наблюдается переориентация ряда восточных школ на европейские (в самое последнее время с акцентом на американские) принципы описания языка. Вместе с тем он заметит и много общего в истории нашей науки в разных культурных ареалах, диктуемого внутренней логикой самого языкознания.

Книга предназначена для студентов -- лингвистов и филологов, работающих над языковедческой учебной и научной литературой, готовящихся к семинарским занятиям, пишущих рефераты по общему языкознанию, а также общетеоретические разделы курсовых и дипломных сочинений по языку специальности, готовящихся к экзамену по данной дисциплине.

Вместе с тем она может служить подспорьем для соискателей, собирающихся поступать в аспирантуру по лингвистическим специальностям, и для аспирантов, готовящихся сдавать кандидатский экзамен по общему языкознанию; пособием для преподавателей-языковедов, работающих над повышением своей квалификации; источником информации для лиц, интересующихся чисто в познавательных целях проблемами теоретического языкознания и его истории в контексте истории мировой культуры.

Иван Павлович Сусов, доктор филологических наук, профессор,

Заслуженный деятель науки РФ

(Тверской государственной университет,

кафедра общего и классического языкознания)

Ivan P. Susov

susov@tversu.ru

<http://homepages.tversu.ru/~susov>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

1.1. Представления о языке в культурах древнего Ближнего Востока (3-е -- 1-е тыс. до н.э.)

1.2. Китайская языковедческая традиция

1.3. Индийская языковедческая традиция

1.4. Арабская языковедческая традиция

1.5. Языкознание в Японии

1.6. Лингвистическая мысль в Бирме, Тибете, Индонезии и Малайзии

1.7. Языкознание в Иране

2. ГРЕКО-РИМСКАЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

КАК ФУНДАМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2.1. Лингвофилософская и грамматическая мысль в древней Греции

2.2. Философия языка и языкознание в древнем Риме

3. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ

ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

3.1. Проблемы философии языка в патристике (2--8 вв.)

3.2. Становление письменности на родных языках в западноевропейском культурном ареале

3.3. Разработка лингвистических проблем в раннесредневековой Западной Европе

3.4. Разработка лингвистических проблем в Западной Европе позднего Средневековья

4. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

4.1. Византийское языкознание (4--15 вв.)

4.2. Создание собственных систем письма в восточнохристианском культурном ареале

4.3. Формирование и развитие знаний о языке у южных и западных славян

4.4. Формирование и развитие знаний о языке в средневековой Руси

4.5. Формирование лингвистической мысли в Армении

4.6. Развитие лингвистической мысли в Грузии

5. ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ 16--18 вв.

6. ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 19 в.

6.1. Наследование старых традиций и непрерывные поиски новых путей: в языкознании 19--20 вв.

6.2. Лингвистический компаративизм и образующие его области исследований

6.3. Подготовка лингвистического компаративизма

6.4. Западноевропейский лингвистический компаративизм конца 10-х -- начала 50-х гг.

6.5. Сравнительно-историческое языкознание в России первой половины 19 в.

6.6. Вильгельм фон Гумбольдт

7. ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 в.

7.1. А. Шлайхер и натурализм в историческом языкознании

7.2. Х. Штайнталь и психологизм в историческом языкознании

7.3 А.А. Потебня и Харьковская лингвистическая школа

7.4. Младограмматический период развития

сравнительно-исторического языкознания

8. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 20 в.

8.1. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Казанская лингвистическая школа

8.2. Ф.Ф. Фортунатов и фортунатовское течение в языкознании

8.3. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра

9. ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ, СФОРМИРОВАВШИЕСЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20 в.

9.1. Петербургская лингвистическая школа

9.2. Женевская лингвистическая школа

9.3. Школа А. Мейе и социологический подход к изучению языка

9.4. Лингвистический структурализм: претензии и результаты

9.5. Пражская школа лингвистического структурализма

9.6. Датский структурализм (глоссематика)

9.7. Американский структурализм и его направления

9.10. Лондонская школа структурализма

9.11 Сравнительно-историческое языкознание в 20 в.

10. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТЬ 20 в.

10.1. Генеративное (порождающее) языкознание

10.2. Современные исследования в области функциональной лингвистики

10.2.1. Лингвистическая семантика

10.2.2. Коммуникативно-деятельностные теории языка

10.2.3. Психолингвистика и нейролингвистика

10.2.4. Язык и этнос

10.2.5. Язык и социум

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика представляет собой продукт длительного и довольно противоречивого исторического развития лингвистического знания. И многие её проблемы могут быть лучше поняты в историческом аспекте, при обращении к далёкому или близкому прошлому науки о языке, к особенностям её развития в разных этнокультурных контекстах.

Первоначальные элементы лингвистического знания формировались в процессе деятельности, связанной с созданием и совершенствованием письма, обучением ему, составлением словарей, толкованием священных текстов и текстов старых памятников, освоением структуры звучащей речи (особенно поэтической), поисками путей наиболее эффективного воздействия магического слова в жреческих обрядах и т.п. Но постепенно круг задач расширялся, анализу подвергались всё новые и новые аспекты языка, строились новые лингвистические дисциплины, формировались новые приёмы исследовательской работы. Поэтому сегодня языкознание выступает как система, объединяющая в себе множество лингвистических наук, которые лишь в совокупности дают нам достаточно полное знание обо всех сторонах человеческого языка вообще и обо всех отдельных языках.

Современное языкознание, далее, является продуктом познавательной деятельности, которая осуществлялась усилиями представителей многих этнических культур, в самых разных регионах и странах мира. Уже ряд веков тому назад результаты лингвистических исследований в какой-либо национальной научной школе благодаря книгам и журналам становились известны коллегам из других стран. Обмену идеями также способствовали широко практиковавшие ещё в 19 в. поездки на стажировку или на учёбу в ведущие лингвистические центры других стран. В 20 в. довольно частыми стали международные конференции языковедов.

Во второй половине 20 в. начали стремительно совершенствоваться технические средства связи, и к настоящему времени мы уже располагаем колоссальными возможностями оперативного обмена лингвистической информацией через электронную почту (electronic mail, e-mail), группы новостей (news groups), телеконференции, речевую связь (voice mail), страницы Интернета и т.п.

Возрастающие с течением времени контакты между лингвистами разных национальных школ и традиций, взаимообмен идеями и концепциями приводят к тому, что сейчас на основе процесса интернационализации довольно быстро формируется своего рода мировое

языкознание.

Его можно теперь, казалось бы, рассматривать как целостную науку интернационального, планетарного масштаба. Вместе с тем, однако, нельзя не видеть, что в нём имеется множество отдельных национальных традиций, расходящихся иногда настолько, что приходится сомневаться в наличии планетарного единства.

Активное взаимодействие национальных лингвистических школ в настоящее время невозможно отрицать. И тем не менее интернационализация лингвистического знания -- это скорее лишь наблюдающаяся сегодня тенденция. Нельзя не видеть, что в усилиях по сближению национальных школ довольно нередко заметно прослеживается стремление ориентироваться на европоцентристское понимание языка. Последние десятилетия характеризуются, к тому же, активной экспансией идей, развиваемых американскими лингвистами.

Поэтому пока история мирового языкознания -- это прежде всего история языкознания в каждой отдельно взятой стране или отдельном регионе мира, в каждой отдельной культуре. Во всяком случае, она не может строиться в отрыве от культурной, общественной и политической истории той страны, где возникает и развивается соответствующая лингвистическая традиция, от духовного и общенаучного её климата.

Разными в различных культурных ареалах оказываются, как свидетельствует история нашей науки, темп развития лингвистического знания и направления научных поисков. В одних ареалах на начальном этапе на первом плане оказывались проблемы изобретения и совершенствования систем письма и интерпретации письменных текстов (Китай, древняя Греция), в других -- проблемы звучащей речи (Индия). В одних ареалах языковедческие искания сосредоточивались на протяжении многих сотен и даже тысяч лет в основном на лексикографической деятельности, как, например, в Китае, в других же ареалах они были направлены по преимуществу на грамматический анализ (так обстояло дело в греко-римском языкознании и в сложившейся на её основе европейской языковедческой традиции). В одних лингвистических традициях языковедение оказывалось относительно самостоятельной областью занятий, в других же представляло собой лишь один из аспектов теоретико-познавательной и практической деятельности более широкого плана.

Далеко не всегда одинаковы в разных национальных лингвистических традициях наборы лингвистических дисциплин, их иерархическое упорядочение, основные единицы анализа языка, приёмы исследования. Неодинаковы подходы к поиску контактов со смежными науками, к установлению места языка в иерархии человеческих ценностей.

Разные национальные языковедческие школы формировались в несходных контекстах общенаучных и практических ситуаций и неодинаково относятся к взаимодействию с такими науками, как философия, гносеология, теология, логика, риторика, поэтика, филология, литературоведение, история, эстетика, психология, биология, антропология, этнология, история, социология, культурология, этнография, медицина, математика, семиотика, теория коммуникации, кибернетика, информатика, лингводидактика, переводоведение и т.п.

Поэтому специалисту в области той или иной частной лингвистики (языкознания немецкого, английского, французского, русского, польского, болгарского, арабского, индийского, китайского, японского и т.д.) приходится нелегко, если язык специальности для него не является родным и -- в особенности -- если сам он был воспитан в русле отечественной лингвистической, общенаучной и культурной традиции. Достаточно,

например, сравнить распространённые, с одной стороны, в России и, с другой стороны, в Германии (или Франции, или США и т.д.) классификации грамматических явлений (скажем, частей речи) или трактовки соотношения слова и морфемы. Речь в данном случае идёт о достаточно близких типологически языках и научных традициях, но тем не менее различия между двумя соответствующими национальными традициями вполне ощутимы.

Есть и сходные моменты в зарождении и развитии лингвистического знания в разных этнокультурных контекстах. Во многих национальных лингвистических традициях и школах обсуждались и продолжают обсуждаться так называемые вечные проблемы, относящиеся к философии (точнее, к онтологии) языка (происхождение языка, его сущность, взаимоотношение языка и мышления, взаимосвязь языковых средств выражения и содержания, природный или конвенциональный характер связи слова и вещи, сходства и различия между человеческим языком и "языками" животных). В лингвистических школах Востока нередко высказывались конкретные грамматические и фонологические идеи, предвосхищавшие достижения европейской и американской лингвистической мысли 20 в.

Сопоставление разных лингвистических традиций представляет собой одну из важнейших задач истории языкознания. Предлагаемый вниманию читателей курс как раз и ориентирован на то, чтобы охарактеризовать в очерках по истории языкознания в разных странах и в разных культурных ареалах совпадающее и специфическое в каждой из описанных традиций научного изучения языка.

В начале курса рассматриваются вопросы складывания и развития лингвистического знания в странах Восточного мира. Оно меньше знакомо европейскому читателю, но накопленный здесь языковедческий опыт может быть весьма поучителен для европейских лингвистов.

В первой главе сперва освещается лингвистическая практика в древних государствах Восточного Присредиземноморья (Ближнего Востока), где появились и быстро эволюционировали древнейшие системы письма и где сложилось алфавитное письмо финикийцев, распространение которого сыграло огромную роль в развитии культур многих стран на Востоке, Юге и Западе, но где так и не сформировалась собственная целостная грамматическая теория.

Затем внимание уделяется трём ведущим восточным языковедческим традициям, оказавшимся наиболее устойчивыми (китайская и индийская, сформировавшиеся в глубокой древности, и появившаяся в средневековый период арабская). Они послужили исходным базисом для создания своих традиций в большом ряде восточных стран, а в некоторых случаях воздействовали также и на языкознание Европы.

Глава завершается очерками восточных языковедческих традиций, опиравшихся при своём создании и в дальнейшем развитии на принципы китайского, индийского и арабского языкознания (Япония, Тибет, Бирма, Индонезия и Малайзия, Иран).

В следующих главах предметом рассмотрения являются западные лингвистические школы. Соответствующие очерки сгруппированы в главы, посвящённые формированию базисной для европейского языкознания греко-римской языковедческой традиции и продолжившей её языковедческой мысли раннего и позднего Средневековья, а также Нового времени.

Здесь, в западном мире, обнаруживается своеобразное, характерное для Средневековья (да и для нашего времени тоже) противопоставление своего Запада и своего Востока как двух во многом не схожих культурных ареалов. В виду имеются, во-первых, сложившийся на

основе римско-латинской культуры мир, который иногда называют условно Romania и Germania и к которому может быть отнесена также Slavia Latina, и, во-вторых, мир, который сформировался на основе греко-византийской культуры и в котором особо выделяется мир, известный под именем Slavia Orthodoxa.

Противопоставление этих двух культурных ареалов нашло отражение в концептуальном и методологическом различии языковедческих традиций Запада и Востока Европы. К восточноевропейскому миру (не в географическом, а в культуроведческом плане) относятся также Армения и Грузия, в которых языкознание начинало формироваться под греко-византийским влиянием (вместе с принятием христианства в его восточном варианте).

Наша отечественная наука о языке, восходящая в своих истоках к греко-византийскому наследству и вместе с тем нередко контактировавшая с языкознанием западноевропейским, взявшая у последнего немало идей, вместе с тем в целом ряде моментов заметно отличается от него. Она накопила много собственных ценных идей в области фонетики, фонологии, морфемики, морфонологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, лексикологии, фразеологии, семантики, прагматики, стилистики, лингвистики текста, прикладной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и т.д. В ней на базе исследований главным образом по русскому языку сложилась своя национальная парадигма описания языка, определяющая принципы построения описаний других языков, прежде всего русского языка и языков других народов Российской Федерации (а раньше СССР), а также языков зарубежных стран.

Отечественная германистика, романистика и т.п. нередко строятся на основе этой модели, что их делает отчасти не похожими на германистику в Германии или романистику во Франции. Очевидно, что наш преподаватель теоретических дисциплин (грамматика, фонетика, лексикология и пр.), готовящий специалистов по немецкому, английскому, французскому и др. иностранным языкам, не может не принимать во внимание эти концептуальные и методологические расхождения.

И вместе с тем отечественное языкознание во всё большей степени втягивается в процесс планетарной интеграции лингвистической науки, становясь всё заметнее частью мирового языкознания.

Данный курс в определённой степени призван помочь читателю, являющемуся по профилю своей профессиональной подготовки лингвистом, в осознании того, какое место в мировом языкознании занимает то или иное научное направление, та или иная школа, концепция, теория.

Глава 1

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

Литература: Звегинцев, В.А. История языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980; История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т.А., Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (Статьи: Протописьменности. Пиктография. Письмо. Графема. Египетское письмо. Иероглиф. Клинопись. Идеограмма. Логограмма. Западносемитское письмо. Протосинайское письмо. Библиское письмо. Алфавит. Угаритское

письмо. Финикийское письмо. Малоазийские алфавиты. Сирийское письмо. Матрес лекционис. Диакритические знаки. Китайская языковедческая традиция. Китайское письмо. Индийская языковедческая традиция. Индийское письмо. Кхароштхи. Арабская языковедческая традиция. Арабское письмо. Японское письмо. Монгольское письмо); Дирингер, Д..Алфавит. М., 1963; Фридрих, И. История письма. М., 1979.

1.1. Представления о языке в культурах древнего Ближнего Востока (3-е--1-е тыс. до н. э.)

О том, что такое язык, как он возник, как появилось письмо, люди задумывались уже в далёком прошлом. Многочисленные свидетельства этому мы обнаруживаем и в мифологии многих народов древнего Ближнего Востока, в дошедших до нас шумерских, аккадских, египетских, хеттских преданиях, в которых находила выражение вера в сотворение языка и письма богами -- как правило, покровителями соответствующих городов-государств, а также вера в наличие у богов своего языка, отличного от человеческого языка.

Специальный же интерес к языку пробуждается, как свидетельствует история, тогда, когда в центре внимания людей оказываются основные его единицы и правила их употребления в речи. И его пробуждению в древнейших государствах Ближнего Востока (Египет, Шумер, Вавилония, Хеттское царство, Угарит, Финикия и др.) способствовали те во многом сходные проблемные ситуации, в которых стала осознаваться необходимость обеспечить письменную фиксацию результатов разнообразной хозяйственной, административной, культовой, дипломатической и иной деятельности и тем самым сделать возможной языковую коммуникацию не зависящей от факторов времени и пространства.

Именно в ближневосточном регионе были созданы первые засвидетельствованные человеческой историей системы письма. Здесь около 4-го тыс. до н.э. появилась египетская иероглифика, в 29--28 вв. до н.э. сложилась шумерская клинопись. Эти две системы письма послужили прямыми источниками или "подсказками" для формирования многих последующих письменностей (прежде всего в Передней Азии).

Создание и распространение письма, естественно, вызвало к жизни необходимость обучать ему. Стали возникать многочисленные школы писцов (Египет, Шумер, Вавилон). Чрезвычайно высоким уровнем характеризовалась, по свидетельству историков, подготовка писцов-администраторов в Вавилоне конца 3-го тыс. -- первой половины 2-го тыс. до н.э., где аккадцев обучали мёртвому шумерскому языку, служившему тем не менее очень долгое время главным средством общения в административной, хозяйственной, религиозно-культовой и дипломатической сферах в Двуречье (Месопотамии). В таких школах для учебных целей создавались многочисленные тексты и словари (как одноязычные, так и многоязычные), и те из них, которые дошли до нас, позволяют изучать как сами древние языки Ближнего Востока, так и эволюцию письма, а также судить о характере лингвистических знаний того времени и способах их формирования.

Искусство письма в собственном, терминологическом смысле предполагает ощущение членности звучащей речи на дискретные и многократно воспроизводимые, опознаваемые в разных контекстах языковые единицы (такие, например, как слова) и наличие инвентаря также воспроизводимых и опознаваемых в разных контекстах графических знаков, регулярно соотносимых с определёнными языковыми единицами. Предшествовавшие письму протописьменности различных видов (и в частности произведения пиктографии) не отвечали этим требованиям: они обеспечивали передачу лишь смысловой стороны сообщений, а не передачу самой звучащей речи и образующих её языковых единиц. Они, как

правило, не обладали наборами стандартных графических знаков, которые имели бы определённое прочтение (значение).

Первые системы письма были идеографическими (и прежде всего логографическими). Их связь с пиктографией (рисунчатый текст) особенно наглядно проявлялась на начальной ступени их формирования. Пиктограммы продолжают использоваться в современных обществах. Более того, они сегодня нередко становятся интернациональными по своему характеру, так как не связаны с определённым языком. Но сегодня за ними по преимуществу закрепляется лишь вспомогательная функция.

Постепенно, в результате длительной эволюции, складывались, наряду с идеографическим принципом письма, силлабический (слоговой) и алфавитный (буквенный) принципы. Существовавшие и ныне существующие типы письма редко бывают чистыми (так, кириллическое звукобуквенное письмо, следуя принципу "отдельная фонема — отдельная графема", тем не менее прибегает и к слоговому принципу: в нём посредством букв е, ё, ю, я передаются, во-первых, фонемосочетания-слоги /ja/, /jo/, ju/, /ja/, а во-вторых, фонемосочетания, в которых начальные согласные являются палатализованными, например: сел /s'el/, мёд /m'ot/, люк /l'uk/, мяч /m'ac /).

Процесс эволюции идеографической египетской и клинописной шумерской (позднее шумерско-аккадской, или вавилонской) систем письма свидетельствует о постоянных поисках средств для дифференциации логографических знаков в разных их значениях и -- первоначально в очень ограниченной степени -- для передачи звуковой стороны языковых единиц. У египтян появляются разделители для фраз и синтагм, строятся сложные логограммы. В Вавилоне, где широко употребляются шумеро-аккадские гетерограммы, создаются особые знаки для передачи аффиксов, используется "ребусный" способ записи слов, что свидетельствует о переходе к логографически-силлабическому принципу, изобретаются способы для передачи переносных значений и абстрактных понятий путём использования семантических детерминативов ("ключей") и фонетических компонентов. Как свидетельствует история ближневосточных графических систем, письмо эволюционирует от иконичности к символичности/схематичности, от изобразительности к фонографичности, от огромных наборов знаков к их ограниченному инвентарю.

Правда, идеографические системы обладают достаточной устойчивостью и в силу того, что запись текста идеограммами занимает меньше места, чем при использовании силлабических или буквенных знаков (большое количество парадигматически различных знаков оборачивается экономией в синтагматическом плане), и в силу того, что идеограммы оказываются понятными в межкультурном общении.

Изобретённая в Шумере клинопись и вавилонская традиция письма получают широкое распространение в ряде других государств (в частности у хеттов в Малой Азии). Обитавшие в той же Малой Азии лувийцы прибегают к иероглифическому письму.

У западных семитов формируются древнейшие силлабические системы (письмо протосинайское, протопалестинское, протобиблское). В этом же ареале (прежде всего в Библие, Угарите и Финикии) около 18--17 вв. до н.э. складываются первые алфавиты (вернее квазиалфавиты, имеющие знаки только для согласных). Трудности, которые были связаны с прочтением текстов, написанных посредством лишь консонантических знаков, приводили к появлению в этих системах диакритик, словоразделителей, так называемых "матерей чтения" (*materes lectionis*). Вместе с тем подобные трудности способствовали длительному сохранению слоговыми типами письма своего господствующего положения.

И всё-таки финикийское квазиалфавитное письмо, имевшее в своём инвентаре около 40 графем, т.е. более экономное по сравнению с письмом слоговым, которое предполагает наличие многих сотен знаков, и тем более с логографическим, требующим многих тысяч и даже десятков тысяч знаков, оказалось впоследствии достаточно конкурентоспособным. Оно послужило прототипом большинства последующих систем письма.

В самой Передней Азии оно явилось -- через посредство арамейской скорописи -- основой для формирования письма еврейского (в разных его вариантах), пальмирского (с различными ответвлениями), набатейского (продолжением которого оказалось арабское).

На Востоке -- также через посредство арамейской скорописи -- оно было источником многих алфавитов в Эламе, Персии (письмо пехлевийское, авестийское), в Индии и в контактировавших с ней государствах (письмо кхароштхи и брахми, ставшее прототипом для письма маурья, кушанского, гупта, нагари, деванагари, тибетского, непальского, бенгальского, ассамского, тагальского, а также для письма пали и восходящих к нему бирманского, сингальского, кхмерского, лаосского, таи, для кадамбы, давшей основу для письма грантха, тамильского, кави, яванского, батакского, лампонг, реджанг), в Центральной Азии и Сибири (письмо хорезмийское, согдийское, уйгурское, орхонское, монгольское, маньчжурское, ойратское, бурятское) и во многих государствах Юго-Восточной Азии.

На Западе к нему восходят ряд восточных и западных вариантов зародившегося в 9--8 вв. до н.э. греческого письма, которое впервые включило в состав алфавита особые знаки для гласных и в свою очередь стало прототипом для многих алфавитов в Европе и за её пределами (в частности письма этрусского, латинского, рунического, провансальского, современного ирландского, итальянского, испанского, португальского, французского, английского, немецкого, шведского, датского, норвежского, исландского, чешского, польского, хорватского, венгерского, финского, эстонского, латышского, литовского и т.д.; далее, письма коптского, готского, славяно-глаголического, славяно-кириллического, современного русского, украинского, белорусского, болгарского, сербского и т.д.; в некоторой степени письма армянского и грузинского).

Наряду с финикийским письмом распространение получили некоторые другие западносемитские графические системы. В 9--8 вв. до н.э. они послужили формированию ряда малоазийских алфавитов: фригийского, мизийского, лидийского, "паралидийского", карийского, "паракарийского", ликийского, сидетского. К западносемитским источникам восходят также графические системы языков эфиопского и амхарского.

Создание и распространение письма явилось важнейшей заслугой народов древнего Ближнего Востока перед человеческой цивилизацией.

Нельзя не отметить, что работа по созданию и совершенствованию графических систем, по обучению искусству письма и чтения активизировала процесс анализа и инвентаризации языковых единиц, прежде всего слов. В Египте, Вавилоне, у хеттов, в Финикии и Угарите складывается обширная лексикографическая практика. Создаются (прежде всего для целей обучения писцов-администраторов) словари одноязычные и многоязычные (шумерско-аккадские, шумерско-аккадско-хеттские, шумерско-аккадско-хурритские и т.п.), тематические, синонимические, толковые и т.д. Вавилоняне (а под их влиянием и хетты) начинают включать в словари фразеологизмы и образцы предложений, информацию о словообразовательных связях слов и об особенностях формообразования слов.

У вавилонян появляются первые грамматические таблицы (парадигмы форм слова и

даже форм предложения). Есть косвенные свидетельства о разработке финикийцами понятий классов слов и о создании ими терминов для отдельных морфологических форм глагола. Зарождаются, таким образом, первые теоретические представления о строе языка.

Высокого уровня развития (в условиях интенсивных межэтнических контактов) достигает искусство письменного и устного перевода (особенно у хеттов).

И всё же на древнем Ближнем Востоке -- при высоко развитой лингвистической практике и богатстве эмпирических наблюдений, при очень высоко развитой литературе, при множестве верных интуитивных догадок и зачатков парадигматического анализа -- ещё не сложилась целостная система теоретического лингвистического знания и соответственно сформировавшаяся языковедческая традиция, что находит своё объяснение в неразработанности философского и теоретического способов познания мира.

Активные и всесторонние контакты древних греков, а затем и римлян с народами Ближнего Востока оказали безусловное влияние на становление греческой и римской культур. Благодаря длительным связям с египтянами, финикийцами, сирийцами, иудеями и другими этносами этого ареала греки и римляне хорошо знали ближневосточную науку, культуру и мифологию, в частности египетские мифы о божественных творцах языка и письма (букв), о покровителях письма и счёта. Они заимствовали некоторых персонажей из ближневосточных мифологических систем в свои пантеоны богов. Заимствование же у финикийцев алфавита является наиболее наглядным материальным свидетельством таких контактов.

1.2. Китайская языковедческая традиция

На Востоке сложились три наиболее устойчивые и относительно независимые языковедческие традиции, оказавшие существенное влияние и на судьбу языкознания в соседних странах. К наиболее древним из них относятся китайская и индийская, в средневековый период к их числу присоединилась арабская. Остальные восточные языковедческие традиции строились на основе названных трёх, под их значительным воздействием. Поэтому сперва вниманию читателя будут представлены основные традиции научного изучения языка -- китайская, индийская и арабская.

История изучения китайского языка в Китае насчитывает более 2000 лет. Китайское языкознание представляет собой одну из немногих независимых лингвистических традиций, которая заметно повлияла на языкознание Японии и ряда других соседних с Китаем стран. Его принципы хорошо приложимы к описанию ряда языков Юго-Восточной Азии (особенно языков слогового строя). Но в основном оно осталось в стороне от путей развития мирового языкознания (прежде всего в силу существенных отличий китайского языка как языка "изолирующего" типа от европейских, обусловивших соответственно и принципиальную неизменность идеографического письма на протяжении всего времени его существования, а также в связи со спецификой развития китайской культуры вообще). И сегодня оно ориентируется преимущественно на собственную традицию описания языка.

Китайское письмо зародилось в середине 2-го тыс. до н.э. Открытие в 1899 г. костей и черепашьих щитов с иероглифическими надписями, относящимися к 13--11 вв. до н.э. ещё требует своего осмысления и, возможно, обусловит некоторую ревизию истории китайского письма.

Основная графическая единица китайского письма -- иероглиф. Он соотносится с тонированным слогом, являющимся типичным экспонентом морфемы, которая, в свою очередь, часто совпадает в своих границах со словом. С течением времени менялось в

сторону упрощения начертание используемых иероглифов, одни из которых представляют собой пиктограммы и идеограммы, другие содержат в себе компоненты, дающие намёк на значение слова-морфемы (семантические ключи, которых насчитывается 214) или же на звуковое значение знака (фонетики), третьи подверглись переосмыслению и потеряли связь с их первичной функцией. Иероглиф строится в виде набора стандартных и по-разному комбинирующихся черт (до 28). Общее число знаков равно приблизительно 50 тысячам. В современном письме используется до 4--7 тысяч знаков. Они в принципе индифферентны по отношению к звучанию слов и морфем и тождественны для записи текстов на разных диалектах. Именно по этой причине китайские иероглифы заимствовались в Японии, Корее и Вьетнаме и долго служили средством межэтнического общения в странах Юго-Восточной Азии.

Главным объектом для китайских языковедов всегда был иероглиф, имеющий написание, чтение и значение. В связи с изучением разных сторон иероглифа в языкознании древнего и средневекового Китая выделялись три направления: толкование древних слов (схолиастика, возникшая намного раньше других дисциплин), изучение структуры и этимологии иероглифов, функциональная фонетика (с 5 в. н.э.). Грамматика вычленяется из схолиастики лишь в 18--19 вв.

На протяжении тысячелетий активно развивалась лексикография. Среди первых словарей наиболее известны "Ши Чжоу нянь" (список иероглифов для заучивания; 9--8 вв. до н.э. или же много позже), "Эр я" (первый систематизированный толковый словарь, группирующий материал по смысловым группам; 3 в. до н.э., с последующими дополнениями), "Фан янь" Ян Сюна (собрание слов, употреблявшихся в разных местах Ханьской империи; 1 в. до н.э. -- 1 в. н.э.), "Шо вэнь цзе цзы" Сюй Шэня (первый полный словарь, охватывающий все известные составителю иероглифы, объясняющий значения иероглифов, их структуру и происхождение, группирующий иероглифы по основным смысловым элементам -- "ключам"; 2 в. н.э.), "Шо мин" Лю Си (этимологический словарь; около 200), "Гуан я" Чжан И (словарь, построенный по образцу "Эр я", но намного превышающий его по объёму; около 230). Составление "ключевых" словарей по образцу "Шо вэнь" становится традиционным.

Фонетика формируется в Китае под определённым воздействием буддизма, принёсшего с собой из Индии интерес к звучащей речи и соответственно к поэзии, рифме, мелодике и тону, а также знание принципов индийского алфавитно-слогового письма. Труды по фонетике выполняются в духе лексикографических традиций. Таковы словари рифм как наиболее обычного вида начальных сочинений по фонетике: "Шэн лэй" Ли Дэна, "Юнь цзи" Люй Цзина, многократно впоследствии переиздававшийся, дополнявшийся и комментировавшийся "Це юнь" Лу Фаяня (601). Во 2--3 вв. чтение иероглифов (и слогоморфем) начинает передаваться методом "разрезания" слогоморфем на инициали и финали (рифмы). С 5 в. появляются опыты изучения тонов. Значительно позднее проявляется интерес к начальным согласным (инициалам) и их классификации (по артикуляторному принципу).

Как развитая, самостоятельная наука фонетика утверждается с появлением фонетических таблиц, включающих сведения о рифме, инициалах, промежуточных гласных и тонах ("Юнь цзин", предположительно 10 в.).

Не чуждались представители древнекитайской науки и философских споров об отношении "имени" к обозначаемой действительности, которые особенно активно велись в 5--3 вв. до н.э. Так, Конфуций подчёркивал неразрывную, т.е. природную, связь названий с

вещами и утверждал, что исправление имён должно быть первым необходимым шагом в управлении государством. Его теорию "исправления имён" принимали в школе легистов. Напротив, философы даосского направления говорили о произвольной связи между словом и вещью. Синтез обоих подходов наметился у Сюнь Куана (3 в. до н.э.).

Китайские языковеды 11--19 вв. следуют основным принципам описания языка слогового строя, сложившимся в древнее время. Они выделяют в качестве единицы фонетического описания не отдельный звук, а слог, а внутри него инициаль (начальный согласный) и финаль, или рифму (остальную часть слога). Продолжается начатое в 5 в. изучение тонов и их роли в стихосложении. По-прежнему используется изобретённый ещё во 2 в. способ "разрезания" слога путём подбора двух иероглифов -- фаньце.

Появляются в продолжение древней традиции новые словари рифм: "Гуань юнь" (1008), представляющий собой переработку словаря "Це юнь" (601). В конце 1-го тыс. создаются детальные многомерные классификации слогов в виде фонетических таблиц, помещающие каждый данный иероглиф на пересечении двух осей -инициалей и финалей, а также учитывающие характер тонов. Так, в словаре "Юнь цзин" ('Зеркало рифм', примерно 8 в.) имеется 43 таблицы, делящиеся каждая на четыре части, соответствующие четырём тонам; инициали делятся по характеру согласных на пять категорий; учитывается наличие или отсутствие промежуточных гласных -- медиалей; но вместе с тем не уделяется внимание к реальной произносительной стороне слов, в основном характерное для большинства фонетических работ. Близки по характеру и таблицы Чжэн Цяо (1104--1162). В списках рифм 11--12 вв. в основном повторяются старые словари с некоторой перегруппировкой материала, но без учёта изменений в произношении, что приводило к механическому заучиванию чисто традиционных, не отвечающих реальности рифм.

Ориентация на живое произношение начала эпохи Сун имеет место лишь в книге Шао Юна (1011--1077). С конца 12--13 вв. происходит постепенное упрощение старой системы рифм, объединение переставших различаться рифм, сокращение числа рифм и их классов в многочисленных словарях и фонетических таблицах, знание которых требовалось на государственных экзаменах. Но и новые словари стремительно отстают от живой речи, особенно в связи с тем, часто они стремятся отразить возрождение старых рифм в стихах классического типа.

В 13 в. Китай был завоёван монголами, стоявшими на более низком уровне различия и сперва враждебно относившимися к китайской литературе. У них не было своей письменности, для официальной переписки использовался уйгурский алфавит. В 1260 г. тибетский учёный Пагба-лама по приказу императора Хубилая создаёт на основе тибетского письма монгольский (так называемый квадратный) алфавит, который вводится в официальное употребление в 1269 г. Но запись текста производится в соответствии со старыми китайскими и уйгурскими обычаями сверху вниз. Квадратное письмо использовалось довольно широко (как в монгольских, так и в китайских, тибетских, санскритских, уйгурских текстах). Письмо Пагба-ламы стало своего рода международным фонетическим алфавитом. Позднее, однако, квадратное письмо вышло со временем из употребления в самом Китае, сохранившем верность традиционной иероглифике.

В 14 в., при монгольской династии Юань, получают развитие устные литературные жанры, особенно драма, что обусловило необходимость создания справочников по столичному произношению. Появляются соответствующие словари, начало которым положил словарь Чжоу Дэцина (1324): в нём сокращено число рифм, отражается новая

(совпадающая с современной пекинской) система из четырёх тонов, обращает внимание на частые ошибки в рифмах, вызванные диалектным произношением.

В 1368 г. к власти вновь приходит китайская династия, заинтересованная в консолидации территорий. Появляется новый китайский словарь, ориентированный на некое усреднённое произношение, а не на какой-либо живой диалект и не придерживавшийся старой системы рифм. Вслед за ним создаётся словарь "Чжунъюань инь юнь", который порвал с традицией и ориентировался на господствующий северный диалект.

В 14--15 вв. составляются практические словари-справочники, предназначенные для обычных грамотных людей: Лань Мао (1442); Би Гунчэнь (17 в.), словарь которого в 1913 г. лёг в основу официальных рекомендаций по "национальному произношению"; Фань Тэнфэн (17 в.), опиравшийся на двух названных лексикографов и сокративший число классов рифм, по-новому описавший тоны. Ряд словарей строится на базе других диалектов.

В словаре Мэй Инцзо (1615) иероглифы группируются по их 214 смысловым частям -- ключам (в "Шо вэне" их 540). Переработку этого словаря предпринимает Чжан Цзыле (1671), проанализировавший разные варианты написания иероглифов. При маньчжурской династии появляется официальный стандартный словарь (1716), который опирался на книгу Мэй Инцзо и широко используется вплоть до настоящего времени. Был также создан официальный фонетический словарь, составленный Ли Гуанди (1726), где предлагался другой способ обозначения чтения иероглифа (не посредством разрезания, а посредством соединения).

В 1711 г. была завершена книга из 444 томов, посвящённая сочетаниям, в которых встречается тот или иной иероглиф, с огромным множеством иллюстраций из литературы, начиная с древнейших китайских памятников.

В 17--18 вв. достигла больших успехов историческая фонетика. Она обслуживала комментирование древних текстов, в то время как интересы поэзии по-прежнему обслуживали словари рифм и фонетические таблицы. Предпринимается анализ древнекитайских рифм в целях реконструкции: У Юй (около 1100--1154), первым пытавшийся реконструировать древнее произношение; Чэнь Ди (1541--1617), противник теории произвольных "согласованных рифм"; подлинный создатель китайской исторической фонетики Гу Янью (1613--1682), стремившийся воссоздать систему древнекитайских рифм в целом. Продолжили эту традицию и получили немало новых результатов Цзян Юн (1681--1762), Дуань Юйцай (1735--1815), Дай Чжэнь (1723--1777), Кун Гансэнь (1752--1786), Ван Няньсунь (1744--1832), Цзян Югао (умер в 1851), Ся Синь (1833), Цянь Дасинь (1728--1804), Янь Кэцзюнь (1762--1843), Чжу Цзюньшэн (1788--1858). В конце 19 -- начале 20 вв. интерес к исторической фонетике древнекитайского языка возродился. Создание и поступательное развитие исторической фонетики представляет собой важнейшее оригинальное достижение китайского языкознания.

Первая попытка классификации диалектов китайского языка предпринимается в конце 16 или начале 18 в. (в эпоху Мин).

Новое развитие получает схолиастика, толкующая значения древних слов. Руководил составлением многотомного компилятивного сочинения такого рода Жуань Юань (1764--1849). В связи со схолиастикой разрабатывается текстологическая критика (Гу Янью).

Постепенно из схолиастики вычленяется грамматика, ведавшая прежде всего составлением словарей служебных слов: Лу Ивэй (1592), Лю Ци (1711), Ван Иньжи (1766--1834). В ней к числу служебных слов относятся не только предлоги, союзы и частицы, но и

отрицания, вопросительные и указательные слова, некоторые наречия и прилагательные. Юй Юэ (1821--1906) предпринимает рассмотрение в числе различных затруднительных случаев ряда неясных грамматических конструкций, явлений древнекитайского синтаксиса.

Сами китайские учёные в раннее средневековье не проявляли интереса к другим языкам, тогда как в соседних странах интерес к китайскому языку практически не угасал (ср. переводный словарь китайского языка, появившийся в 1190 г. в тангутском государстве Сися, где под китайским влиянием начинала формироваться, не получив завершения, своя традиция). Но в начале 15 в. формируются некоторые государственные учреждения, занимавшиеся перепиской с правительствами соседних стран, ведавшие приёмом послов и составлявшие для своих переводчиков китайско-"варварские" словарики, в которых иностранные слова располагались по смысловым группам и транскрибировались при помощи китайских иероглифов (с эпизодическим включением иноязычных слов в их собственном написании).

Первым контактам с европейским языкознанием способствовали миссионеры-иезуиты, издававшие на китайском языке книги о западной науке и технике. Среди них была книга Никола Триго / Цзиня Нигэ (1577--1628), излагавшая с европейских позиций китайскую фонетику: автор использует транскрипцию посредством латиницы китайских слов, прибегая вместе с тем к чисто китайским приёмам деления слога на инициаль и финаль, расположения иероглифов по рифмам и группам омонимов, обращения к фонетическим таблицам.

В 90-х гг. 19 в. традиционная китайская фонология / фонетика, не выходящая за пределы классификации слогов, исчерпала себя. Лао Найсюань (1842--1921) был одним из её последних представителей (работы 80-х гг. 19 в.). Фонетисты следующего десятилетия знакомятся с принципами алфавитного письма; начиная с 1892 г. появляются проекты алфавитов для китайского языка. Обсуждается проблема членимости китайского слова (и слога) на звуки. С 1958 г. в КНР действует звуковой алфавит на латинской основе, состоящий из 26 знаков (включая диграфы). Он используется в телеграфной связи, в учебниках (особенно для иностранцев). Полный же переход к алфавитному письму в настоящее время не планируется в силу чрезвычайной диалектной раздроблённости и нежелательной перспективы утраты гигантского многотысячелетнего культурного наследия. Поэтому основные усилия лингвистов сосредоточены на работе по упрощению начертания иероглифов.

В 1898 г. издаётся первая настоящая грамматика древнекитайского языка -вэньяня (Ма Цзяньчжун, 1844--1900). Она построена по образцу латинской универсальной грамматики, декларируя инвариантность грамматики для всех языков при различии лишь звуковой стороны. В ней даются классификация знаменательных слов и их функций в предложении; описание значений служебных слов; сведения о структуре предложения. В 30--40-х гг. получают быстрое развитие фонетика и особенно грамматики, ориентированные на синтез и европейской лингвистической традиции, и собственной традиции, нередко более адекватно объясняющей специфические явления языков типа китайского.

Современное китайское языкознание выступает как часть мировой науки о языке, оплодотворяемая её идеями и вносящая в её развитие свой вклад.

1.3. Индийская лингвистическая традиция

Другая самобытная и чрезвычайно устойчивая лингвистическая традиция Восточного мира возникла в древней Индии. Она, как и китайская лингвистическая традиция, но гораздо

интенсивнее воздействовала на формирование и развитие языковедческой мысли в соседних странах.

В начале 2-го тыс. до н.э. с Северо-Запада в Иран и Индию вторгаются индоевропейские племена ариев, или арийцев (индоиранцев). В результате дивергенции индоиранские языки распадаются на две ветви -- иранскую и индоарийскую. Носители языков первой ветви расселяются также на территориях современных Афганистана и Таджикистана.

Самоназвание индоиранских племён, обитавших ранее в северном Причерноморье, а затем в Малой Азии, -- агуа (в первоначальном значении 'благородный, верный, дружелюбный; представитель одной из трёх высших каст'). Кстати, это слово легло в основу двух собственных имён -- Иран (aryanam 'страна ариев/благородных'), сохранившегося поныне и означавшего территорию расселения первой группы арийских племён, и Арьяварта (Arya varta 'путь, страна ариев/благородных'), означавшего в ведийской мифологии и в реальной жизни первоначальную территорию расселения другой группы ариев в Индии.

Об индоарийцах мы знаем как о носителях ведийской культуры (середина 1-го тыс. до н.э. -- середина 1-го тыс. н.э.), запечатлённой в передаваемых изустно религиозных текстах -- ведах (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа). Стремление сохранить в чистоте язык религиозного ритуала, получивший название ведийского, и явилось как раз основой для пробуждения специального интереса к проблемам языка в 1 тыс. до н.э. прежде всего в среде представителей высшей касты -- жрецов-брахманов, исполнявших сложные культовые обряды на уже устаревающем и не всегда понятном даже в их собственном кругу языке, который считался языком богов и которому приписывалась магическая сила. Ведийский язык, служивший индийской ветви ариев, к середине 1 тыс. до н.э. практически уже вышел из употребления. Необходимы были всесторонние комментарии к ритуальным текстам.

Складывавшаяся в Индии под влиянием потребностей религиозного культа проблемная ситуация отличалась от тех, которые имели место на Ближнем Востоке и в Китае: здесь приоритет отдавался звучащей речи, а не письму; письмо появилось относительно поздно. Соответственно этому первоочередное внимание уделялось изучению законов мелодики, ритмики, метрики, фонетики (и этому потом у представителей индийской культуры учились китайцы, приобщаясь к буддизму), а также элементарному этимологизированию слов.

Древние индийцы добились существенных успехов в изучении звуков речи и их классификации на основе артикуляторных признаков. Ими уже осознавалась нетождественность понятий звука речи и фонемы, у них имелись намётки понятия слогафонемы. Построенные на чёткой логической основе артикуляторные классификации звуков нашли отражение в порядке следования графических знаков в буквенно-слоговых системах индийского письма (брахми -- примерно с 8 в. до н.э., кхароштхи, нагари, деванагари, шарада и др.), которые скорее всего восходят не к оставшемуся ещё не расшифрованным протоиндскому (в основном иероглифическому), а к западносемитскому слоговому письму.

Заметны достижения древних индийцев в области лексикографии. Им принадлежат составленные на санскрите -- языке, качественно отличном от ведийского, обширные ритуально-мифологические трактаты -- брахманы (8--7 вв. до н.э.), в которых излагаются общие программы обрядовых действий жрецов и толкования исполняющихся при этом ведийских стихов. Вместе с тем они обращались и к ведийскому языку. Сборники глосс к вышедшим из употребления словам "Ригведы" представляют собой первые собственно языковедческие опыты.

В русле поздневедийской религии (брахманизма) сформировалась специальная дисциплина -- нирукта, занимающаяся объяснением и этимологическим толкованием используемых в жреческом ритуале слов. Активно разрабатывались словари, каталогизирующие имена богов, названия совершаемых ими действий, находящихся в их распоряжении предметов, признаков этих предметов и т.п.

"Нирукта" Яски -- это первый дошедший до нас обширный лексикографический труд подобного рода, состоящий из пяти частей и включающий синонимические ряды и тематические группы имён предметов, списки глаголов и отглагольных имён, менее систематизированные списки существительных и прилагательных и т.д. В своём труде Яска уделил особое внимание этимологии. Вместе с тем он включал в свою "Нирукту" и грамматическую информацию (грамматическая классификация слов, сведения из области словообразования, понятие падежа, семичленная парадигма имени -- без вокатива).

Особенно высокого уровня достигает разработка проблем грамматики. Вершиной грамматической мысли и образцом для множества подражаний явился труд "Ашгадхьяйя" ('Восьмикнижие') Панини (5 или 4 в. до н.э.), ставящий задачей строгую регламентацию и канонизацию санскрита, который сложился рядом с ведийским языком на другой диалектной основе и постепенно вытеснял его в религиозном обиходе.

Панини постоянно обращает внимание на главные особенности ведийского и отличия от него санскрита. Описание языка следует строго синхроническому принципу. И сегодня, с позиций "активной грамматики" (т.е. грамматики говорящего) и генеративной лингвистики, поражает оригинальный подход Панини к описанию языка: он идёт от коммуникативной целеустановки и передаваемого смысла к подбору лексических морфем (корней) и затем синтаксических конструкций. Фонетические сведения растворяются в основном корпусе грамматики. Они излагаются с позиций, близких по духу современной морфонологии. Особое внимание уделяется морфологическому анализу (без разграничения словоизменения и словообразования).

В грамматике Панини обращает на себя внимание чрезвычайная сжатость изложения (в целях более лёгкого заучивания правил наизусть). Используется изошрённая система символизации языковых единиц, правил и операций. Впервые в истории лингвистики постулируется понятие "фиктивных" морфем.

Синтаксис строится прежде всего как изложение совокупности сведений о функциях существительного в предложении и т.п., разбросанных в разных местах труда. В грамматике содержится ряд приложений в виде списков слов, объединённых грамматическими признаками.

Следует отметить преимущественно теоретическую направленность труда Панини, предвосхищающего по своему научному уровню достижения современной формальной логики, структурной и генеративной лингвистики.

Последующие грамматические труды в древней и средневековой Индии представляют собой главным образом комментарии или переработки канонизированной грамматики Панини (Вьяди, Катьяяна, Патанджали, а в средние века Чандра, Вараручи, Хечамандра, Джаядитья, Вамана, Бхаттоджи Дикшит). Паниниевские принципы послужили опорой при описании ряда других индоарийских языков (в том числе пракритов).

Рядом с классическим санскритом возникает и получает распространение буддийский гибридный санскрит, который, наряду с пали, явился одним из главных языков буддийской религии, постепенно (с 6--5 вв. до н.э. до конца 1-го тыс. н.э.) теснившей религию

брахманизма, а затем в течение 1-го тыс. н.э. растворившейся на территории Индии в индуизме как обновлённом брахманизме.

Древние индийцы обращались и к вопросам философии языка, первоначально в мифологических сказаниях и религиозных текстах, а затем в философских и грамматических трудах. Они признавали язык высшим божеством ("Ригведа"). В ведийском пантеоне выделялись боги, в ведении которых находится языковая деятельность: богиня Речи Вач, богиня священной речи Бхарати, богиня истинной речи Варуна. В индуистском пантеоне Речь (Vac) стала отождествляться с Брахманом -- безличным абсолютом, мировой духовной субстанцией. Сарасвати была отведена здесь функция богини познания, мудрости и красноречия. В целом же, обсуждение проблем языка занимало представителей практически всех основных систем индийской религиозной философии: брахманизма, джайнизма, буддизма, индуизма.

Особо широкое распространение в Индии получили лингвофилософские идеи ведущего представителя "грамматической школы" философии Бхавртрихари (5--6 вв. н.э.), изложенные в знаменитом сочинении "Вакьяпадия" ('О слове и предложении'). Этот мыслитель отождествлял Брахмана как высшую реальность, не имеющую начала и конца, со Словом (Словом-сущностью), из которого развёртывается вся Вселенная с её бесконечным разнообразием предметов и явлений. Вселенная есть, по его мнению, и то, что должно быть высказано (выражаемое, означаемое), и высказывающее (выражающее, означающее), а именно слова, речь. Бхавртрихари полагал, что знание переплетено со словом уже у новорождённого, что из этого переплетения рождается вся человеческая деятельность и берут свои истоки наука, искусство и ремёсла.

Он различал три стадии, которые проходит Слово в своём развитии: "провидческую" (здесь речь неделима и вечна), "промежуточную" (здесь Слово есть ментальная и не воспринимаемая людьми сущность, хотя и имеющая как бы временную последовательность), и "выставленную" (где наблюдается артикулируемая, звучащая речь).

С ориентацией на вторую стадию он формулирует понятие спхоты в качестве центрального звена всей "грамматической философии". Спхота есть для него неделимый языковой символ, некое состояние сознания, сообщаемое слушателю с помощью звуков речи. Высказывание признаётся главной единицей, из которой выделяются слова, а не которая складывается из слов. Им различаются спхота предложения, спхота слова и даже спхота фонемы (но не звука).

Идеи, которые легли в основу индийской языковедческой традиции, получили распространение далеко за пределами Индии (вместе с распространением буддизма). Они получили дальнейшее развитие в средневековой, а также в современной Индии.

Европейские учёные познакомились с санскритом и идеями древнеиндийской грамматики в конце 18 -- начале 19 вв., что оказало значительное влияние на складывание сравнительно-исторического языкознания и его метода. Основоположники компаративистики верили в то, что древнеиндийский язык является предком всех индоевропейских языков, что ему присуще высшее совершенство, утраченное в развитии языков-потомков. Нередкое обращение к разработанным древними индийцами понятиям и особенно процедурам анализа наблюдается также в современном европейском и американском языкознании. При этом часто не обходится без ошибочного отождествления понятий, выдвигавшихся древнеиндийской наукой, с близкими понятиями, сформулированными в европейской лингвистической традиции, без достаточного учёта

различий в этнокультурном, общенаучном и языковедческом контекстах.

Следует отметить этнокультурную специфику индийской науки, остававшейся равнодушной к истории и хронологии появления грамматических трактатов и словарей, не менявшей резко своих ориентиров. Этим обусловлена трудность разделения истории индийской лингвистики на древнюю и средневековую. Отличия заключаются, главным образом, в появлении в начале средневековья развитой лексикографии и становлении -- рядом с грамматической -- лексикографической традиции. В средневековье прослеживаются те же, как и в древности, мотивы подчинения лингвистических занятий практическим нуждам реставрации и пересоздания ритуала, теперь уже в религиозно-йогических целях достижения потустороннего.

И в древности, и в эпоху средневековья язык понимался индийскими мыслителями как вид деятельности (в противоположность европейским лингвистам, видевшим в языке прежде всего номенклатуру наименований). В средневековый период усилилось внимание к слову, так как на смену ставившей во главу угла авторитет вед ведийско-брахманистской идеологии, в недрах которой формировались труды Панини и его современников, пришло учение Будды Гаутамы / Шакьямуни (6 в. до н.э.). Будда отказывался преклоняться перед авторитетом вед и заменил их беседами и проповедями учителя -- сутрами, имеющими уже иную структуру и охватывающими практически всю семантико-психическую сферу жизни человека, что поставило в центр внимания значение слова.

Представители классической грамматики продолжали толковать тексты вед, а лингвисты-семантики занялись толкованием поучений Будды. Брахманистски мыслящие Панини и его продолжатели проявляли интерес к способу выражения, к форме текстов, а представители буддийской идеологии -- к содержательной стороне текстов. Этим было обусловлено различие в наборах терминов. К концу 1-го тыс. н.э. буддийская религия утратила свои позиции в Индии в связи с возрождением брахманизма в лице индуизма, что вновь упрочило позиции паниниевской традиции.

Как в древности, так и в средневековье учитывались цели описания языка, предназначённость его определённым адресатам. Индийские учёные разработали процедуры установления и классификации при анализе языка не обнаруживаемых в непосредственном опыте единиц конечного набора, отказываясь разграничивать их сущность и явление. Им была присуща вера в то, что сверхчеловеческий автор преподал людям язык как матрицу, т.е. свёрнутую форму знания, развёртываемую далее усилиями людей.

Известны многие средневековые комментаторы труда Панини, работавшие в русле его традиции: Патанджали, Катьяяна, буддист Чандрагомин (5 в.), джайн-дигамбар Джайнендра (5 в.), джайн-шветамбар Шакатаяна (8 в.). Они стремились сделать книгу Панини еще более лаконичной. Появляются связанные своим методом с грамматикой Панини и в то же время как бы её ревизовавшие грамматические трактаты "Дхатупатха", "Гана-патха", а также принадлежащая Чандрагомину "Унадисутра", где автор проводит различие между морфемой и словом, утверждая наличие у последнего референта.

На основе паниниевской модели создаются грамматики пракритов (кодифицированных в литературе форм среднеиндийской речи): Вараручи, Хемачандра (13 в.). Объектом грамматического описания становится палийский язык, обслуживавший южный буддизм. Авторы трудов по языку пали Каччаяна, Сангханандин, Брахмадатта ориентируются по преимуществу на допаниниевскую грамматическую школу Айндры.

Появляются первые словари. Буддист Амарасимха (5 в.) заложил принципы индийской

лексикографии (группировка слов по содержательным признакам, упорядоченный список синонимов, список многозначных слов с толкованиями, стихотворная форма словарных статей -- для заучивания). За ним следуют индуист Халаюдха, джайн Хемачандра (11--13 вв.). Привлекают внимание классификация лексики в соответствии с принимавшейся в то время классификацией явлений мира, нащупывание неделимых одноплановых единиц содержания (аналог фигур содержания у Л. Ельмслева), различение первичных и вторичных значений слов. На последующем этапе развития буддистской мысли появляется понятие мантры -высказывания как атома целенаправленной языковой деятельности, как единства фигур выражения (фонем) и фигур содержания.

Впоследствии формируется (с учётом йогического использования языка) явившееся последним принципиальным достижением средневековой индийской лингвистической мысли понимание значения как величины, определяемой внеязыковым контекстом, ситуацией, прагматическими факторами, что хорошо согласовывалось с общим пониманием языка как способа деятельности.

В современной Индии собственная лингвистическая традиция ещё жива, хотя индийские учёные и особенно их западные коллеги стремятся применить к изучению санскрита и других индоарийских языков выработанные в западной традиции методы сравнительно-исторической, ареальной, структурной, генеративной лингвистики.

1.4. Арабская языковедческая традиция

Формированию арабского языкознания и достижению им за относительно короткое время высокого уровня развития способствовали исторические условия, приведшие к быстрому возвышению арабского народа. В 632 г. было основано военно-теократическое государство -- Арабский халифат, границы которого необычайно быстро расширились в результате победоносного шествия арабов, завоевавших обширные территории на Ближнем и Среднем Востоке, включая значительную часть Индии, в Закавказье, Северной Африке, Испании. В процесс развития арабоязычной культуры включилось множество разных этносов. Вместе с исламом получил распространение арабский язык, принявший на себя роль языка религии, государственного управления, образования и науки (аналогичную той роли, которую в средние века выполнял латинский язык на Западе Европы, будучи одним из факторов двуязычия, и в какой-то степени старославянский язык в Slavia Orthodoxa, где он был -- в силу генетической близости к народным языкам -- одним из факторов диглоссии).

Арабский мир переживал в тот период бурное развитие естественных и гуманитарных наук. Занятию языком (и именно арабским) здесь отводилось почётнейшее место, Даже сами правители Халифата проявляли живой интерес к лингвистическим шгудиям (так, в арабских преданиях инициатива создания грамматики приписывается халифу Али, 656--661).

Было распространено убеждение, что Коран продиктовал пророку сам Аллах на арабском языке, превосходящем по своим достоинствам все другие языки. Запрещалось переводить Коран на другие языки и совершать на них религиозные обряды. Забота о чистоте арабского языка возводилась в разряд важнейшей общегосударственной задачи.

Арабское письмо возникло ещё до принятия ислама. Оно имеет консонантно-буквенный характер, строки записываются справа налево (в соответствии с основными принципами западносемитского письма). Его прототипом явилось набатейское письмо (4 в. до н.э. -- 1 в. н.э.), восходящее, в свою очередь, к арамейскому письму (и через него к финикийскому). Набатейское письмо использовалось арабоязычными жителями Синайского полуострова и

Северной Аравии вплоть до 6 в.

Собственно арабское письмо складывается в начале 6 в. в гор. Хира, столице арабского Лахмидского княжества. Дальнейшее развитие оно получает в середине 7 в., при первой записи Корана (651). Во второй половине 7 в. вводятся дополнительные строчные, надстрочные и подстрочные знаки для различения сходных начертаний, для обозначения долгих и кратких гласных, удвоения согласных и отсутствия гласных. В средние века арабское письмо использовалось многими мусульманскими народами (в том числе и для записи текстов на своих языках), что приводило к возникновению новых графических систем. Впоследствии, уже в 20 в., границы его распространения существенно сократились. Так, например, турки перевели свою систему письма на латинскую графику. То же происходило в 20-е гг. во многих союзных и автономных республиках бывшего СССР.

Одну из первых попыток составить арабскую грамматику, по преданиям, предпринял Абу л-Асуад ад-Ду'али, современник халифа Али. Он выделил три части речи: имя, глагол и частицы, ввёл знаки для кратких гласных, затрагивал вопросы словоизменения и пр. Его учениками были Яхия ибн Яа'мар, 'Анбаса ибн Ма'дан ал-Фихри и самый выдающийся из них Абу 'Амр 'Иса ибн 'Умар ас-Сакафи.

Всё самое лучшее и оригинальное создаётся в средневековом арабском языкознании в 8--13 вв., т.е. до монгольских завоеваний. Есть документальные свидетельства, что активная деятельность арабских языковедов продолжалась и позже, до завоевания турками Константинополя (1453).

Совершенство и чёткая методологическая направленность созданной арабами за короткое время системы языковедческих знаний объясняются и тем, что арабы сумели творчески освоить всё накопленное в течение предыдущих веков как в эллинистической науке, так и в индийской науке, и тем, что они смогли глубоко проникнуть в структуру своего языка, серьёзно обогатив науку о языке многими важными положениями.

Арабская наука о языке существенно повлияла на разработку грамматик и словарей родных языков и общелингвистической теории во всём мусульманском мире, на становление еврейской лингвистической традиции, на становление и развитие в Европе арабистики и, наконец, на появление тюркологии в рамках арабской традиции.

Арабское языкознание (особенно в лице мусульманско-испанской науки) выступило посредником между античной наукой, достижения которой (в частности многие труды Аристотеля) оставались неизвестными в средневековой Европе до 11--12 вв., и европейской схоластической логикой. Под влиянием арабской гуманитарной и естественной науки в западноевропейских университетах получил распространение аверроизм как арабская версия аристотелизма.

Главнейшими из языковедческих школ, возникших на территории нынешнего Ирака после её завоевания арабами, были Басрийская -- самая ранняя из всех, Куфийская и Багдадская. Между школами Басры и Куфы постоянно велась острая полемика по вопросам грамматики арабского языка. Басрийцы выступали как аналогисты, носители пуристских тенденций, строгие ревнители классических норм языка Корана и поэзии. Куфийцы же были аналитиками, допускавшими возможность целого ряда отклонений, особенно в области синтаксиса, ориентировавшимися на разговорную речь и считавшими эталоном арабской орфоэпии хиджазский диалект. Басрийцами в качестве исходной единицы для словообразования и формообразования была выбрана единица действия -- масдар, а куфийцами -- глагольная форма прошедшего времени.

В 762 г. центр административной, политической, культурной жизни переместился в новую столицу халифата -- Багдад, основанный в 762 г. На первом этапе деятельности багдадских грамматиков господствовали куфийские принципы, затем утвердилась басрийская концепция; в итоге сложилось эклектичное направление. Обширная преподавательская деятельность багдадских грамматиков отразилась на их стремлении к краткому и логичному изложению.

Первой дошедшей до нас арабской грамматикой является "Al-Kitab" басрийца Сибаваихи (умер в 794). Он подверг детальному научно-теоретическому описанию многие явления синтаксиса, морфологии, словообразования и фонетики, используя достижения многочисленных предшественников и современников. Это сочинение стало объектом многочисленных и обширных комментариев и обеспечило незыблемость авторитета Сибаваихи до наших дней.

Арабские учёные обычно делили грамматику на синтаксис, морфологию и фонетику и уделяли значительное внимание вопросам словообразования, а в связи с ним этимологии, благодаря которой в 11 в. высокого уровня достигла теория корня. Синтаксис и морфология представляют собой наиболее оригинальные части арабской грамматики, не имеющие источников ни в греческих, ни в индийских трудах и ориентированные на специфику именно арабского языка.

Задача синтаксиса состояла в структурно-семантическом анализе предложения. В нём постулировались субъектно-предикатные отношения между двумя именами или между именем и глаголом. Различались предложения малые/элементарные и большие, образующие иерархию; предложения именные, глагольные и обстоятельственные -- в зависимости от того, какое слово стоит в начале предложения, а соответственно разные виды подлежащих и сказуемых. Выделялись и детально классифицировались второстепенные члены предложения (до пяти видов дополнений, обстоятельства разных видов, "приложения"). Различались случаи формальной и виртуальной реализации флексий. Было введено понятие подразумеваемого члена для объяснения конструкции. Анализу подвергались также отношения согласования, управления и примыкания.

В морфологии рассматривались части речи и особенности их формообразования, не обусловленные синтаксически. Сюда относились такие вопросы, как части речи (имя, глагол и частицы до 27 видов), структура корня, имена и их многоаспектная классификация по разным основаниям (имена явные -существительные, прилагательные, имена скрытые -- личные местоимения, имена общие -- указательные и относительные местоимения и т.д.), глаголы (с детальной классификацией их форм и значений), двухпадежные и трёхпадежные имена, образование относительных имён, образование композитов, образование форм числа и рода, образование деминутивов, изменения формы слова в связи с наличием слабых корневых согласных, паузальные формы и т.п. Здесь же дискутировался вопрос о масдаре.

Особенно большие успехи были достигнуты в фонетике (Халиль ибн Ахмад; Абу Али ибн Сина -- Авиценна, 980--1037; Сибаваихи). В фонетических разделах грамматических трудов описывались либо только артикуляции арабских звуков, либо также их комбинаторных изменение. Существенное влияние на арабов оказала индийская система классификации звуков, основанная на учёте места артикуляции и других артикуляторных признаков. Использовался приём сравнения звуков в артикуляторном и функциональном отношениях. Авиценна ввёл понятие корреляции для установления отношений между звуками. Случаи геминации квалифицировались как результат полной прогрессивной или регрессивной

контактной ассимиляции. Описывалась ассимиляция частичная и дистантная. Исследовались вопросы о взаимодействии согласных и гласных, о замене согласных, о метатезе, об утрате хамзы, об элизии, о возникновении связывающего гласного, о палатализации, веляризации, о звуковом символизме.

Арабские языковеды активно исследовали лексику как литературного языка, так и диалектов. Им принадлежат многообразные классификации слов (по структуре, семантике, происхождению, частотности), подсчёт возможного количества корней в арабском языке, разработка правил совместимости определённых согласных в корне. Изучению подвергаются слова устаревшие, редкие, заимствованные. Различаются слова однозначные и многозначные, значения прямые и переносные. Большое внимание уделяется синонимам и омонимам.

Существенные успехи были достигнуты в лексикографии. Составляются словари толковые, предметные, синонимов, редких слов, заимствований, переводные, рифм. Слова в словарях располагаются как по месту образования согласных, так и по алфавиту с учётом последнего корневого согласного либо первого корневого согласного. Первым из них был арабский словарь Халиля ибн Ахмада "Kitab al-'ajn" (расположение слов по фонетическому принципу -- от фарингальных к лабиальным; сперва корни двухсогласные, затем трёхсогласные, далее многосогласные; указание на все возможные модификации корня; использование метода анаграмм). Метод, который был использован в составлении этого словаря, использовался на протяжении трёх веков.

К усовершенствованию словарей в дальнейшем привели новые достижения фонетики. Они отразились в словаре ибн Манзура (умер в 1311) "Lisan al-'arab", который явился вершиной арабской средневековой лексикографии.

Особое место в науке Арабского халифата занимал Махмуд ибн-ал-Хусейн ибн Мухаммед / Махмуд Кашгарский (11 в.), автор выдающегося двуязычного "Словаря тюркских языков" с объяснениями на арабском языке (который составлялся и редактировался с 1072 по 1083). В словарь была включена лексика с указанием её племенной принадлежности, сведений о расселении тюркских племён, об их истории, этнографии, поэзии и фольклоре, о классификации тюркских языков, сведений по тюркской исторической фонетике и грамматике, самой старой тюркской карты мира.

Автор осознавал разносистемность тюркских языков и арабского (он отмечал использование первыми агглютинации и последним внутренней флексии). Ему было присуще чёткое представление о вариантах аффиксов, обусловленных сингармонизмом. В словаре были рассмотрены вопросы взаимодействия (контактов) между языками тюркскими, иранскими и арабским. Махмуд Кашгарский различал букву и звук. Он провёл обстоятельный анализ словообразовательных и залоговых аффиксов, охарактеризовал отдельные словоизменительные аффиксы. Этот мыслитель понимал природу многозначности слов. Он отграничивал омонимы от многозначных слов. Имеются у него некоторые этимологические сведения. Нужно подчеркнуть, что у Махмуда Кашгарского не было предшественников в области изучения тюркских языков. Он настаивал на признании равноправия тюркских языков с арабским.

Проблема происхождения языка пользовалась широкой популярностью в арабской лингвистике и мусульманской теологии (9--11 вв.). Сторонники божественного происхождения языка защищали первородство арабского языка. По их мнению, язык был создан в целом Аллахом, который либо научил всему его богатству Адама, либо сообщил все

его богатства в результате божественного откровения только Мухаммаду, но неполно передал его остальным пророкам и в своих основах Адаму, либо, не будучи его творцом, только вмешивается в процесс его совершенствования. Противники же утверждали, что язык есть продукт творчества мудрецов либо продукт коллективного творчества, результат соглашения между людьми. Они искали причины возникновения языка в потребности установления связи между членами общества и для выражения смысла.

Как и у древних греков, велись споры между сторонниками естественной связи между звуковой оболочкой слова и предметом и сторонниками установления связи обозначающего и обозначаемого по соглашению. Важным достижением арабской лингвистической мысли было признание того, что количество слов ограничено, а количество значений бесконечно.

1.5. Языкознание в Японии

Развитие японской лингвистической мысли в 8--19 вв. в основном шло своими путями, но не без влияния на начальном этапе китайской и индийской традиций, а с середины 19 в. (после истечения первой половины эпохи Мейдзи и завершения длительной культурной обособленности Японии) и европейской традиции. В её истории могут быть выделены следующие основные этапы: 8--10 вв., 10--17 вв., конец 17 -- середина 19 вв.

Знакомство японцев с китайской иероглифической письменностью состоялось в первых веках н.э. Первый известный японский памятник датируется 5 в. Такие значительные памятники, как "Кодзики" и "Нихон-сёки", были созданы в начале 8 в. Они были записаны китайскими иероглифами, которые -- наряду с китайским -- имели и японское чтение. Со временем, с 8 в. -- в силу синтетичности японского языка в отличие от аналитичности китайского -- изобретаются специальные значки, писавшиеся сверху, снизу или сбоку от иероглифа и указывающие на морфологические формативы (система кунтэн). В это же время происходит оформление системы камбун ('китайское, или ханьское, письмо'), которая регулировала порядок записи и прочтения текста; она использовалась в связи с изучением китайского языка и китайской культуры. В дополнение к китайским создаётся некоторое множество и японских иероглифов.

Слишком сложная система камбуна постепенно вытесняется складывающейся (с 6 в., сперва для передачи собственных имён) собственной графической системой, построенной на основе слогового принципа. Иероглифы используются как слоговые знаки (манъёнгана), рядом с которыми появляются собственно слоговые знаки каны, что знаменовало становление вабуна ('японского письма'). На вабуне в основном стали записываться художественные тексты. Сосуществование камбуна и вабуна было довольно долгим. Их использование было распределено между жанрами текстов. Камбун особенно влиял на лексикографическую практику, которая продолжала следовать китайским образцам словарей.

На рубеже 8--9 вв. утверждаются два варианта каны -- хирагана и катагана, которые вытеснили конкурирующие варианты и употребляются до настоящего времени. Знаки хираганы и катаганы сохранили до сих пор своё слоговое значение, переход к звуко-буквенному японскому письму не состоялся (под влиянием китайского канона и в силу простой структуры японского слога в отличие, например, от корейского, которое не смогло удовлетвориться слоговым письмом). Уже в 9--10 вв. складывается традиция записывать лексические единицы иероглифами, а грамматические в основном каной. Предпринимались многочисленные попытки упорядочить знаки каны, сперва с учётом последовательности их появления в записи стихотворения (ироха, 9 в.).

Постепенно была осознана членимость слога (под влиянием знакомства с индийскими трудами по фонетике и с алфавитом деванагари, что было обусловлено проникновением в Японию буддизма и началом изучения санскрита). Всё более усложнялись опыты составления фонетических таблиц как инструментов систематизации знаков каны (10--11 вв.). Санскритолог Сёкаку в начале 12 в. создаёт канонизированную впоследствии систему гоон ('пять слогов'; позднее -с 17 в. -- она носит название название годзюон 'пятьдесят слогов'), в которой в каждом столбце таблицы группировалось по пять знаков. Ироха и годзюон сосуществуют до середины 20 в.

Японские учёные приняли и попытались приложить к материалу своего языка трёхмерную группировку слогов в таблицах индийского алфавита деванагари по признакам: а) место и способ образования согласной части, б) звонкость -глухость и непридыхательность -- придыхательность согласной части, в) характер гласной части. Они, однако, строили двухмерные группировки в таблицах годзюона в связи с нерелевантностью оппозиции непридыхательность -- придыхательность и (в период возникновения годзюона) нерелевантностью оппозиции звонкость -глухость. Гласные и согласные осознаются как самостоятельные сущности только в период влияния европейской лингвистической традиции.

Рано начинают различаться знаменательные и служебные слова, корневые морфемы и аффиксы, что было обусловлено необходимостью анализа фактов для их письменной фиксации. Начиная с 8 в. пробуждается интерес к этимологизированию, причём анализ не опирался на достаточно надёжные основания. В этот же период начинают отмечаться диалектные особенности.

К 10 в. складывается собственно языковедческий подход, отразившийся в появлении комментаторской литературы и создании фонетических таблиц (годзюона). В 10--11 вв. пробуждается интерес к комментированию более ранних памятников, содержащих немало уже непонятных слов. Основными приёмами толкования неизвестных слов были: исследование контекста употребления слова; поиск исчезнувших слов в диалектах; поиск закономерных связей древних слов с понятными по смыслу современными словами, основанных на звуковых переходах и чередованиях (в основном гласных), на процессах выпадения или добавления слога (с целью устранения зияния). Вырос интерес к этимологии, опирающейся на звуковые изменения. Но у языковедов тогда ещё отсутствовало понимание исторического характера этих изменений.

Словари, ориентированные на специфику японского языка и отходящие от китайских образцов, появляются в 12--15 вв. В них прежде всего описывается лексика древних текстов. Она классифицируется по тематическим группам. Фудзиара Ика (13 в.) вводит членение слов на имена вещей и непредметные слова.

Обращается внимание на изучение орфографии древних текстов, результаты исследований находят отражение в выработке (начиная с 12--13 вв.) новой орфографической нормы, учитывавшей изменения в произношении за ряд веков, но по-прежнему опиравшейся по преимуществу на исторический принцип.

В 10--17 вв. ещё отсутствуют собственно грамматические сочинения, обращение к грамматическим явлениям имеет место лишь в связи с решением задач совершенствования графики и особенно создания многочисленных пособий по сочинению стихов. В стиховедческих сочинениях слова делятся на заключительные (завершающие предложения) и незаключительные, частицы классифицируются по характеру сочетания с определёнными

глаголами, разграничиваются омонимичные частицы, выделяются грамматические показатели настоящего и прошедшего времени, а также показатели своего и чужого действия, знаменательные и служебные слова различаются на основе функционального и семантического критериев, появляются классификации знаменательных слов. В этих работах выдвигается понятие тэниоха -- грамматических служебных элементов, правильное употребление которых обеспечивает правильность предложения. Но в целом грамматические знания этого периода оставались несистематизированными.

Растёт внимание к вопросам поэтики и риторики. В 10--12 вв. формируется стабильный литературный язык бунго, всё больше удалявшийся от народно-разговорного. Работа японских учёных по нормализации этого языка велась вплоть до второй половины 19 в., причём они сознательно ориентировались на образцы 8--12 вв.

Первое знакомство японцев с европейской наукой состоялось в конце 16 - начале 17 вв. через португальских миссионеров. Миссионером Ж. Родригесом, опиравшимся на позиции европейского языкознания, была написана первая общая грамматика японского языка. Миссионерами же осуществляются первые опыты транскрипции японских текстов посредством латиницы.

В конце 17 в. японская наука о языке вступает в новый этап своего развития. Переход к этому этапу связан с деятельностью буддийского монаха Кэйтю (1640--1701). Он противопоставил себя как специалиста по истории японской национальной культуры по текстам на вабуне учёным, занимающимся изучением китайской культуры и памятников на камбуне. Ему принадлежит заслуга создания последовательной исторической системы орфографии. Кэйтю целенаправленно отбирает материал и чётко осознаёт методологические принципы. В основном он ориентируется на тексты 8 в. как образцы единообразных написаний. Им предпринимается исправление таблицы годзюона с учётом реконструкции законов организации древнеяпонского слога. Он устанавливает исторически верное написание для 1986 слов. Идеи Кэйтю позднее развивает и уточняет некоторые его результаты Катори Нахико (1765).

В конце 18 в. развёртывается новая дискуссия о взаимоотношении написания и произношения. В ней участвуют Уэда Акинари, не признававший изменений в произношении и подвергавший сомнению принципы Кэйтю, и выдающийся японский учёный Мотоори Норинага (1730--1801), который считал фонетические изменения закономерными, заложил основы исторической фонетики и завершил воссоздание первоначальной структуры годзюона, уточнил некоторые орфографические принципы Кэйтю, обратил внимание и на орфографию китайских заимствований. Дальнейшее развитие идеи Мотоори Норинага в области истории орфографии получили в трудах Мурата Харуми (1801), Тодзё Гимона (1827), Окумура Тэрудзанэ, Сираи Широкагэ. Эти достижения исторической орфографии сохраняют свою значимость и в настоящее время. Надо отметить, что Кэйтю и Мотоори Норинага заложили основы современной японской фонологии.

Письмо всегда оставалось одним из центральных объектов японского языкознания (в отличие от европейской традиции, где этим проблемам уделяется незначительное внимание). И сегодня не утратили своего значения разыскания в области истории японских систем письма, происхождения каны, манъёнганы, японских иероглифов: Араи Хакусэки (1657--1725), Иноу Монно (1754), Сянтю (1817), Окада Масасуми (1821), Баннобу Томо. Были продолжены разыскания в области истории китайской иероглифики.

Была продолжена интенсивная работа по комментированию древних памятников,

толкованию непонятных слов с использованием при их толковании перевода. Стали появляться переводы древних памятников на современный разговорный язык (Мотоори Норинага). Снова проявлялся интерес к вопросам этимологии, посвящённой разысканию первичного, данного богами смысла слов. При этом приёмы этимологического анализа в Японии оказались близки тем, которые использовались в античной и средневековой Европе. Главной целью ставилось отыскать первоначальный смысл слогов, которые в японской традиции принято считать нечленимыми.

Исследования исторических изменений в лексике сводились к установлению причин "порчи" слов. Были выявлены виды лексических изменений, обусловленные фонетическими и семантическими причинами (Кайбара Эккэн, 1699; Камо Мабути).

В качестве самостоятельной дисциплины, отличной от поэтики, формируется стилистика. В этой области активно работали Араи Хакусэки (1718; исследование архаизмов и неологизмов, литературного языка, просторечия и диалектов), Банкокэй (1777; классификация стилей), Мотоори Норинага (1792; классификация стилей-жанров и распределение лексики между стилями). Ими было зафиксировано различие стилей трёх периодов -- древнего (8 в.), среднего (9--12 вв.) и нового (с 13 в.), признаны образцовыми древний стиль и стиль среднего периода, начата борьба за изгнание слов, появившихся после 12 в., как "грубых".

Лексикографическая деятельность продолжается в русле старых традиций (с учётом достижений исторической орфографии). Наиболее крупным словарём этого периода является "Вакун-но сиори", который составил Танигава Котосуга (93 тома). Появляется диалектный словарь Косигая Годзана (1775).

В русле этимологических исканий в начале 19 в. формируется первая в Японии теория происхождения языка. Её создатель Судзуки Акира (1764--1837) говорил о четырёх путях -- подражание голосу животных, подражание человеческому голосу, подражание звукам природы, изображений действий и состояний. Он отдавал предпочтение звукоподражательным объяснениям в силу богатства японского языка звукоподражательной и звуко-символической лексикой. Этот учёный отходит от представлений о том, что язык был передан людям синтоистскими богами в готовом виде.

Первые эпизодические попытки сопоставления японского языка с другими предпринимают Араи Хакусэки (сопоставление японской и корейской лексики) и Тодзё Тэйкан (возведение японского языка к корейскому). В это время господствуют убеждения в исключительности и наивысшем совершенстве японского языка, которые поддерживал ещё Мотоори Норината. В лингвистических кругах закрепляется тенденция к изучению преимущественно своего языка.

Только в 18--19 вв. грамматика превращается в самостоятельную науку, независимую от поэтики, в рамках которой началось изучение тэниоха -вспомогательных грамматических средств. В её разработке приняли участие: Сасакиба Нобуцура (1760), установивший закономерности употребления спрягающихся слов в зависимости от наличия определённых тэниоха; Мотоори Норинага (1771, 1779), систематизировавший разрозненные наблюдения над употреблением тэниоха и осуществивший их классификацию, а также построивший оригинальную классификацию спрягающихся слов по их последним слогам.

Основоположником учения о частях речи в японском языке явился Фудзитани Нариакира (1738--1779). Он установил для японского языка 4 части речи -имена, ёсои (спрягаемые слова глаголы и прилагательные), ка 'головные украшения' -- стоящие перед словами первых

двух классов, аюи 'ножные обмотки' -- служебные слова и морфемы, стоящие после слов первых двух классов. Слова первых двух классов были отнесены к основным (на основе логико-философских принципов конфуцианства), а слова двух других классов, т.е. тэниоха, к вспомогательным (на основе структурных признаков, прежде всего синтаксических). Тэниоха рассматривались как слова, не имеющие вещественного значения и выполняющие служебные функции. Была выделена особая часть речи -ёсои 'облачение', выражающая понятия действия (в одном из классов -собственно глаголов) и состояния (в другом классе -- собственно прилагательных). В рамках первого класса были выделены глаголы со значением бытия. Прилагательные были разделены по типам спряжения. Была построена классификация форм изменения ёсои, учитывающая их подразделение на типы в зависимости от наличия или отсутствия определённых показателей. Была, наконец, дана детальная классификация вспомогательных слов.

Эту тему продолжили: Кэйтю (1695), разделивший все слова на спрягающиеся и неспрягающиеся; Танигава Котосуга (1709--1776) и Камо Мабути (1769), разработавшие -- независимо друг от друга -- схемы спряжения с опорой на годзюон и предложившие системный подход к спряжению.

Судзуки Акира (1803) явился первым японцем, создавшим грамматику своего языка. Он предложил собственную классификацию форм спряжения, учитывая как фонетические изменения в конечном слоге, так и соединяющиеся с ними тэниоха. Тэниоха он объединил в одну часть речи на основе таких признаков, как отсутствие вещественного значения и самостоятельного употребления, обслуживание изменения слов и синтаксических связей. Внутреннюю классификацию тэниоха он строил на основе их отношения к словам трёх других классов --междометий, наречий и местоимений. Он исследовал спряжение прилагательных. Наконец, слогу он придал самостоятельный статус (как морфеме).

Сын Мотоори Норинага Мотоори Харунива (1763--1828) предложил классификацию спряжений глагола с учётом форм изменения в вертикальном ряду годзюона. Он сократил число форм спряжения за счёт омонимичных форм и упростил схему спряжения, провёл анализ проблемы переходности -- непереходности с учётом различий в спряжении, дал квалификацию грамматических показателей пассива, каузатива, потенциальности как глагольных окончаний, предложил семантическую классификацию глаголов. Курокава Харумура (1799--1866) уточнил трактовку переходности -- непереходности.

Тодзё Гимон (1786--1843) предложил отказаться от философски-онтологических характеристик при классификации слов. Он различал слова неизменяемые и изменяемые, слова материальные и нематериальные, слова вида и слова действия. Глаголы и прилагательные он объединил в один класс. Он осуществил классификацию форм спряжения и изобрёл их наименования, используемые и сегодня. Формы спряжения были расположены в порядке гласных годзюона. При этом осуществлялся учёт фонетических изменений в конечном слоге и присоединяемых тэниоха. Ему принадлежит создание схемы спряжения, близкой по своему духу к современным.

Тогаси Хирокагэ создал кодифицированную впоследствии классификацию на основе модификации схемы Тодзё Гимона. Он выделил на функционально-семантической основе три части речи (кото 'слово' -- то, что существует само по себе, о чём человек говорит; котоба 'слово; речь' -- то, что существует не само по себе, что человек об этом говорит; тэниоха -незнаменательные изменяемые и изменяемые слова).

Японской лингвистической традиции присущи специфические черты: японцы понимают

слово в ином смысле, чем в европейской традиции (для них слова -- это единицы, совпадающие со словами в нашем понимании или же являющиеся частями слов типа наших основ слова, морфем); слог они рассматривают как неделимую единицу и часто отождествляют слог и морфему; морфемная сегментация подчинена слоговой.

Культурные контакты с Голландией оказали влияние на возникновение в Японии научной школы, где изучались достижения голландской (и через её посредство в целом европейской) культуры и науки. Именно в рамках этой школы появилась первая полная грамматика японского языка, написанная японцем Цурумине Сигэнобу (1833). В этой грамматике категории и явления японского языка подводятся под европейские мерки, выделяются 9 частей речи (включая предикативные прилагательные взамен артикля, а также местоимения и междометия), имена с пространственным значением квалифицируются как предлоги, различаются 9 падежей -- шесть для имён и три для глаголов. Параллельно с работами в традиционном духе после "открытия Японии" (с 60-х гг. 19 в.) появляются аналогичные грамматики, построенные по образцу как голландских, так и английских грамматик. В конце 19 в. осуществляется синтез японского и европейского начал в языкознании. После 1945 г. японское языкознание становится частью мирового языкознания.

1.6. Лингвистическая мысль в Бирме, Тибете, Индонезии и Малайзии

Научные школы в области языкознания Бирмы (нынешней Мьянмы), Тибета, Индонезии и Малайзии начали складываться в средние века в сфере влияния других, разработанных на более высоком уровне языковедческих традиций, и нередко синтезировала их достижения.

Бирманские лингвисты в большей степени опирались на идеи китайского языкознания. У тибетцев наблюдается сочетание подходов, предлагавшихся индийцами и китайцами. Ориентацию индонезийского и малайзийского языкознания определяла смена ряда воздействующих на него лингвистических традиций (первоначально индийской, затем арабской и в конечном итоге европейской). И тем не менее все эти национальные языковедческие школы достаточно оригинальны в том, что касается осознания специфики своих родных языков.

В трудах бирманских учёных, следовавших в основном китайской лингвистической традиции, довольно рано находят отражение специфические особенности своего языка как языка слогового, тонального и изолирующего. Во внимание принимается не столько фонетический облик слова, сколько его орфографическое изображение. Термином гласный фактически обозначался не гласный, а финаль как часть слога, противостоящая инициали. Установление статуса медиали, функционально входящей в состав финали, не всегда было корректным из-за особенностей графики языка. Слог и морфема по существу отождествлялись, поскольку их линейные границы в основном совпадают. Перечислялись только три тона, поскольку четвёртый произошёл позже и не обозначается тональным знаком. Был выделен класс преаспирированных сонантов как "грудных".

Чёткого различения морфологии и синтаксиса не было. Слова, обозначающие качества, сближались с глаголами. Все слова и частицы (служебные морфемы) делились на именные и глагольные. Подлежащему и дополнению давалось "ролевое" определение. В одном члене предложения (как и в китаеведении) объединялись определение и обстоятельство.

В целом к ведению грамматики было отнесено то, что наиболее частотно в речи. Господствовал своего рода "списочный" подход к описанию фактов языка, обусловленный особенностями бирманского языка (отсутствие морфологических парадигм и использование

в качестве грамматических показателей служебных слов и немногочисленных аффиксов).

Тибетское языкознание тоже отличается достаточно высокой степенью оригинальности. Тибетцы пришли на занимаемую ими территорию в 6--5 вв. до н. э. из Кукунора (Китай), создали своё государство в начале 7 в., провозгласив в 787 г. в качестве официальной религии буддизм, который в 16 в. приобрёл форму ламаизма. Языком этой религии служил санскрит.

Тибетское письмо возникает в начале 7 в. на основе индийской письменности брахми (в гуптском варианте) с добавлением ряда графем для отсутствовавших в санскрите звуков. Разрабатывается система тибетской транслитерации санскритских слов.

В 7--8 вв. появляются первые грамматические трактаты, посвящённые сопоставительному описанию (в русле индийской грамматической традиции) 50 знаков санскритского и 30 знаков тибетского алфавитов, характеристике прежде всего 20 отсутствовавших в тибетском письме графем, обоснованию реформ в тибетской графике (под возможным влиянием китайского буддизма). Характеристика звуков даётся в морфонологическом ключе в соответствии со специфической структурой тибетского слога. Рано проявляется внимание к комбинаторике звуков.

Тибетцы используют числовые обозначения целых групп знаков, позволяющие путём задания номера порождать определённое множество фонем (этим предвосхищаются аналогичные идеи Ф. де Соссюра и глоссематиков). В классификации звуков совмещаются артикуляторные и комбинаторные признаки, т.е. происходит синтез индийской и китайской традиций.

Авторы грамматических сочинений довольно рано осознают своеобразную структуру тибетского языка. Нумеруя падежи (вслед за Панини), они ориентируются на чисто семантическое определение падежа через роли деятеля, цели, орудия, источника, местонахождения, принадлежности (аналогичный подход наблюдается в теории "глубинных падежей" у Ч. Филлмора). Строится своеобразный семантический метаязык для описания плана содержания тибетского языка. Падежи и частицы распределяются по метаязыковым семантическим разрядам. Появляются намётки теории эргативного и активного строя предложения.

Наиболее известны следующие авторы трактатов: Че-кхьи-бруг (около 798--815); создатель тибетской грамматической традиции Тхонми Самбхота, которому приписываются от 2 до 8 трактатов; Атиша (11 в.), Ло-дан шэй-раб (11 в.), Сод-нам цзе-мо (12 в.). Должны быть также отмечены основатели целого направления широких филологических исследований, включающих изучение санскритской грамматики и принципы перевода на тибетский: Лодой дан-ба (1276--1342) и его старший брат Чондон до-рчже чжалцан; Дхармапалабхадра (1441--1528); возвращающийся от фонетического к морфонологическому описанию комбинаций согласных и сочетаний морфем Янчжан да-ба'и до (около 1588--1615), Махапандит Си-ту (18 в.). Комментирование грамматических трактатов становится излюбленным научным жанром, продолжавшимся до 18 -- начала 20 вв.

Лингвистическая мысль Индонезии и Малайзии формируется в сфере влияния сперва индийской традиции (в раннесредневековый период), затем арабской традиции (в позднесредневековый период) и, наконец, европейской традиции (в 19--20 вв.). Сперва внимание уделялось санскриту и потом арабскому языку, но вместе с тем рано стали изучаться языки своего этнокультурного ареала - малайский (вариантами которого сейчас являются языки индонезийский и малайзийский, обладающие статусом литературных и

официальных), яванский, сунданский и балийский.

Уже во 2--7 вв. на островах Суматра, Ява, Калимантан и полуострове Малакка предками современных индонезийцев и малайзийцев -- малайцев, обитавших ранее в горах Суматры и распространившихся отсюда в течение 1-го тыс. н.э. создаются сильные государства. Они имели тесные экономические, культурные, научные и религиозные контакты с Индокитаем и особенно с Индией, откуда переселяются многочисленные колонисты, принёсшие с собой брахманизм-индуизм (в форме шиваизма) и буддизм. По индийскому подобию образуется каста жрецов-брахманов.

Своя системы письма формируется на основе серьёзной модификации южноиндийского письма каганга (которое сохраняется ещё и сейчас в периферийных районах Индонезии).

В середине 7 в. на Суматре возникает могущественнейшая империя Шривиджайя, достигшая высшего расцвета в 9--10 вв. и бывшая до 12--13 вв. крупным международным научным центром по изучению буддизма и санскрита, по переводу и толкованию санскритских текстов. Было создано большое число пособий, из которых в связи с крахом империи до нас дошло очень немногое.

Более счастливой была судьба лингвистических текстов, создававшихся в государствах на острове Ява (благодаря их передаче на острова, где исламу не удалось одержать победу). Здесь сохранились санскритско-яванские словари, иногда включающие сведения по фонетике, метрике и правописанию, а также тематические и энциклопедические словари, предназначенные скорее для чтения древнеяванских текстов с множеством санскритизмов.

Широкой популярностью пользовалось сочинение по грамматике "Сваравьянджана", которое переписывалось и перерабатывалось с учётом изменений в яванском языке вплоть до 18--19 вв.. В этой грамматике давалась следующая индийской традиции артикуляторная классификация звуков, разъяснялись по-явански санскритские термины, содержалось много коротких санскритских предложений с переводом, в котором падежные флективные формы санскрита передаются с помощью служебных слов яванского аналитического языка. Немало грамматических пособий было написано на санскрите, причём они были снабжены подстрочным переводом.

На Яве и Бали вплоть до 18--19 вв. составлялись пособия по кави -литературному древнеяванскому языку и тематически организованные кави-балийские словари. Появлялись словари синонимов для пишущих стихи.

В индонезийском языкознании до сих пор сохраняется множество санскритских терминов. Санскритский материал используется для калькирования европейских терминов до настоящего времени.

Начиная с 14 в. в Индонезию и Малайзию через Индию (а в Индонезию и через Малакку) проникает ислам. Провозглашается создание ряда мусульманских княжеств и Малаккского султаната, где ислам стал официальной религией, что стимулировало переход в 15 в. на основательно модифицированную форму одной из разновидностей южноиндийского письма -- джави. Это повлекло за собой новую волну литературно-переводческой деятельности (прежде всего на малайском языке как проводнике ислама). Осуществлялись переводы религиозных и светских текстов с арабского, персидского и других языков мусульманского мира (в том числе и языков исламизированной части Индии).

На Яве стали создаваться учебные пособия по арабскому языку. Особой популярностью пользовалось, в частности, написанное по-персидски и снабжённое малайским подстрочным переводом сочинение "Сущность грамматики". Оно содержало также и

арабские грамматические термины. Автор отдавал себе отчёт в различиях в строе синтетического персидского и аналитического малайского языков. Было много опытов переписывания арабских грамматических текстов, снабжённых яванскими глоссами.

В 15 в. Малакка приобретает статус крупного торгового государства на важнейших международных морских путях. В 15--19 вв. она функционирует как крупнейший центр по изучению языков региона, по подготовке переводчиков и учителей. С первой трети 19 в. бурно расцветает лингвистическая деятельность в Сингапуре. В Малакке и Сингапуре появляются пособия по малайскому языку как орудию широкого межэтнического общения в Юго-Восточной Азии, на базе которого возник ряд гибридных языков. Создаются китайско-малайский и хиндустани-малайский словари, сборники фразеологизмов, сборники этикетных формул, словари синонимов.

Широко был известен Абдуллах бин Абдулкадир (1796--1854) как автор одной из популярнейших грамматик. Ему принадлежат конкретные рекомендации по обучению малайскому языку и обоснованные упрёки по поводу множества ошибок в миссионерских переводах на малайский язык Святого писания. Он проявил внимание к малайским диалектам.

В 1857 г. создаётся малайская грамматика, построенная на основе арабского грамматического канона, -- "Сад пишущих". Её автором был Раджи Али Хаджи (1809--1870). Он ведёт изложение материала посредством арабской терминологии. Поэтому его грамматика была недоступна для не знающих арабский язык читателям. К тому же в малайском языке постулировались чуждые для него арабские морфологические и синтаксические категории. Он же пишет в 1857 г. "Книгу науки о языке", содержащую грамматическую часть и фрагмент толкового алфавитного словаря малайского языка. В целом Раджи Али Хаджи сыграл значительную роль в становлении терминологии в малайзийских и индонезийских лингвистических работах.

В 19 в. индонезийские учёные вступают в научные контакты с европейскими коллегами, начиная усваивать принципы европейской лингвистической традиции. На новой методологической основе европейцами Винтером и Вилкенсом создаются яванские словари и индонезийцами малайская грамматика (Ли Ким Хок) и яванские грамматики (Падмосусастро, Ронгговарсито). Целиком европейская лингвистическая традиция принимается в Малайзии лишь в 20 в.

Осуществляется также перевод письма на латинскую основу -- в Индонезии в начале 20 в., в Малайзии после 1957 г. (после приобретения независимости).

1.7. Языкознание в Иране

Специальный интерес к проблемам языка в Иране пробуждается в период царствования одной из очередных персидских династий -- Сасанидов (3--7 вв.), когда в стране была наиболее распространена религия зороастризма, созданная пророком и реформатором древней системы верований Заратуштрой/Зороастром (условно между 10 и 6 вв. до н.э.). Учение Заратуштры сложилось на основе индоевропейских и индоиранских (арийских) мифов той эпохи, когда на территорию нынешнего Ирана пришли через Среднюю Азию и Закавказье и расселились здесь (2 тыс. до н.э.) некоторые из иранских племён -- одной из ветвей индоиранского/арийского народа (их самоназвание агуа 'арии' легло в основу имени страны Иран -- агуанат 'страна ариев').

Сасаниды, стремившиеся к укреплению своей державы, были заинтересованы в письменной фиксации и кодификации изустно передававшихся на протяжении многих веков

текстов, составивших собрание священных книг в двух томах под названием "Авеста". Древнейшие гимны в "Авесте" -- гаты приписываются самому Заратуштре. Зороастризму был придан статус официальной религии, был провозглашён культ авестийских текстов, что потребовало кодификации языка "Авесты".

Для записи "Авесты" использовалось письмо, восходящее к арамейской графике и обслуживавшее среднеперсидский язык (в двух вариантах письма -- пехлевийском и манихейском), который в эпоху Сасанидов функционировал в качестве государственного. Вместе с тем неизвестным автором были созданы специальные, авестийские начертания для записи священных текстов. Надо подчеркнуть, что происходило это в ту же эпоху, когда создавались алфавиты армянский, грузинский, агванский.

Среднеперсидский язык представлял собой непосредственное продолжение древнеперсидского, также служившего в своё время государственным языком (наряду с эламским, генетическая принадлежность которого не установлена) при первой персидской династии Ахеменидов (558--330 до н.э.; имя Персия гигантской империи Ахеменидов дали, кстати, греки). Древнеперсидский (пехлевийский) имел своё письмо буквенно-силлабического характера с клинописными знаками (по образцу аккадского слогового алфавита), подобно тому как своё письмо с очень длительной историей имел и эламский язык. В пехлевийском письме было много идеограмм, лигатур, застывших написаний, в то время как манихейский вариант среднеперсидского письма был подчинён фонетическому принципу. С 9 в. происходил переход уже нового персидского языка / фарси на арабское письмо (с добавлением ряда знаков).

В Иране велась активная лексикографическая деятельность. Создаются многочисленные словари (авестийско-среднеперсидские, арамейско-среднеперсидские, согдийско-среднеперсидские). Появляются толковые словари к отдельным литературным произведениям или к отдельным авторам, терминологические словари. Преобладал жанр толковых словарей -- фархангов (около двухсот, создававшихся на протяжении ряда веков).

Известен авестийско-пехлевийский словарь "Frahang-i oim evak", содержащий толкование 1000 авестийских, 2250 пехлевийских и 833 арамейских слов. Он предназначался для зороастрийца, желающего изучить авестийский язык. В словарь были включены числительные количественные и порядковые, местоимения 2 л. мн. ч., относительные местоимения, прилагательные с приставкой hu-, союзы. В словаре даются примеры парадигм, приводятся перечни слов, обозначающих женщин, части тела, свойства людей и виды и деятельности, традиционные единицы измерения, части суток; описания грехов и пороков, религиозных обычаев. Довольно точно толкуются категории рода и числа.

Многократно переписывался учебный словарь "Frahang-i pahlavik". В нём подобраны среднеперсидские эквиваленты арамейским словам, записанным гетерограммами. Адресатами словаря были зороастрийцы, не перешедшие после арабского завоевания в мусульманство и утратившие свой язык, который стал к тому времени уже мёртвым. В словаре приводились пехлевийские переводы и транскрипции. Впоследствии словарь был расширен за счёт переводов на таджикско-персидский и на гуджарати (для переселившихся в Индию). В настоящее время ко всем прежним толкованиям переводов присоединяется перевод на один из европейских языков. Всего в словаре содержится около 1000 слов, распределённых по 31 теме. В нём приводятся также тексты различных зороастрийских молитв.

Внимания заслуживают словари на материале персидского языка поэта Абу Хафса Согди

и поэта Асади Туси. Словарь *Lugat-i Furs* заложил принципы лексикографии в средневековом Иране: в нём материал распределён по главам, а в них по алфавиту -- по последней букве. Документированы стихотворные иллюстрации. Появлялись также словари поэта Катрана, поэта Рудаки, Фаррухи.

Ранние толковые словари строились как своего рода энциклопедии по разным областям знания. Словарная работа на персидском материале была продолжена как в мусульманской Персии (после арабского завоевания в 7 в. и последующей исламизации, побудившей к переходу на арабское письмо), так и в ираноязычных странах Средней Азии до 14 в. -- до монгольского вторжения, после же 14 в. и ещё в большей степени после 16 в., со времени походов Бабур, по 18--19 вв. в Индии, где персидский был в отдельных княжествах официальным литературным языком.

После арабского завоевания появляется множество арабско-персидских словарей (часто переводов с арабского) и -- в условиях Малой Азии, где с конца 11 в. своё господство установили тюрки-сельджуки -- персидско-тюркских словарей (особенно много в 15--16 вв., когда сложился османско-турецкий язык).

С середины 14 в. словари строились по первой букве алфавита. С середины 17 в. внедряется принцип учёта алфавитной последовательности не только первой, но и букв второй, третьей и т.д. Словарный материал делится по языкам, по лексическим и грамматическим признакам, с разграничением простых слов и фразеологизмов. Приводится информация об орфографии и произношении, вплоть до подробного описания элементов толкуемого слова. Начинают применяться специальные знаки -- харакаты для обозначения кратких гласных. Ряд принципов заимствуется из арабской лексикографии. Однако в персидской практике преимущественно используется материал поэзии, а в арабской -- извлечения из Корана и извлечения из поэтов.

Около 12 в. появляются комментированные переводы Корана -- тафсиры, свидетельствующие о значительном развитии лексикографической техники. В тафсиры включаются телеологические комментарии, примеры на живом языке. Под арабским влиянием иранские лексикографы увлекаются также составлением словарей синонимов, словарей для чтения поэтов.

Грамматики персидского языка появляются в Иране только в 18 в., хотя осмысление грамматических явлений было представлено в лексико-грамматических очерках при словарях с 14 в., а также в развёрнутых теоретических приложениях -- с начала 17 в. Примерами могут служить очерк Хусейна Инджу, являющегося основоположником персидской нормативной грамматики, "Словарь Джахангира" и обширный грамматический трактат его последователя Мухаммада Хусейна ибн Халафа Табризи.

После утверждения ислама испытывает расцвет философия языка (Ал-Фараби и Ал-Газали, писавшие по-арабски, связывавшие античную философию и грамматику и современные теории языка, развивавшие интересные лингвистические идеи в русле средневековой мусульманской схоластики). Они используют значение возможности / потенциальности как логический инструмент анализа.

Особо ценно учение Ал-Фараби о частицах с указанием на их значение и постулированием понятия вектора (в этом отношении автор предвосхищает учение Р.О. Якобсона о шифтерах). Строится двухступенчатая классификация частиц на основе их отношения к имени или ко всему высказыванию. Выделяется тринадцать разрядов наречий (с опорой на категории Аристотеля и Теофраста).

Ал-Газалли (11 в.) даёт детальный анализ языкового знака. Он выделяет три "слоя" реальности -- объективную, гносеологическую и языковую. Дается описание устройства каждого из уровней реальности. Подчеркивается неизоморфность трёх "слоёв" действительности. В знаке различаются имя / знак в узком смысле (звучание + значение), обозначение / наименование, обозначаемое / названное.

Глава 2

ГРЕКО-РИМСКАЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Литература: История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980; Звегинцев, В.А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т.А., Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Античная языковедческая традиция. Греческое письмо. Латинское письмо. Графема. Графика. Логическое направление в языкознании. Стоики).

2.1. Лингвофилософская и грамматическая мысль в древней Греции

Европейская культура в основных своих истоках восходит к тому, что было создано древними греками на протяжении большого ряда веков. Грекам мы как европейцы обязаны не только своими системами письма, но и философией языка, риторикой, поэтикой, стилистикой. Созданная греками грамматика оказалась праматерью всех европейских грамматик.

Протогреческие племена, среди которых особенно выделялись ахейцы и ионийцы, появляются на территории нынешней Греции (как на материке, так и на островах) к концу 3-го тыс. до н.э., оттесняя и частью ассимилируя пеласгов. Они создают большой ряд государств, из числа которых наибольшего прогресса достигают государства на о-ве Крит (Кнос, Фест, Агия-Триада, Маллия). Здесь, у носителей минойской культуры, возникает и быстро (в течение 23--17 вв. до н.э.) эволюционирует от пиктографического к иероглифическому критское письмо. Оно было сходно с египетским. Около 18 в. была выработана новая система -курсивное линейное письмо А слогового типа. Оно использовалось, как свидетельствуют памятники, в 1700--1550 гг. до н.э.

Критяне подчиняют себе ряд островов Эгейского моря. Они поддерживают торговые и дипломатические связи с Египтом и государствами Передней Азии. Но тектоническая катастрофа 1470 г. привела к разрушению городов и деревень, к гибели населения и флота, к запустению острова.

На материке, где происходит складывание элладской культуры, формирование греческих государств началось позже, лишь с 17 в. до н.э. (Микены, Тиринф, Пилос и др.), и шло медленнее. Только к середине 17 -- концу 16 вв., при власти ахейских династов могущества достигли Микены. В 16--13 вв. материковая Греция достигает наивысшего расцвета. Микенская культура ахейцев оказала влияние и на соседние страны, в том числе Египет. Ахейцами в 15--14 вв. была предпринята попытка приспособить к своему диалекту критское письмо, завершившаяся появлением слогового письма Б.

Примерно в 1200 г. ахейцы совершают воспетый Гомером поход на Трою, которую они разрушают до основания. С конца 13 в. происходит быстрый упадок элладских государств. С

севера вторгаются греческие племена дорийцев, стоявших на более низком уровне развития. Свою независимость смогли сохранить только Афины, куда и бежали многие из побеждённых ахейских государств.

С началом экономического и культурного роста городов-государств стал ощущаться избыток городского населения, возникла необходимость создания многочисленных колоний за пределами Греции, в том числе и в южной Италии, Сицилии, Малой Азии, на побережье Чёрного моря.

Решающее для всей греческой и европейской цивилизации имело создание на основе финикийского письма греческого алфавита со специальными знаками для гласных (9 или 10 в. до н.э.). Древнейшие дошедшие до нас его памятники относятся к 8 в. до н.э. Появление письменности привело к бурному росту поэтики, риторики, философии, пробудило интерес к проблемам языка.

Попытки осмысления значения слов отмечаются, начиная с Гомера и Гесиода. Этимология оказывается первым проявлением рефлексии над языком в истории греческой лингвофилософской мысли. Первоначально господствовало убеждение в наличии неразрывной, естественной связи между словом и обозначаемым им предметом, корнящееся в мифологическом мышлении. В этимологическом анализе слова мыслители искали ключ к постижению природы обозначаемого предмета. Греки верили, что у каждого предмета есть два названия -- в языке богов и в языке смертных. В философии 5 в. до н.э. начинают выдвигаться утверждения о чисто условной связи между предметом и его названием. Споры древних греков о природе имён послужили источником для формирования древнейшей в Европе философии языка.

Высок был интерес к практическим аспектам использования языка. В 5 в. до н.э. зарождается наука об ораторском искусстве -- риторика. Главным методом обучения языку в этот период становится чтение классических и уже устаревающих поэтических текстов с их комментированием. Так формируются зачатки филологии. Начинается деятельность по собиранию и объяснению глосс (старинных или инодиалектных слов). В связи с теорией музыки, ритмикой и метрикой (особенно в пифагорейской школе с её углублённым интересом к проблемам акустики) проводится интенсивное изучение звукового строя языка.

Для лингвистических занятий была характерна замкнутость на материале только греческого языка, свойственная и дальнейшим этапам развития античной лингвистической мысли. Для начального этапа становления науки ещё была свойственна разрозненность и несистематизированность наблюдений над языком.

Главная тема споров древнегреческих философов -- характер связи между словом и предметом (между сторонниками принципа наименования *phusei* 'по природе' и принципа *potem* 'по закону' или *thesei* 'по установлению'). Гераклит выражал веру в истинность речи, Парменид признавал речь людей ложной с самого начала, Демокрит был сторонником наименований по установлению, но выступал против крайностей представителей этой точки зрения. Софист Горгий утверждал глубокое различие между словами и предметами. Продик проповедовал безразличие имён самих по себе, приобретение ими ценности лишь в правильном употреблении. Антисфен, ученик Сократа, видел в исследовании слов основу обучения.

В ходе этих споров формулировались и первые лингвистические наблюдения. Так, Продик первым занялся проблемой синонимов, а софист Протагор выдвинул проблему языковой нормы и первым стал различать три рода имени и четыре типа высказывания --

вопрос, ответ, просьбу и поручение.

Ценнейший вклад в развитие философии языка и в теорию языка внёс Платон (420--347 до н.э.). Ему принадлежит наиболее интересный для истории лингвистической мысли диалог "Кратил", центральное место в котором занимает вопрос об отношении вещи и её наименования. В диалоге Платон сталкивает позиции Кратила (сторонника правильности имён от природы) и Гермогена (проповедующего договор и соглашение), привлекая в качестве судьи Сократа (устаами которого говорит сам Платон, высказывающий немало противоречивых суждений и не принимающий полностью ни одной точки зрения). Платон признаёт не прямые, а отдалённые связи слова с предметом и допускает возможность употребления имён по привычке и договору.

Он открывает понятие внутренней формы (мотивировки) слова, разграничивая слова производные (немотивированные) и производные (мотивированные). Ему принадлежит идея об ассоциации между отдельными звуками слова и качествами и свойствами вещей (идея звуко-символизма).

В последующих произведениях возрастает скепсис Платона относительно того, что слова могут служить источниками знаний о предметах, и, наоборот, более категоричными становятся утверждения о тождестве между выражаемой мыслью и словом.

Платон различает слово и предложение ("самую маленькую речь"). Высказывание рассматривается как сложное целое, служащее словесному выражению суждения. Впервые разграничиваются два его компонента -- субъект и предикат (словесные их выражения -- *опота* и *rhema*). *Logos* понимается как словесное выражение суждения, т.е. как предложение. Разграничиваются имена и глаголы. Но вместе с тем отождествляются звуки и буквы, и это отождествление проходит через всю историю лингвистической мысли вплоть до 20 в. Платон признаёт звуковые изменения в слове. Он предпринимает первые и ещё элементарные попытки классификации звуков (безгласные, беззвучные, средние, т.е. безгласные, но не беззвучные). Слог представляется ему единым целым. Слоги делятся на острые/высокие, т.е. ударные, и тяжёлые/низкие, т.е. неударные.

Подлинным основоположником античной языковедческой традиции был другой виднейший мыслитель древности, Аристотель (387--322 до н.э.). Он обращается к проблемам языка главным образом в сочинениях о суждении, видах умозаключений, о проблемах словесных искусств. Аристотель защищает условную связь между вещью и её именем, а также между словом и представлением, которому соответствует слово, между звуками и буквами. Вместе с тем он предупреждает об опасности злоупотреблений словами, проистекающей из их многозначности (сюда включаются и омонимия, и полисемия). Он обращает внимание на явления паронимии и омонимии как видов связи между названиями.

Аристотель первым исследует типы связи значений внутри полисемичного слова, а также многозначность падежей и др. грамматических форм. Им делается утверждение о соответствии значения внеязыковой реальности.

Звуки речи им делятся на гласные, полугласные и безгласные. К платоновским акустическим признакам он добавляет ряд артикуляторных. Проводится различение видов ударения (острое и среднее/"облечённое"). Слог определяется не как простое сочетание звуков, а как качественно новое образование.

Аристотель проводит разграничение трёх "частей словесного изложения": звука речи, слога и слов разных разрядов. Он выделяет четыре разряда слов (имена, глаголы, союзы и местоимения вместе с предлогами). Правда, в определении имени (*опота*) и глагола (*rhema*)

смешиваются морфологические и синтаксические критерии. Впервые осуществляется описание отдельных классов глаголов. Но значимые части слова ещё не вычленяются.

Аристотель указывает на случаи несовпадения предложения (logos) и суждения. В качестве типов предложений он различает утверждения и отрицания. Им признаётся наличие безглагольных предложений. Ему присущи зачаточные представления о словоизменении и словообразовании (различение имени и падежа как только косвенной формы, распространение понятия падежа и на глагольные словоформы). Аристотелю принадлежат также многочисленные высказывания по вопросам стилистики.

Существенный вклад в формирование основ лингвистической теории внесли философы эллинистического периода (3--1 вв. до н.э.), особенно представители стоической школы (Зенон, Хрисипп, Диоген Вавилонский). Стоики были по преимуществу философами и логиками, но они разрабатывали свои учения на базе языкового материала (и особенно явлений грамматической семантики). В строении предложения и в классах слов они искали отражение реального мира. Отсюда вытекали признание ими "природной" связи между вещью и её названием и увлечение этимологическим анализом. Значения "вторичных" слов объяснялись связями в предметном мире. Стоики разработали первую в истории науки о языке типологию переноса названий (перенос по сходству, смежности, контрасту).

В речевом акте они различали "обозначающее" (звук человеческой речи) и "обозначаемое", иначе "высказываемое" (lekton), т.е. смысловую сторону речи, лежащую между звуком и мыслью. Они отмечали неодинаковость обозначаемого в разных языках при одинаковости мысли у всех людей.

Стоики серьёзно продвинулись (по сравнению с Платоном и Аристотелем) в разработке учения о частях речи (порядка пяти--шести), в учении о падежах имени (включение в число падежей и исходного / именительного, ограничение понятия падежа только сферой имени). Они создали для падежей обозначения, впоследствии скалькированные в латинской грамматике, а через её посредство в грамматиках многих европейских языков. Ими было развито учение о временах глагола.

Стоиками была предложена классификация высказываний (полные и неполные). Были разграничены понятия глагола (rhema) и сказуемого-предиката (kategorema). Им же принадлежит типология сказуемых (по форме выражения субъекта, наличию или отсутствию дополнения и по признаку активности -- пассивности). Заслуживает внимания детальная классификация предложений по цели высказывания (повествование, вопрос двух типов, побуждение, желательность, мольба, заклинание, клятва, обращение). Разграничению подверглись простое и сложное предложения. Была выдвинута тщательная классификация сложных предложений.

Деятельность стоиков связывается главным образом с разработкой понятия аномалии (как несоответствия качества предмета и грамматического значения его имени, наблюдаемого в основном в сфере пола-рода и числа).

Вне Стои обращает на себя внимание отрицание Эпикуром и представителями скептической школы реальности всего, кроме предмета и звучащего слова, а тем самым и отрицание бестелесных представления и "высказываемого". Эпикур утверждает зависимость языка от условий жизни людей и роль природных факторов в возникновении и развитии языка.

В целом греческая философия 5--1 вв. до н.э. сыграла значительную роль в формировании логицистского подхода к языку, который на протяжении более двух -- двух с половиной тысяч лет характеризовался острым вниманием к онтологическим и гносеологическим аспектам изучения языка, подчёркиванием приоритета функциональных критериев в выделении, определении и систематизации явлений языка, невниманием и безразличием к изменениям языка во времени и к различиям между конкретными языками, утверждением принципа универсальности грамматики человеческого языка. Философы искали гармонию между языковыми и логическими категориями.

Древнегреческим философам этого времени принадлежат идеи о сопряжении обозначающего, обозначаемого и предмета. Для них нет отдельных теории суждения и теории предложения, они не разграничивают логическое и лингвистическое знание. Им присущ синкретизм термина logos, обозначающего и речь, и мысль, и суждение, и предложение. Они не расчленяют логические, синтаксические и морфологические характеристики единиц речи (хотя и могут акцентировать в той или иной концепции один из аспектов взятого в целостности явления).

На базе достижений философов и языковедческой практики в эллинистический период возникает филология, призванная изучать, готовить к критическому изданию и комментировать памятники классической письменности. Сферой её интересов является смысловая сторона текстов.

В её недрах создаётся грамматика как самостоятельная дисциплина, изучающая по преимуществу формальные аспекты языка (а не его смысловые аспекты, в отличие от философии). Она обособилась в самостоятельную науку благодаря деятельности Александрийской грамматической школы, сыгравшей гигантскую роль в закладывании основ европейской языковедческой традиции. Грамматика того времени представляет собой по существу аналог современной описательной лингвистики. В борьбе со сторонниками принципа аномалии (пергамскими философами-стоиками Кратетом Малосским и Секстом Эмпириком) александрийцы активно отстаивают принцип аналогии как основы описательно-классификационной и нормализаторской деятельности.

С их деятельностью связан также расцвет лексикографии. В это время активно собираются и подвергаются толкованию глоссы (устаревшие слова -- glossai и слова, ограниченно понятные, -- lexeis. Выдающимися лексикографами эллинистического периода были Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский, Аполлодор из Афин, Памфил, Диогениан.

Александрийцы прослеживали языковые регулярности в классических текстах, стремясь отделить правильные формы от неправильных и выдвигая на этой основе принцип аналогии (Аристофан Византийский, особенно авторитетный в языковедческих проблемах Аристарх Самофракийский). Ими детально разрабатываются парадигмы склонения и спряжения.

В александрийской школе была создана первая в европейской науке систематическая грамматика ("Techne grammatike" 'Грамматическое искусство') ученика Аристарха Дионисия Фракийца (170--90 до н.э.). В этом труде определяются предмет и задачи грамматики, излагаются сведения о правилах чтения и ударения, о пунктуации, приводится классификация согласных и гласных, даётся характеристика слогов, формулируются определения слова и предложения, даётся классификация частей речи (8 классов, выделенных главным образом на морфологической основе, с учётом лишь в отдельных случаях синтаксического и семантического критериев). Автор тщательно описывает категории имени и глагола, приводит сведения о словообразовании имён и глаголов. Он различает артикль и местоимение, выделяет предлог и наречие в самостоятельные части речи, подробно классифицирует наречия, отнеся к их числу частицы, междометия, отглагольные прилагательные. Большинство понятий иллюстрируется примерами.

Грамматика Дионисия Фракийца характеризуется высокой степенью адекватности морфологическому строю греческого языка того времени. Принята в качестве авторитета эта грамматика была, однако, в результате длительных споров. История языкознания доказала, что "Грамматика" Дионисия Фракийца стала "матерью всех европейских грамматик с русской включительно".

Особую популярность у потомков приобрела грамматическая теория Аполлония Дискола (2 в. н.э.), автора более 30 произведений, посвящённых морфологии, синтаксису, греческим диалектам и т.п. Автор следует во многом Дионисию Фракийцу, более подробно освещая вопросы морфологии и давая исчерпывающие для того времени определения частей речи и их акциденций (грамматических категорий). Он проявляет большее (в отличие от Дионисия) внимание к грамматическому значению. Выделяются те же 8 частей речи. Буквы (звуки) гласные он определяет как самостоятельные, согласные же как несамостоятельные. Имя и глагол, а затем и местоимение характеризуются как самостоятельные.

Аполлоний Дискол указывает на то, что принятый порядок перечисления частей речи не случаен, а определяется степенью зависимости одних от других. Первое место в этом

порядке отводится имени и второе глаголу. Подчёркивается, что занимающее третье место причастие обладает свойствами имени и глагола. Четвёртое место отводится артиклю, пятое -- местоимению, шестое -- предлогу, седьмое -- наречию, восьмое -- союзу.

Различаются части речи склоняемые, изменяемые по временам и лицам, несклоняемые. Подробно описываются акциденции имени. Впервые вводится понятие (категория) числа. "Естественным" признаётся и порядок перечисления падежей. Имена делятся "по звуковому выражению" на первичные и производные, последние подробно классифицируются. Далее, имена подразделяются по значению на 21 разряд. Подробно описываются акциденции глагола (наклонения, залоги, виды, образы / словообразование, числа, лица, времена, спряжения). Разрабатываются теория местоимения, классификации наречий и союзов.

Синтаксическая теория Аполлония Дискола занимает особое место в античной грамматике. Его сочинение "О синтаксисе частей речи" в 4 частях также оказало глубокое воздействие на последующее развитие лингвистической мысли. Для него предмет синтаксиса состоит в объяснении способов объединения частей речи в предложение. Описываются сочетание артикля с именами; сочетание местоимений с другими частями речи, сочетание глагола с другими частями речи, а также синтаксические функции косвенных падежей. В сферу синтаксиса включаются не только сочетания слов, но и сочетания букв, слогов, слов при словосложении. Даются сведения об употреблении инфинитива, наклонений, залогов. Уделяется внимание рассмотрению солецизмов (синтаксических ошибок).

Но в аполлониевском синтаксисе отсутствуют теория предложения и соответствующие понятия подлежащего и сказуемого, происходит подмена этих синтаксических понятий морфологическими характеристиками. Не эксплицированы понятия определения, дополнения и обстоятельства при фактическим обращении к их характеристике. Не включена в синтаксическую теорию классификация типов предложений. Синтаксическое учение Аполлония оказало серьёзное влияние на становление и развитие римской грамматической науки.

2.2. Философия языка и языкознание в древнем Риме

Латинское письмо появляется в 7 в. до н.э. скорее всего под влиянием греков, издавна имевших в Италии свои колонии. Собственно латинский алфавит сложился в 4--3 вв. до н.э. Постепенно он усовершенствуется (государственный деятель Аппий Клавдий, учитель Спурий Карвилий, поэт Квинт Энний). Получило развитие рукописное письмо (использовались письмо эпиграфическое, разновидности маюскульного капитального письма: рустичная, квадратная, унциал; маюскул был постепенно вытеснен минускулом -- полуинциалом, новым римским курсивом). Грамотность была широко распространена в римском обществе. Латинское письмо послужило источником письменностей на многих новых европейских языках (преимущественно в странах, где проводником христианской религии была римская церковь).

Рано начались опыты этимологического толкования слов (поэт Гней Невий, историк Фабий Пиктор, юрист Секст Элий).

Грамматика как самостоятельная наука возникает в Риме в середине 2 в. до н.э. в связи с назревшей необходимостью критических изданий и комментирования множества текстов художественного, юридического, исторического, религиозного характера. Значительное влияние на формирование римской грамматики оказали хорошее знакомство с греческой наукой, культурой, литературой, риторикой и философией, знание многими римлянами

греческого языка, лекции и беседы теоретика пергамской школы Кратета Малосского. На рубеже 2 и 1 вв. до н.э. грамматика выдвинулась на одно из первых мест по своему общественному престижу, а также по уровню развития. Большой вклад в её развитие внесли выдающиеся грамматики Элий Стилон, Аврелий Опилл, Стаберий Эрот, Антоний Гнифон, Атей Претекстат, особенно Марк Теренций Варрон и Нигидий Фигул.

В Рим были перенесены из эллинистической Греции дискуссии об аномалии и аналогии (в духе споров, которые велись между Пергамом и Александрией), о происхождении языка, о "природной" или "условной" связи слов и обозначаемых ими предметов.

Особое место в римском языкознании занимает крупнейший учёный Марк Теренций Варрон (116--27 гг. до н.э.). Ему принадлежат трактаты "О латинском языке", "О латинской речи", "О сходстве слов", "О пользе речи", "О происхождении латинского языка", "О древности букв", грамматический том девятитомного энциклопедического труда "Наука", лингвистические вкрапления в труды по литературе, истории, философии и даже по сельскому хозяйству. В своём главном лингвистическом труде -- трактате "О латинском языке" он выражает убеждение в "трёхчастном" строении речи и необходимости её последовательного описания в трёх науках -- этимологии, морфологии и синтаксисе. Изложению основ этих наук и посвящён трактат.

Варрон опирается в своих этимологических исканиях на взгляды стоиков ("природная" связь слова с предметом). Он различает четыре класса вещей и четыре класса слов, подлежащих анализу. Отмечаются изменения в составе лексики, в их звуковой оболочке и в их значениях, наличие заимствований и частые ошибки создателей слов как факторы, затрудняющие этимологический анализ. Этим мотивируются предостережения Варрона в адрес любителей этимологических фантазий. Варрон открывает явление ротацизма. В этимологических целях он привлекает и диалектный материал.

Морфологические явления описываются с позиций участника дискуссии между аномалистами и аналогистами. Склонение (*declinatio*) понимается как единство словоизменения и словообразования. Варрон убеждён в необходимости и "полезности" склонения для любого языка. Он различает склонение естественное (словоизменение), опирающееся на "общее согласие" и на закон аналогии, и произвольное (словообразование), где преобладает воля отдельных людей и царит аномалия.

Впервые выделяются исходная форма имени (именительный падеж) и исходная форма глагола (первое лицо единственного числа настоящего времени в изъявительном наклонении действительного залога). Различаются слова склоняемые (изменяемые) и несклоняемые (неизменяемые). С опорой на морфологические признаки выделяются четыре части речи: имена, глаголы, причастия, наречия. Варрон делает тонкие замечания в адрес аномалистов по поводу соотношения грамматического рода и биологического пола, числа грамматического и числа предметов. Он доказывает наличие в латинском языке отложительного падежа (*ablativus*) и устанавливает роль его показателя в определении типа склонения существительных и прилагательных. Подчёркивается возможность определить тип спряжения глагола по окончанию второго лица единственного числа настоящего времени. Варрон настаивает на необходимости исправления аномалий в словоизменении при их санкционировании в области словообразования.

В последний век Республики к проблемам языка обращаются многие писатели, общественные и государственные деятели (Луций Акций, Гай Луцилий, Марк Туллий Цицерон, Гай Юлий Цезарь, Тит Лукреций Кар). В последние десятилетия Республики и

первые десятилетия Империи формируется литературный латинский язык (классическая латынь).

Грамматики этого периода (Веррий Флакк, Секст Помпей Фест, Квинт Реммий Палемон) ведут активную деятельность по изучению языка писателей доклассического периода (при игнорировании народно-разговорной речи), составлению первых больших словарей и больших грамматик латинского языка. Составляются и обсуждаются программы нормализации латинского языка, предложенные Плинием Старшим и Марком Фабием Квинтилианом. Во второй половине 1 в. н.э. в языкознании формируется архаистическое направление (Марк Валерий Проб, Теренций Скавр, Флавий Капр, Цеселлий Виндекс, Велий Лонг). Во 2 в. развёртываются работы по комментированию языка произведений художественной литературы. Появляются сочинения по истории римского языкознания 2 в. до н.э. -- 2 в. н.э. (Гай Светоний Транквилл, Авл Геллий).

В 3 в. происходит общий спад лингвистической работы. Грамматика Мария Сацердота представляет собой одно из немногочисленных сочинений этого периода. В 4 в. наблюдается новый подъём лингвистической деятельности. Появляются многочисленные словари-справочники (Ноний Марцелл, Арусиан Мессий), грамматики Проба позднего, Элия Доната, Флавия Харисия, Диомеда.

На долю руководства "Ars grammatica" Элия Доната выпал необыкновенный успех. Оно использовалось в преподавании латинского языка на протяжении более тысячи лет. "Ars minor" был его начальной, вводной частью (только учение о частях речи, изложенное в форме вопросов и ответов) и "Ars maior" давал полное изложение курса (сведения по фонетике, письму, стихосложению, учение о частях речи и их акциденциях, включающее обзор разногласий между авторами, стилистика). Комментарии к Донату появились уже в античную пору.

На рубеже 4 и 5 вв. публикуется трактат Макробия "О различиях и сходствах греческого и латинского глагола". Это была первая специальная работа по сопоставительной грамматике.

В связи с распадом Римской империи в конце 4 в. центр лингвистических занятий переместился в Константинополь. Здесь в начале 6 в. появилась самая значительная латинская грамматика древности -- "Institutio de arte grammaticae" Присциана, состоявшая из 18 книг. Автор опирается на Аполлония Дискола и многих римских грамматиков, особенно на Флавия Капра. Он подробно описывает имя, глагол, причастие, предлог, союз, наречие и междометие, излагает проблемы синтаксиса (преимущественно в морфологических терминах). Имени и вместе с ним глаголу отводится господствующее положение в структуре предложения. Присцианом используются исследовательские приёмы опущения (элиминации) и подстановки (субституции). Стилистический раздел отсутствует.

Грамматика Присциана подводила итог исканиям и достижениям античного языкознания. Его курс использовался в преподавании латинского языка в Западной Европе наряду с учебником Доната вплоть до 14 в. (т.е. на протяжении восьми столетий).

Учения о языке, сложившиеся в Греции и Риме, представляют собой две взаимозависимые и вместе с тем вполне самостоятельные составляющие единой средиземноморской языковедческой традиции, образовавшие исходную, античную ступень в формировании единой европейской лингвистической традиции.

Но история европейской традиции -- в связи с расколом уже в раннем средневековье христианской церкви, в связи с наличием большого ряда несходств исторического, экономического, политического, культурного, этнопсихологического,

социолингвистического характера между "латинским" Западом и "греко-славянским" Востоком -- есть история двух относительно самостоятельных потоков лингвистической мысли. Одна и та же античная языковедческая традиция стала основой отличных друг от друга традиций -западноевропейской и восточноевропейской.

Первая из них (западноевропейская) имела в качестве источников труды Доната и Присциана, а в качестве материала для исследований в течение многих веков латинский язык. Во многом западная лингвистическая мысль опиралась на постулаты августианства и впоследствии томизма.

Другая (восточноевропейская) традиция черпала свои идеи преимущественно в трудах Дионисия Фракийца и Аполлония Дискола в их византийской интерпретации и в деятельности по переводу прежде всего с греческого на родные языки или на близкородственный литературный (как это было у южных и восточных славян). Предпочтение отдавалось византийским богословско-философским авторитетам. На европейском Западе интерес к византийским достижениям в языкознании и философии пробудился в основном в основном лишь в гуманистическую эпоху. На Востоке же Европы интерес к достижениям западной логической и грамматической мысли появился в период восточноевропейского Предвозрождения и западного реформаторского движения, т.е. и в одном, и в другом случаях в конце Средневековья.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

Литература: История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985; История лингвистических учений: Позднее Средневековье. СПб., 1991; Звегинцев, В.А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т.А., Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Графика. Графема. Огамическое письмо. Руническое письмо. Коптское письмо. Готское письмо. Глаголица. Кириллица. Русский алфавит. Армянское письмо. Грузинское письмо. Агванское письмо. Логическое направление в языкознании. Универсальные грамматики. Универсалии языковые).

3.1. Проблемы философии языка в патристике (2--8 вв.)

Античная лингвофилософская мысль в раннесредневековый период получила своё продолжение в христианских философско-богословских исканиях "отцов церкви" - представителей ранней, средней и поздней патристики (2--8 вв.: Ориген, Климент Александрийский, Василий Великий / Кесарийский, Григорий Богослов / Назианский, Григорий Нисский, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Августин Блаженный, Леонтий, Боэций, Иоанн Дамаскин, представлявшие как восточную, так и западную ветви христианства). Они рассматривали язык как важнейший атрибут человека, уделяя большое внимание коммуникативной и познавательной функциям языка, связи языка с мышлением, сущности языкового знака, происхождению языка и множественности языков.

При этом для них обязательной была опора на незыблемый авторитет Писания, в свете которого происходило освоение заново (а вместе с тем и переосмысление) достижений

античной культуры и философской мысли (прежде всего идей Платона и частично Аристотеля). Учение о языке представителей патристики выступало как составная часть богословия, как компонент целостного средневекового видения мира.

Христианская доктрина трактовала владение языком ("словесноразумность" или "разумнословесность") как важнейшее отличие человека от животных. Человек определялся как словесное живое существо, как явление вещественное + чувствующее + говорящее. Его сущность виделась в единстве "тела" и "души", а сущность языка -- в единстве "телесных" звуков и значений. "Ангельские языки" признавались иллюзорными, так как они не обладают признаком телесности.

Языковым означаемым приписывались измерения во времени и пространстве, означаемым отказывалось во временной и пространственной протяжённости. И человек, и язык трактуются представителями патристики как целостности, не выводимые из механической суммы их составляющих.

Функции языка определяются через его предназначенность открывать другому человеку свои мысли, учить других и запечатлевать нечто в своей памяти. Язык понимается как средство объективизации, дискретного представления и познания мира. В структуре речевого акта считается обязательным наличие говорящего, слушающего и воздушной среды, в которой может распространяться звук.

Отцы церкви отрицали возможность вербального творения мира Богом. Они колебались, однако, в решении вопроса о локализации способности к творческому мышлению и языку в головном мозге. Для них характерно утверждение неразрывной связи души, ума и слова. Они признают способность мыслить и без произнесения слов вслух, характеризуя внутреннее слово как этап, предшествующий слову произносимому.

Выделяются следующие этапы порождения речи: образ предмета -- выбор значения -- работа словесных органов -- следующее затем сотрясение воздуха, делающее явной нашу мысль. Многие авторы дают подробное описание органов речи. Часто подчёркивается существенность не самого звучания, а знаковой ("знаменательной") функции звука речи. Что касается коммуникации у животных, то наличие коммуникативного аспекта признаётся, но отрицается наличие у животных разумности. В отличие от античных философов, отрицается наличие общих корней происхождения языка человека и "языков" животных.

Христианство, обращаясь с проповедью ко всему миру, совершает поворот и к другим языкам, а не только к греческому и латинскому. Для христианских богословов характерно утверждение того, что все разнообразные языки выступают как равноценные разновидности единого, всеобщего по своей сущности человеческого языка, хотя субъективное предпочтение к греческому и латинскому продолжает сохраняться.

Для отцов церкви язык есть исключительно человеческое достояние, он не обожествляется. Признаётся то, что язык ниже человека и ниже именуемых реальностей.

В патристике активно велись споры о том, давал ли первые имена сотворённый Богом человек или их создавал сам Бог. Отстаивалась вера в то, что Бог дал владение языком как потенциальную способность и первочеловеку Адаму, и каждому человеку уже с момента его рождения, т.е. заложил в человека способность создавать имена, как и способность к любой творческой деятельности, оставив самому человеку право совершать отдельные творческие акты (в том числе и по созданию имён).

Но к античным спорам об истинности имён ранние христианские мыслители остались равнодушны. Они постулировали связь слова не с природой называемой им вещи, а с тем,

что в сущности этой вещи познано и названо человеком. Ими признавалась нетождественность познания знака и познания вещи. Вместе с тем утверждалось превосходство языковых знаков в информативной силе над другими, наличие присущей только им метазнаковой функции. Под означающим они понимали не звук, а сохраняемый памятью акустический образ слова (ср. понимание знака у Ф. де Соссюра). Они подчёркивали также незнаковость звуковых элементов в означающем слова. Означаемое понималось как хранимый нашей памятью образ именуемой реальности. Проводилось разграничение знаков "по природе" (дым как знак огня) и знаков "по установлению".

Особого внимания заслуживает выдвинутая Григорием Нисским гипотеза о происхождении языка в связи с ролью прямой походки человека, не свойственной животным, с использованием руки в трудовой деятельности и в письме, о приспособленности устройства рта к потребности произношения (ср. аналогичную гипотезу Ф. Энгельса).

Многие идеи патристики (в том числе и касающиеся языка) прослеживаются в дальнейшем развитии философии языка на христианском Западе и Востоке. Особенно высока заслуга представителей патристики в закладывании основ схоластической логики и грамматики, сыгравших существенную роль в формировании средневекового лингвистического знания.

3.2. Становление письменности на родных языках в западноевропейском культурном ареале

Письмо появляется у того или иного народа, в той или иной культуре, как правило, в связи с возникновением необходимости удовлетворять потребности его духовно-познавательной деятельности и государственности. По отношению к народам Европы целиком сохраняет свою справедливость распространённая в истории мировой культуры формула "За религией следует алфавит".

На её Востоке было принято от Византии христианство в форме, которая допускала возможность богослужения на родном языке и поощряла создание своего алфавита на основе греческого и перевод церковных текстов на родной язык. На её Западе проводником христианства был Рим, проповедовавший принцип "трёхязычия" (освящённые авторитетом Библии и христианской церкви древнееврейский, греческий и латинский языки). Здесь в религиозном обиходе в основном использовался только латинский язык (часто в региональной разновидности) и при необходимости создавалась своя письменность (сперва во вспомогательных целях), опирающаяся на постепенное, первоначально чисто стихийное приспособление латиницы к родному языку, фонологическая система которого существенно отличается от латинской.

Все европейские системы письма возникали на основе заимствования (авторского или стихийного) не столько форм букв, сколько способов построения алфавита и системы графики, сложившихся в греческом или латинском письме. Здесь хорошо прослеживается формулируемый общей грамматологией универсальный принцип развития систем письма в сторону их фонетизации (и фонемизации -- для языков фонемного строя), т.е. движения от идеографии к фонографии (фонемографии). Европейские системы письма являются алфавитными, а такое письмо представляет собой, как известно, наиболее совершенную систему звукового письма для языков фонемного строя. Оно строится на одно-однозначном соответствии между графемами и фонемами, т.е. стремится к реализации идеальной формулы графической системы. И тем не менее часто наблюдаются отклонения от идеала,

состоящие: а) в наличии множества графем ("аллографов" или "графемных рядов") для обозначения одной фонемы; б) в использовании разных графем для передачи обязательных и факультативных аллофонов одной фонемы; в) в употреблении одной графемы для обозначения разных фонем -- нередко с учётом позиции в слове; г) в наличии ряда позиционных вариантов одной графемы. Оптимальное решение проблемы графики заключается в построении если и не исчерпывающего, то вполне достаточного и вместе с этим экономного набора правил фиксации фонематически существенных для данного языка звуковых различий (фонологических дифференциальных признаков).

Формирование письменностей на основе латиницы представляло собой долгий и противоречивый процесс стихийного приспособления знаков латиницы к иному рода системам фонем, протекавший при отсутствии на начальном этапе предварительного осмысления принципов отбора имевшихся графем и придания им в необходимых случаях других функций, при отсутствии заранее составленного свода правил графики, регулирующей соответствия между графемами и фонемами, и тем более при отсутствии орфографии, унифицирующей написание конкретных слов. Между культурными центрами (как правило, монастырями) и школами переписчиков шла острая конкурентная борьба, связанная с отстаиванием тех или иных графических приёмов.

Создание письменности на базе латиницы проходило следующие основные этапы: записывание местными письменами в текстах на латинском языке собственных имён (топонимов и антропонимов) и других слов; вписывание на полях или между строк латинских текстов переводов на родной язык отдельных слов (глосс), словосочетаний и целых предложений; переводы религиозных (а впоследствии и светских) текстов на родной язык; создание оригинальных текстов различных жанров на родном языке.

Раньше всего письмо возникло в Ирландии. Здесь в 3--5 вв. (до принятия христианства) использовалось огамическое письмо (оно заключалось в нанесении определённого числа и размера насечек, расположенных под определённым углом к ребру камня). Близкая к идеалу фонографичность этой системы письма свидетельствует о гениальности её создателей. В 5 в. ирландцы принимают христианство и в начале 6 в. создают своё письмо на латинской основе, используемое монахами для записи религиозных произведений и эпоса. Здесь, в условиях культуры с отсутствием резкой конфронтации христианства и язычества, проповедуется идея "четвёртого" языка. К 8 в. огамическое письмо полностью вытесняется. В дополнение к латинским литерам классической поры используются диграфы для обозначения дифтонгов и для фиксации возникших в результате недавних звуковых переходов щелевых согласных. Приняты удвоенные написания для обозначения глухих смычных согласных в середине и конце слов. Изобретаются способы передачи сочетанием букв мягкости согласных после задних гласных и твёрдости согласных после передних гласных.

Ирландские миссионеры вели активную деятельность в Скандинавии, Германии, Франции, Бельгии, Италии, Паннонии и Моравии, серьёзно повлияв на установление в этих странах определённых графических канонов и на осознание этими народами права на широкое использование письма на родном языке. Особенно серьёзное влияние они оказали на формирование письменности у англосаксов. Вместе с тем можно обнаружить следы воздействия на развитие ирландской графики со стороны миссионеров из кельтской Британии.

У германцев (Скандинавия, Англия, Германия) первоначально было распространено

руническое письмо. Старший рунический алфавит насчитывал 24 знаками (он условно называется футарком -- по первым четырём буквам рунического алфавита: f-u-th-a-r-k). Это письмо использовалось в 3--7 вв., т.е. до принятия христианства. Значительна фонографичность этой системы, не отражающей лишь различия долгих и кратких гласных.

Футарк в Англии длительное время употреблялся параллельно наряду с латиницей, рано внедрившейся -- в 7 в. -- в письмо на родном языке. В него позже были добавлены новые знаки (сперва четыре, потом ещё пять) для сугубо английских фонем (в частности, для фиксации одной буквой дифтонга как целостной фонологической единицы, для обозначения возникшего в результате i-умлаута лабиализованного переднего гласного [y], для различения палатализованных и непалатализованных заднеязычных смычных согласных).

В Скандинавии число знаков в футарке сократилось с 24 до 16 знаков (младший футарк). Младшему футарку была присуща меньшая фонематичность (передача одной руной нескольких фонем, неразличение глухих и звонких согласных, необозначенность многих различий у гласных). Но вместе с этим находят отражение результаты перестройки систем фонем в скандинавских языках. Алфавит с числом знаков с меньшим вдвое числом фонем, как показал исторический опыт, может функционировать достаточно эффективно.

В Дании появляется письмо с "пунктированными рунами", позволившее обозначать различия между передними гласными лабиализованными и нелабиализованными (под влиянием знакомства с английским руническим письмом во время военных походов).

Но постепенно наблюдается исчезновение "языческого" рунического письма в связи с принятием христианства и внедрением письма на латинской основе (быстрее всего в Германии, затем в Англии и в последнюю очередь в скандинавских странах). Отдельные руны в некоторых версиях письма у германцев интерпретировались с ориентацией на латинскую основу. До наших дней сохраняется лишь руна для передачи th в исландском алфавите.

Англосаксы были первым германоязычным народом, перешедшим к систематическому использованию латинского письма для записи текстов на родном языке. Здесь наблюдалось незначительное влияние на применяемые графические приёмы рунического письма, но прослеживалось очень серьёзное воздействие латинских и особенно ирландских образцов (применение диграфов для дифтонгов, обозначение веляризованного [1] и палатализованных заднеязычных смычных согласных сочетаниями из нескольких букв). Одной графемой обозначались заднеязычное [x] и гортанное [h].

Этот и ряд других графических способов были заимствованы у англосаксов немецким письмом. Уже в 6 в. франкский король Гильперих предлагал реформу латинского алфавита вместе с заимствованием некоторых рун из древнеанглийского футарка для передачи немецких фонем. В конце 8 в. появляются первые верхненемецкие письменные памятники. Наблюдается большое разнообразие графических приёмов не только в одном монастыре, но и у одного писца. Для передачи верхненемецких фонем часто используется комбинирование ряда латинских букв. В нижненемецком новые графемы появляются под влиянием английского письма.

В Скандинавию латинское письмо проникает поздно. Оно находится здесь под сильным влиянием английских и немецких, а в ряде случаев ирландских образцов. В датском письме используются неперечёркнутые и перечёркнутые буквы при передаче различий между твёрдыми и мягкими согласными, а также и между нелабиализованными и лабиализованными передними гласными. В Исландии создаётся первый теоретический

трактат о принципах построения алфавита, но в формировании исландской графики больше господствовала стихия.

Сравнительно поздно письменность появилась в романоязычных странах, что объясняется, по всей очевидности, распространённым умением читать и понимать тексты на мёртвом уже к 5 в. латинском языке. В романском языковом ареале (Romania) наблюдались серьёзные различия в озвучивании одного и того же церковного текста в соответствии с особенностями местного народно-разговорного языка. Обращает на себя внимание реформа Карла Великого, стремившегося привести произношение в согласие с латинским написанием.

Необходимость в своём письменном языке осознаётся в связи с большим, мешающим пониманию письменных текстов разрывом между канонической латынью и разговорным языком. Своя письменность формируется во Франции в 9 в., в Провансе в 11 в., в Испании, Португалии, Италии и Каталонии в 12--13 вв. При этом частыми и значительными были совпадения -- в силу общности романской речи поздней античности и раннего средневековья как исходного материала и некоторых общих тенденций звукового развития -- в арсенале использовавшихся графических приёмов. Так, обычно непоследовательно обозначается качество гласных, но достаточно информативно передаётся посредством различных буквосочетаний качество согласных, например, обозначение бокового и носового среднеязычных сонантов. Эти новые фонемы фиксируются как результаты изменения смычных заднеязычных согласных. Для писцов характерно стремление не отрываться от латинских прототипов путём создания этимологических написаний. Довольно поздно (16 в.) начинают разграничиваться латинские буквы Uu и Vv, Ii и Jj, что имело общеевропейский характер. Графема Ww (из сдвоенного uu/vv) формируется на германской почве.

Первые чешские памятники латиницей появляются в 13 в., хотя латиница проникла к западным славянам раньше глаголицы и кириллицы (до неудачно окончившейся моравской миссии Константина Философа и Мефодия с их учениками в 9 в.). Чешскую письменность создают в монастырях монахи, учившиеся у немцев. Поэтому столь ощутимо влияние образцов латинской и немецкой графики. Впоследствии появляются конкурирующие диграфы для обозначения многочисленных чешских согласных и диакритических значков для передачи их твёрдости и мягкости. Создание идеальной фонографической чешской графики оказывается возможным только лишь в результате реформы Я. Гуса в 1412 г.

Польская письменность создаётся на основе латиницы с ориентацией на чешскую и немецкую графику. Здесь особо сказались трудности, вызванные большим числом специфически польских согласных, а также носовых гласных. Способ передачи назальности гласного посредством добавления особого знака к основному гласному сложился под влиянием глаголицы.

3.3. Разработка лингвистических проблем в раннесредневековой Западной Европе

Различия в путях развития в период средневековья европейского Запада (романо-германского культурного ареала -- Romania и Germania) и европейского Востока (греко-славянского культурного ареала) явились следствием не только экономических, политических и географических факторов, разделивших Римскую империю на две отдельные империи, а затем и христианство на западное и восточное, но и, по всей очевидности, итогом воздействия факторов этнопсихологических, а именно изначальной неодинаковости менталитетов греков и римлян -- двух великих народов древней Европы, заложивших

фундамент европейской цивилизации.

На средневековом Западе большее внимание уделялось вопросам философии, диалектической логики и общей методологии науки, что наложило свой отпечаток на способы формирования лингвистических идей и определения основных понятий теории языка, на утверждение логицизма в описании языка. Здесь была более резкой, чем в Византии, конфронтация античного и средневекового, языческого и христианского начал в культуре "варварского" Запада.

В развитии средневековой культуры и науки Запада можно условно выделить два этапа, характеризующих также особенности научного и общественного статуса лингвистики (в терминологии того времени, грамматики), -- ранний (с 6 по 10 вв.) и поздний (с 11 по 14 вв.).

Для раннего этапа характерны: систематизация античного идейного наследия и его приспособление к иной эпохе; господство латинского языка во всех сферах официального общения; создание собственных письменностей на латинской основе; перевод на родные языки церковных и светских текстов, а потом и составление оригинальных текстов; письменная фиксация в ряде стран произведений эпоса на родном языке.

На позднем этапе наблюдаются: прежнее подчинение науки религиозной догматике и некоторые отступления от этих догм, выражение осуждаемых церковью взглядов; создание принципиально новой культуры и новой науки; расцвет схоластической логики и попытки её применения в теологии; построение в русле схоластики теоретической грамматики; утверждение принципов универсализма; разработка новых методов научного доказательства; формирование собственных научных направлений и концепций, появление научных школ; идейная подготовка Ренессанса.

На первом этапе отдельные мыслители Западной Европы были внимательны не только к римским авторам, но и к греко-византийской культуре, более или менее было распространено знание греческого языка, поддерживались культурные, философские, научные контакты с Византией. На втором же этапе стало редким прямое (беспереvodное) обращение к греческим авторам, угасал интерес к греческому языку, ослабевали культурные и научные связи с византийским миром.

Для первого этапа средневековой западноевропейской мысли характерно безраздельное господство идеологии одного из выдающихся представителей западной патристики Августина Блаженного (354--430), выступавшей в течение ряда веков в форме августианства и ориентировавшейся больше на Платона и неоплатонизм, чем на Аристотеля. В конце второго этапа, в 13 в. утверждается господство идеологии Фомы Аквинского (1225 или 1226--1274), связанной с переориентацией на Аристотеля и с отказом от идей Платона.

На первом этапе заметен сугубо эмпирический и прикладной ("технический") характер грамматики (лингвистики), её относительная независимость от философских и логических систем, в том числе и от философии языка, разрабатывавшейся в этот период в русле патристики.

На втором этапе происходит становление высокоразвитой абстрактной грамматической теории, протекавшее в русле схоластической логики и философии и означавшее подчинение грамматики философии. Это означало внедрение в грамматику новых, строгих методов доказательства и определения понятий; создание оригинальных лингвистических концепций; отрыв теоретической грамматики от грамматики практической; критическое комментирование руководств Доната и Присциана с высоты новых научных достижений;

разработка так называемых логических, философских, универсальных грамматик; появление в ряде стран первых грамматик родных языков.

История западноевропейского языкознания раннего средневековья представляет собой прежде всего историю изучения и преподавания классического латинского языка (на основе канонизированных руководств Доната и Присциана и многочисленных комментариев к ним, а также работ ряда римских авторов классической и позднеримской поры). Существенно изменились условия жизни общества и условия бытования уже мёртвого латинского языка, который продолжал, тем не менее, активно использоваться в церкви, канцелярии, науке, образовании, международных отношениях и соответственно эволюционировать в процессе его широкого употребления в разных этнических коллективах. В средневековой обиходно-разговорной латыни накопились серьёзные отличия от классического латинского языка. Осуществлённый в 5--6 вв. латинский перевод Библии (Vulgata) отражал новое состояние этого языка. Язык перевода был освящён в глазах церковников авторитетом Писания, к "языческим" же авторам античной поры и классической латыни они относились пренебрежительно.

В поддержании и утверждении приоритета латинского языка и в выдвижении именно латинской грамматики на роль важнейшей дисциплины в системе средневекового образования важную роль сыграл "учитель Запада", бывший на государственной службе у остготов римский философ, теолог и поэт Аниций Манлий Северин Боэций (около 480--524), познакомивший Запад (в качестве переводчика и комментатора) с некоторыми философско-логическими произведениями Аристотеля и неоплатоника Порфирия, который предвосхитил в своих трудах положения зрелой схоластики и заложил основы преподавания "семи свободных искусств" (объединявшихся в два цикла -- тривиум и квадривиум).

Среди философов и грамматиков, вообще среди образованных людей того времени необычайно высоким был авторитет епископа Исидора Севильского (570--638). Его взгляды формировались в условиях борьбы арианского и римско-католического вероисповеданий в вестготской Испании и победы католицизма, приведшей к уничтожению арианских книг на готском языке. Труд Исидора "Этимология, или Начала" представлял собой энциклопедию классического (римского и греческого) наследия и определял содержание обязательных светских знаний на последующие восемь веков.

В двадцати книгах "Этимологии" излагается содержание всех семи "свободных искусств", начиная с грамматики и риторики. Исидор определял грамматику не только как знание правильного языка, но и как "начало и основу свободной учёности", как "всеобщую науку", откуда заимствуются методы, применимые во всех областях знания, включая теологию. Грамматический "метод" Исидора, опиравшегося в этом отношении на Августина и Кассиодора, послужил инструментом христианской экзегетики -- своеобразной разновидности грамматики, специализированной на изучении, комментировании и передаче Писания. Основные приёмы грамматики и других наук для Исидора были аналогия, этимология, глосса и особенно важное для исследовательских целей различие (сравнение). Этимологию (разрабатывавшуюся в русле идей Квинтилиана и Доната) он понимал как "начало имён". Труд Исидора Севильского скорее был "грамматикой философии", чем собственно философией.

В основном же грамматика раннего средневековья выступала как прикладная дисциплина, обслуживавшая преподавание и комментирование текстов античных (в основном римских) авторов и стоящая в стороне от философии языка. Основными

грамматическими трудами этого периода (по преимуществу на латинском языке) были многочисленные комментарии к Донату и Присциану. Они строились обычно как анонимные сочинения, не навязывающие читателям собственного авторского отношения.

Работа над латинской грамматикой была сосредоточена в монастырских и епископских школах. Очень высоким был уровень её преподавания (наряду с греческим языком) в 7--11 вв. в грамматических школах в Англии, принявшей христианство в 7 в. Об этом свидетельствует приглашение в 781 г. выпускника одной из таких школ, Алкуина, ко двору Карла Великого с поручением открыть подобные школы в государстве франков.

Преподаватели опирались на руководства Доната и Присциана, составляли разговорники (сборники образцов бесед учителя с учениками) для чтения, переписывания и заучивания. Обычно ученики записывали глоссы (переводы малопонятных слов) на полях или между строк. Предпринимались попытки составления глоссариев как сборников таких глосс. В текстах наблюдаются также пометки к грамматическим формам. Создавались развёрнутые учебные комментарии к руководствам в целом.

Позднее появляются собственно грамматические сочинения (наиболее известны такие авторы, как Альдхейм, около 650--709; Беда Достопочтенный, 674--735; Алкуин, 735--804; самый крупный представитель средневековой английской грамматической мысли Эльфрик, 955--1020).

Беда Достопочтенный завоевал свою популярность как выдающийся церковный писатель, автор "Церковной истории английского народа", превосходный знаток латыни. Ему принадлежат сочинения об орфографии, поэтическом искусстве, риторических фигурах и тропах, о частях речи, опирающиеся часто на прямое цитирование руководств Доната и многих других позднеимских авторов, на "Этимологию" Исидора.

Труды философа, поэта и педагога Алкуина были посвящены орфографии и грамматике, комментариям к Присциану. Его "Грамматика" была построена в виде диалога двух учеников, саксонца и франка, предметом которого являются -- в соответствии с разделами -- слог, имя, род имени, число, род местоимений, падежи, глагол и т. д. Алкуин также опирался прежде всего на Присциана и вместе с тем использовал работы многих других римских грамматиков.

В 9--10 вв. средневековые учёные начинают обращаться к родному языку и словесности. Появляются опыты письменной фиксации памятников древнеанглийского эпоса (поэма "Беовульф").

Развивается искусство перевода на родной язык. Известны сделанные королём Альфредом и учёными его окружения переводы сочинений папы Григория, Боэция, Орозия, Августина. Самой крупной фигурой в переводческом искусстве был Эльфрик. Он перевёл "Книгу Бытия", а затем всё "Пятикнижие", сочинения отцов церкви и две книги проповедей. В предисловиях к переводам указывалось, что они ориентированы на читателей, знающих только свой родной язык.

Эльфриком же была создана первая грамматика латинского языка на английском языке как "введение в изучение обоих языков". В этой грамматике, имеющей чисто практическую направленность, рассматривалась вся совокупность грамматических знаний того времени. Автор внимательно относился к толкованию и переводу (калькированию) латинских терминов. Он прибегал как к их совместному употреблению рядом с английскими, так и к употреблению только латинских терминов или только английских терминов. В работе совмещены, с одной стороны, компилятивный в целом характер труда Эльфрика (как бы

перевода, т. е. отстранённо от авторства данных пояснений, в соответствии с духом той эпохи) и, с другой стороны, чётко прослеживаемая и в композиции работы, и во многих определениях собственная позиция автора.

В Ирландии примерно в 7 в. создаётся трактат "Учебник поэтов". Он одним из первых в европейской грамматической традиции написан на родном языке. В нём содержатся сравнительная характеристика латинского и ирландского письма, звукового строя сопоставляемых языков, описание некоторых морфологических явлений ирландского языка (с использованием собственной достаточно хорошо продуманной терминологии, в основном калек с латинского языка). Заметна ориентация автора трактата на руководства Доната и римских авторов. В этом трактате наблюдается сочетание древнеирландской традиции, ориентированной на обучение поэтов, и латинской грамматической традиции, переданной вместе с ранней христианизацией Ирландии.

В целом же развитие теоретической грамматической мысли и практической грамматики идут раздельно.

3.4. Разработка лингвистических проблем

в Западной Европе позднего Средневековья

Позднее средневековье представляет собой эпоху коренных изменений в социально-экономической и духовной жизни западноевропейского общества, серьёзных достижений в науке и культуре, формирования принципиально новой системы образования, отвечающей потребностям развития естественных наук, медицины, инженерного дела и т.п. и постепенно вытесняющей прежнюю систему обучения "семи свободным искусствам". Однако по-прежнему латынь используется в качестве языка религиозных текстов, богословия, философии, науки, образования и международного общения в Западной Европе, а также как предмет преподавания и изучения.

На роль новой царицы наук (вместо грамматики) выдвигается логика, а затем и метафизика. В 12--14 вв. возникает большой ряд университетов (Болонья, Салерно, Падуя, Кембридж, Оксфорд, Париж, Монпелье, Саламанка, Лисабон, Краков, Прага, Вена, Гейдельберг, Эрфурт). К ним от монастырских школ переходит роль главных образовательных и научных учреждений. Новые, определяющие духовный прогресс идеи формируются теперь преимущественно в университетах. Возникает и усиливается интенсивный обмен идеями и результатами интеллектуального труда между новыми научными центрами Западной Европы.

В этих условиях церковь как главная носительница христианской идеологии стремится сохранить своё господствующее положение в обществе, в государственной жизни, в деятельности университетов. Она сопротивляется идеям, противоречащим христианским доктринам и подготавливающим возникновение идеологии Возрождения, привлекая к участию в разработке многих философских, логических, метафизических и даже грамматических концепций видных духовных деятелей.

Серьёзное воздействие на переориентацию грамматики и её превращение в науку оказала разрабатывавшаяся в 11--14 вв. схоластика, восходящая к методу вычитывания ответов из поставленных вопросов у Прокла (412--485) и к работам представителя поздней патристики Иоанна Дамаскина (около 675 -- около 753). Схоластика прошла в своём развитии следующие этапы: ранний (11--12 вв.: Ансельм Кентерберийский, Гильом из Шампо, Иоанн Росцелин, Пьер Абеляр), зрелый (12--13 вв.: Сигер Брабантский, Альберт Великий) и поздний, предренессансный (13--14 вв.: Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам, Никола Орем).

Схоластика подводила под философию и богословие, в недрах которых она сформировалась, новую основу -- логику (диалектику), для которой характерно стремление к построению строгих научных доказательств.

И в эпоху Возрождения, и в последующие исторические периоды было не понято глубокое научное содержание и живая творческая мысль, скрытые в схоластике за внешне сухой формой. Осознание истинного значения позднего средневековья в истории мировой культуры и науки, в частности схоластической логики, наступило лишь в наше время (во второй половине 20 в.). Схоластика, в которой совпадают логика и диалектика (философия), сыграла важную роль в формировании принципиально новой науки, нового миропонимания. Она вовлекла в свою сферу грамматику, соединив в одном потоке исследований философию языка и грамматику (языкознание), придав грамматике новые, спасающие её в изменившихся условиях ориентиры. Именно в недрах логики возникла теоретическая грамматика (аналогичная современной общей лингвистике) как строгая доказательная наука.

Философская логика позднего средневековья постоянно обращалась к вопросам связи мышления, языка и предметного мира в связи с постановкой вопроса о роли идей, абстракций, общих понятий (универсалий) и о модусе их существования. Дискуссии шли вокруг центральной проблемы -- универсалий. Решалась она, с одной стороны, в духе реализма и, соответственно, в согласии с интересами церкви -- вслед за Платоном и затем частично Аристотелем (Иоанн Скот Эриугена, 810--877; его последователь Гильом из Шампо, 11 в.; архиепископ Ансельм Кентерберийский, 1033--1109). С другой стороны, предлагались решения в духе отвергавшегося церковью номинализма -- вслед за киником Антисфеном (около 450 -- около 360 до н. э.) и стоиками (Рабан Мавр, 784--856; определивший лицо данного направления Иоанн Росцелин, 1050--1112; Иоанн Дунс Скот, 1266--1308; его последователь и оппонент Уильям Оккам, 1285--1349). Наконец, делались попытки соединить идеи реализма и номинализма в концептуализме (ученик Росцелина и Гильома из Шампо Пьер Абеляр, 1079--1142).

Реалисты защищали самостоятельное существование общих понятий (рядом с вещами или до них). Номиналисты же утверждали, что общие понятия суть лишь имена. Абеляр отказывался считать универсалии вещами или же словами и приписывал им статус "построений ума". В ходе многовековой дискуссии между реалистами и номиналистами обсуждались актуальные и в настоящее время проблемы отношения референции и значения, слова и вещи, предложения и мысли, собственного значения слова и его окказионального значения.

Представители противоборствующих лагерей внесли существенный вклад в разработку проблемы языкового значения, которая ранее не входила в ведение грамматики, бывшей в основном дисциплиной формальной (в духе идей Александрийской школы).

Абеляр принимал во внимание две грани языка -- его отношение к вещам и его отношение к мысли. Он указывал на то, что язык есть не столько средство общения, сколько свидетельство активного мыслительного процесса. Абеляр настаивал на соотношении вещи, понятия и значения. Он разграничивал три вида значений: интеллектуальное, воображаемое и истинное. Им проводился анализ переносных значений слов (на примерах из поэзии и риторики). Обозначаемое предложения трактовалось им не как вещь, а как нечто, что касается вещей, что представляет собой квази-вещь.

Поздний схоласт-номиналист Оккам резко выступал против ненужного умножения

реалистами воображаемых сущностей (принцип "бритвы Оккама"). Он подчёркивал, что природа создаёт только вещи. Обозначения квалифицируются им не как свойство слова, а как проявление свойства разума через слово. Язык локализуется в сознании человека, а грамматика в мысли. Система взглядов Оккама, одного из последних представителей схоластики средневековья и её самого резкого критика, явилась предтечей идеологии эпохи Возрождения, которое в целом не приняло схоластики.

Схоластическая логика испытала в 12--13 вв. подъём. благодаря деятельности профессоров Парижского университета, способствовавших распространению и утверждению идей Аристотеля. Более полному знакомству с работами Аристотеля Европа была обязана деятельности арабских учёных и особенно испанско-арабского философа Абу-ль-Валида Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Рушда (в латинизированной форме Аверроэс, 1126--1198). Аристотелизм в новом виде пришёл в Европу в форме аверроизма.

Европейские учёные, вместе с тем, проявили интерес к сочинениям и других арабских, а также еврейских авторов, опиравшихся на Аристотеля (в частности к работам Абу Бекра Мухаммеда ибн Али Мухиддина ибн Араби, Соломона бен Иегуды ибн Гебириля -- в латинизированной форме Авицеброн, Абу Али Хусейна ибн Абдаллаха ибн Сины -- в латинизированной форме Авиценна; 980--1037).

Представителями аверроизма в Европе были: в Испании Альбалаг (13 в.), в Парижском университете Сигер Брабантский (около 1235--1282) и Боэций Дакийский (точнее: Датский; 13 в.), Жан Жанден (14 в.), в Италии в 14--16 вв. ряд профессоров Падуанского и Болонского университетов. Благодаря освоению аристотелевского идейного наследия философия, развивавшаяся ранее в недрах богословия, превратилась в самостоятельную отрасль знания. Любая наука стала квалифицироваться как часть философии. Грамматика обратилась к интенсивному использованию идей Аристотеля.

В обществе рос интерес к аристотелевской системе научных знаний, которая содержит элементы материализма и открывала перспективы перед представителями естественных наук, медицины, техники, торговли, так как она лучше отвечала изменившемуся укладу жизни и нарастающему неприятию августианской идеологии, враждебно относившейся к естественнонаучным исследованиям и обращённой только к духовной сфере человека.

Первоначально церковь предпринимала неоднократные и безуспешные запреты на распространение университетскими кафедрами аристотелизма и аверроизма, а затем она признала необходимость провести перестройку аристотелевской идеологии в религиозно-христианском духе.

Осуществление задачи по теологизации аристотелизма было проведено в 13 в. рядом выдающихся учёных-теологов (Александр Гэльский, его ученик Иоанн Фиданца / Бонавентура, первый представитель схоластического аристотелизма Альберт Великий / фон Больштедт, ученик Альберта Фома Аквинский). Идеология последнего, известная под именем томизма, оказала влияние и на теоретическую грамматику.

Фома Аквинский, стоявший на позиции синтеза реализма и номинализма, различал три вида универсалий: *in re* 'внутри вещи', *post re* 'после вещи' и *ante re* 'перед вещью'. Обозначаемое предложения оно понимал как объединённые связкой значения субъекта и предиката. Им разграничивались первичное значение слова и его употребление в речи. Разграничению существительного и прилагательного служил логико-семантический критерий (выражение основного понятия и приписывания ему признака). Он же ввёл в логику и грамматику понятие суппонировать 'иметь в виду'.

Грамматическая мысль испытала расцвет в 11--13 вв. под воздействием союза с логикой, знаменовавшийся, однако, вместе с тем стремлением к автономии собственно грамматического подхода (12--13 вв.: Уильям Кончийский, Иордан Саксонский, первый подлинно оригинальный грамматик Средневековья Пётр Гелийский, Роберт Килвордби, Роджер Бэкон, Доминик Гундиссалин, Пётр Испанский, Ральф де Бовэ).

Уильям Кончийский (1080--1154) описывал части речи в новой последовательности. Он поставил проблему причин изобретения частей речи.

Иордан Саксонский указывал на необходимость различать в языке существенное и случайное, утверждая, что различия между разными языками сводятся к их внешней, звуковой оболочке, а внутреннее их строение едино. Он различал значения отдельных слов и грамматические значения.

Петру Гелийскому принадлежит "Свод по Присциану". Здесь используются по-прежнему формы комментариев к Донату и Присциану, но комментарии осуществляются с принципиально новых позиций. Дается полная систематизация идей своих предшественников. Часты многочисленные философские отступления в грамматических рассуждениях. Утверждается право грамматики на автономию.

Грамматические критерии дополняются логическими. Одновременно прослеживается стремление убрать из описания всё лишнее, не относящееся к грамматике. Грамматика квалифицируется и как искусство (её правила следуют человеческому выбору), и как наука (в ней утверждается наличие точных законов). Исследованию подвергаются *causae inventionis* частей речи (общие причины создания слов и собственные причины изобретения каждой части речи).

Пётр Гелийский различает подразумеваемую вещь, понятие и значение. Он уделяет внимание грамматическому значению. Им разграничиваются глаголы действия и глаголы претерпевания действия. Существительное объявляется самой благородной частью речи, а его окончания -- самыми благородными частями слова. Шесть падежей предстают как шесть способов рассмотрения вещи. Впервые осуществляется разграничение существительного и прилагательного. Аристотелевское формальное определение глагола дополняется указанием на его логико-синтаксическую функцию -- быть всегда предикатом в предложении.

Роберт Килвордби искал сущее в грамматике, изучающей регулярные принципы структуры и содержания в языке. Он уподоблял грамматику геометрии в её способности отвлекаться от поверхностного. Им в грамматику внедрялись семантические моменты. Он ввёл понятие универсальной грамматики.

Этой же идее об универсальной грамматике следует Роджер Бэкон (около 1200--1292), считавший, что грамматика одна во всех языках в своей субстанции и варьирует лишь в акциденциях, что наука должна заниматься лишь универсальным.

Привлекает внимание и решение лингвистических проблем в "Кратком своде основ логики" Петра Испанского (1210 или 1220--1277), понимавшего диалектику как искусство искусств и науку наук. Он относил грамматику, риторику и логику к речевым наукам. По его мнению, логика занимается универсальными явлениями, а грамматика -- особенностями отдельных языков. У знаков как терминов языка он выделяет первичные интенции (обозначение вещей) и вторичные интенции (выражение общих понятий). Значение определяется как сигнификация (представление вещи через условный голосовой звук), как суппозиция (употребление субстантивного термина вместо собственного имени в некоем контексте), как апелляция (отношение слова к реально существующему объекту); как

указание на то, что сигнификация связана с понятийным содержанием, а суппозиция обнаруживает себя в индивидуальных примерах. Разграничиваются суппозиции общие, единичные, персональные, материальные.

Пётр Испанский проводит анализ процедур расширения и ограничения / сужения значения. Он разрабатывает теорию синонимии. Им различаются значения корней и аффиксов (сигнификативные и консигнификативные). Он отказывается от резкого разграничения категорематических (предикатных) и некатегорематических (непредикатных) слов. Им подчёркивается взаимоограничение слов и конструкций, проводится различие предложения и словосочетания. Учёный хорошо осознаёт то, что объектами науки являются не вещи, а предложения о них.

Для Ральфа де Бовэ характерно усиление внимания к текстам не только христианских, но и классических авторов. Его трудам присуще обилие цитат из них. Он первым начал разрабатывать проблемы синтаксиса. Управление он определяет с учётом логико-семантического критерия.

В конце 13 в., в период общекультурного подъёма в Западной Европе, в русле "новой" (спекулятивной) логики формируется грамматическое учение модистов (Симон Дакийский - точнее в этом и последующих случаях нужно было бы говорить: Датский -- Боэций Дакийский, Мартин Дакийский, Иоанн Дакийский, отчасти Иоанн Дунс Скот, Фома Эрфуртский, Мишель из Марбэ, Сигер из Куртрэ, Радульф Бритон).

Грамматическое учение модистов представляет собой вершину достижений западноевропейской науки позднего средневековья, первую теорию языка в европейской научной традиции. Парижский университет оказался колыбелью грамматики модистов, дальнейшая её разработка велась в университетах Эрфурта, Болоньи, Праги (вторая половина 14 -- начало 16 вв.).

Модисты, центральным теоретическим понятием которых были способы обозначения (*modi significandi*), внесли величайший вклад в разработку проблемы грамматических значений. Язык они понимали как жёсткую систему, которая направляется точными законами, имеющими автономный и универсальный характер. Они отказываются от простого описания фактов языка и ограничиваются небольшим числом примеров. Им принадлежит распространение на грамматику дедуктивного метода и аксиоматического принципа строгого доказательства: постулирование исходных понятий и выведение из них всех остальных. Проблемы звучания, просодии и орфографии исключаются ими из сферы своих интересов. Звучание они относят к ведению естественных наук -- физики и физиологии, а лексическое значение -- к ведению психологии. В грамматике в качестве разделов сохраняются этимология (учение о частях речи) и синтаксис (учение о словосочетании и предложении).

Грамматическая теория строится на базе натурфилософии, происходит онтологизация грамматики. Задачей грамматики объявляется познание/объяснение причин. Модисты убеждены в том, что конечная причина лежит вне языка, что начало грамматики находится в вещах. Для них характерен следующий путь анализа: изучение природы вещей (модусы существования) -- изучение модусов понимания разумом -- познание модусов обозначения в языке. Модус обозначения есть способ представления предметного содержания, делающий слово (*dictio*) частью речи (*pars orationis*). Грамматика должна выявить причины выбора данного модуса обозначения. Предполагалось, что можно распространить метод установления модусов обозначения на другие науки, включая теологию.

Модисты последующего поколения отходят от жёстких схем одно-однозначного соответствия вещам, сформулированных первыми модистами. Особенно это наглядно прослеживается в работах Сигера из Куртрэ и Фомы Эрфуртского, отметивших особое положение наименований фиктивных предметов и т.п.

В классификации частей речи находит применение дихотомический принцип. Модисты отказываются от учёта формальных признаков. Они провозглашают синтаксис самой важной частью грамматики. Приоритетное место отводится теперь не имени, а глаголу (предвосхищение идеи вербоцентризма). В конструкции как главной синтаксической единице выделяются два компонента (слова). Различаются грамматическая и смысловая совместимость слов. Осуществляется различение слов зависящих и детерминирующих. Предложение определяется на основе наличия подлежащего (*suppositum*) и сказуемого (*appositum*). В позиции подлежащего допускается не только именительный падеж. Вводится понятие завершения (*perfectio*) как законченного предложения, отвечающего требованиям правильности.

Модисты создают универсальную/общую грамматику, отождествляемую по существу с грамматикой латинского языка. Ими строится всеобъемлющая теория языка и разрабатываются основы семиотики.

Грамматическое учение модистов серьёзно повлияло на представителей грамматики более поздних периодов развития языкознания, прежде всего на грамматику Пор-Рояля (1660). Оно оказывало воздействие и на лингвистов 20 в. (учение о знаке и о системе языка Ф. де Соссюра; фонологическая концепция Н. С. Трубецкого, отводившего фонетике место среди естественных наук; глоссематическая теория Л. Ельмслева, в которой субстанция выражения и субстанция содержания выводятся за пределы языка; гипотеза об универсальных глубинных структурах Н. Хомского).

Позднее средневековье характеризуется усилением интереса к научному изучению родных языков и использованию этих языков для их же описания (в условиях господствовавшего тогда билингвизма с преобладанием в официальной сфере общения латинского языка).

В 13 в. были созданы четыре теоретико-грамматических трактата, которые были написаны по-исландски и посвящены исландскому языку. Они предназначались быть учебниками для скальдов. В них обсуждались вопросы создания исландского алфавита на основе латинского письма, классификация букв, исландские части речи, правила стихосложения, включая метрику. Этот факт примечателен в свете того, что первые грамматики родных языков и на родных же языках появляются во Франции в 16 в., в Германии в 15--16 вв., в Англии в 16--17 вв. Объяснение можно искать в специфике истории Исландии, где введение христианства было актом альтинга как органа народовластия в отсутствие государства и где языческие жрецы (годы) автоматически становились христианскими священниками, а вместе с тем и хранителями традиционной исландской культуры.

Начало письма в Исландии латиницей относится к 7 в. Собственный алфавит на основе латиницы создаётся в 12 в. И в первом же из трактатов, сугубо теоретическом, отстаивается право каждого народа иметь свой алфавит, излагаются принципы его построения, начиная с гласных. Можно отметить строгое (на уровне требований 20 в.) следование фонематическому принципу. В трактате формулируется понятие различительного звукового признака (различия). В третьем трактате даётся сравнительно полное описание

морфологического строя исландского языка, вводятся исландские термины (как правило, кальки с латинского) для частей речи.

В западнороманском культурном ареале (особенно в Италии, Каталонии и Испании) первоначально проявляется активный интерес к окситанскому (провансальскому) языку, на котором создавались и распространялись в 11--12 вв. песни трубадуров. Соответственно этому возникает потребность в руководствах по близкородственному языку и искусству провансальской поэзии.

В 12 в. появляется сочинение каталонца Раймона Видаля "Принципы стихосложения", содержащее довольно подробный и своеобразный анализ языковой стороны провансальских поэтических текстов. Здесь перечисляются традиционные восемь частей речи. К классу "существительных" отнесены все слова, обозначающие субстанцию (собственно существительные, личные и притяжательные местоимения и даже глаголы *eser* и *estar*), а к классу "прилагательных" - собственно прилагательные, причастия действительного залога и прочие глаголы. Оба класса разбиваются на три рода. Учитывается открытая в 12 в. дифференциация глаголов на предикативные и непредикативные. Автор даёт описание двухпадежного склонения и рассматривает некоторые аспекты парадигмы глагольного спряжения. Трактат был очень популярен в Каталонии и Италии, появлялись многочисленные подражания ему.

В середине 13 в. было создано руководство по окситанскому языку для итальянцев Юка Файдита. Оно содержало в первой части свободную адаптацию "Меньшего руководства" Доната и словарь рифм, длинный перечень глаголов всех спряжений (с латинским подстрочником). Копировался подход (в конспективной форме) Доната к частям речи и их акциденциям, частично учитывалось руководство Присциана. В этом сочинении зафиксировано исчезновение среднего рода у имён. Детально описаны именные флексии, что не имело аналога у Доната и Присциана. Подробно описаны формы глагола. Трактат Юка Файдита имел большой успех у современников, в сочинениях того времени встречаются частые упоминания о нём как о "Провансальском Донате".

В конце 13 в. монахом-бенедиктинцем Жофре де Фуша предпринимается переработка сочинения Раймона Видаля. Излагаются правила стихосложения. Описываются парадигма определённого артикля и особенно подробно падежная флексия, осуществляется разграничение существительных и прилагательных (по Юку Файдиту). Дается характеристика номинатива и аккузатива относительно сказуемого. Описываются и другие падежи. Характеризуются флексии местоимений и отглагольных имён. Более полно, чем у Раймона Видаля, представлено описание глагольных форм.

В начале 14 в. в Тулузе появляется созданный консисторией под руководством Гильома Молинье "Законник любви". В нём изложены правила поэзии. В этом сочинении представлен тулузский вариант окситанского языка. Особое внимание уделяется фонетике (проводится различие гласных полновзвонких и полувзвонких, собственно дифтонгов и ложных дифтонгов, оглушение звонких согласных в конце слов, даются характеристики зияний и стыков согласных, апокопы и синкопы, роли ударения в различении слов). Дается определение синонимов. Методично описаны части речи. Характеризуются возникшие в романском языке аналитические формы глагола и аналитические формы степеней сравнения у прилагательных. Большое внимание уделено вопросам синтаксиса (описание конструкций, в которых связаны слова подчинённые и подчиняющие, субстантивации инфинитива, определённого артикля, согласования времён и наклонений; большой список

союзов и союзных слов).

В Каталонии к трудам тулузской консистории был проявлен большой интерес. В 1324 г. Раймоном де Корнет было предпринято стихотворное переложение тулузского "Законника" со сведениями о частях речи, фонетике, поэтике, риторике. В 1341 г. появился обширный комментарий Жоана де Кастельноу к этой поэме с корректировкой допущенных неточностей. В Барселоне в 1393 г. создаётся собственная каталонская консистория, где продолжается изучение окситанского языка. Интерес к нему угасает вместе с уходом в прошлое провансальской поэзии. Существенного воздействия достижений окситанских грамматических трудов на грамматику других романских языков не наблюдалось.

Разработка грамматики французского языка, бывшего в силу ряда причин распространённым и за пределами Франции (особенно в Италии и Англии), началась намного позже. Особенности этого языка нашли отражение в поэме Вальтера де Бивесворт, ориентированной на детей и вводящей французские слова вместе с английскими глоссами к ним, а также в словниках и разговорниках (во Фландрии и Англии), во французских переводах и обработках Доната (с конца 13 в.). Вкрапления элементов романской парадигмы склонения и использование аналитических форм для передачи латинских прошедших времён наблюдаются во французской версии Доната, в трактате 15 в. по латинскому синтаксису, где правила формулируются по-французски и нередко французские примеры.

Особенности французского языка осознаются многими представителями схоластической грамматики и модистами, в работы которых на латинском языке, в частности, проникает французский артикль. Около 1300 г. появляется первый французский грамматический трактат некоего Т. Н. по орфографии.

Известен англо-нормандский грамматический трактат, "Французский Донат" Джона Бартона (самое начало 15 в.), предназначенный для обучения англичан. Он содержит раздел о буквах, характеристику артикуляции гласных и согласных, сведения об акциденциях (особенно о грамматическом роде), степенях сравнения, наклонениях, временах, о частях речи, о склонении, о различии существительных и прилагательных, о местоимениях, наречиях, глаголах-заместителях. В нём приводится список глаголов с латинскими или английскими леммами. Трактат Джона Бартона является по существу первой французской грамматикой.

Интерес к немецкому языку как родному ("народному" -- в противоположность латыни и романской речи) пробудился с началом становления немецкой письменности (с 8 в.). Научные грамматики родного языка появляются довольно поздно. Карл Великий отдавал распоряжения о создании антологии устной германской поэзии и составлении грамматики родного языка. В этом направлении осуществлял свою культурную деятельность Храбан Мавр (784--856). Его ученик Валахфрид Страбон написал рассуждение о заимствованиях слов из одного языка в другой. Другой ученик Храбана, автор стихотворного переложения Евангелия Отфрид, оставил интересные замечания об отличиях своего языка ("франкского") от латинского и трудностях перевода. Ноткер Немецкий (1050) сетовал на те же трудности, встающие перед переводчиком на немецкий язык. В 13 в. было осознано наличие диалектных различий на территории Германии, некоторые авторы указывали на свою диалектную принадлежность при ощущении ими единства языка в целом.

Немецкий язык использовался при начальном обучении латыни по руководствам Доната и Присциана. Латинские слова в текстах снабжались глоссами. В процессе преподавания создавалась собственная грамматическая терминология на родном языке, сопоставлялись

латинские и немецкие парадигмы.

После 1400 г. появился ряд латинских грамматик с их полным переводом на немецкий язык. Итальянский Ренессанс оказал влияние на расшатывание культа латыни. Первая латинская грамматика на немецком языке принадлежит Конраду Бюклину (1473). Она содержит латинский текст "Ars minor", его дословный перевод, а затем пересказ и пояснение на немецком языке.

Известен нижненемецкий трактат о латинских падежах и временах с примерами из двух языков (около 1480). В 1485 г. в Антверпене издаётся руководство по переводу, содержащее сведения по немецкой грамматике в сопоставлении с латинской. Здесь часто подчёркивается немецкая специфика аналитических средств выражения грамматических категорий. Уделяется внимание различиям в значениях падежей и управлении глаголов. Даются указания на различия слабых (с претеритальным суффиксом) и сильных глаголов. Можно говорить об этом руководстве как о первой систематической немецкой грамматике.

В это же время появляются руководства по немецкой орфографии и пунктуации. Немецкая лексикография развивала свои давние традиции, отразившиеся в отдельных глоссах и глоссариях начиная с 8 в. Появляется множество словарей разных типов, чему особенно способствовало изобретение в 15 в. И. Гутенбергом книгопечатания.

Необходимо подчеркнуть некорректность частой квалификации средневековья как эпохи застоя и закатности. На это сейчас вполне справедливо обращают наше внимание многие современные историографы языкознания, ведущие активное изучение многочисленных дошедших до нас текстов раннего и позднего средневековья, в которых затрагиваются те или иные стороны языка и которые свидетельствуют о живой творческой мысли, об активных поисках и важных результатах в области грамматики, лексикографии, теории письма, теории перевода, стилистики.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

Литература: История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985; История лингвистических учений: Позднее Средневековье. СПб., 1991; Звегинцев, В. А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В. М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т. А, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Графика. Графема. Коптское письмо. Готское письмо. Глаголица. Кириллица. Русский алфавит. Армянское письмо. Грузинское письмо. Агванское письмо. Логическое направление в языкознании. Универсальные грамматики. Универсалии языковые).

4.1. Византийское языкознание (4--15 вв.)

Восточная Римская империя и византийская культура в целом сыграли гигантскую, ещё не оценённую в должной степени роль в сохранении и передаче греко-римского философского и научного наследства (в том числе в области философии и теории языка) представителям идеологии и науки Нового времени. Именно византийской культуре Европа обязана достижениям в творческом синтезе языческой античной традиции (по преимуществу в позднеэллинистической форме) и христианского мировоззрения. И остаётся

лишь сожалеть, что в истории языкознания до сих пор уделяется недостаточное внимание вкладу византийских учёных в формирование средневековых лингвистических учений в Европе и на Ближнем Востоке.

При характеристике культуры и науки (в частности языкознания) Византии нужно учитывать специфику государственной, политической, экономической, культурной, религиозной жизни в этой могущественной средиземноморской державе, просуществовавшей более тысячи лет в период непрерывного перекраивания политической карты Европы, появления и исчезновения множества "варварских" государств.

В специфике культурной жизни этого государства отразилась целая череда знаменательных исторических процессов: раннее обособление в составе Римской империи; перенесение в 330 г. столицы Римской империи в Константинополь, ставший задолго до этого ведущим экономическим, культурным и научным центром империи; окончательный распад Римской империи на Западную Римскую и Восточную Римскую в 345 г.; падение в 476 г. Западной Римской империи и утверждение на Западе Европы полного господства "варваров".

Византии удалось надолго сохранить централизованную государственную власть реально над всеми присредиземноморскими территориями в Европе, Северной Африке, Малой Азии и Передней Азии и даже добиться новых территориальных завоеваний. Она более или менее успешно противостояла натиску племён в период "великого переселения народов".

К 4 в. здесь уже утвердилось христианство, официально признанное в 6 в. государственной религией. К этому времени в борьбе с языческими пережитками и многочисленными ересями сложилось православие. Оно стало в 6 в. господствующей в Византии формой христианства.

Духовную атмосферу в Византии определяло длительное соперничество с латинским Западом, приведшее в 1204 г. к официальному разрыву (схизме) греко-кафолической и римско-католической церковью и к полному прекращению отношений между ними. Завоевав Константинополь, крестоносцы создали на значительной части византийской территории устроенную по западному образцу Латинскую империю (Romania), но она просуществовала лишь до 1261 г., когда вновь была восстановлена Византийская империя, так как народные массы не приняли попыток насильственной латинизации государственного управления, культуры и религии.

В культурном отношении византийцы превосходили европейцев. Во многом они долгое время сохраняли позднеантичный уклад жизни. Для них был характерен активный интерес широкого круга людей к проблемам философии, логики, литературы и языка. Византия оказывала мощное культурное воздействие на народы прилегающих стран. И вместе с тем до 11 в. византийцы оберегали свою культуру от иноземных влияний и заимствовали лишь впоследствии достижения арабской медицины, математики и т.п.

В 1453 г. Византийская империя окончательно пала под натиском турок-османов. Начался массовый исход греческих учёных, писателей, художников, философов, религиозных деятелей, богословов в другие страны, в том числе и в Московское государство. Многие из них продолжили свою деятельность в роли профессоров западноевропейских университетов, наставников гуманистов, переводчиков, духовных деятелей и т.п. На долю Византии выпала ответственная историческая миссия по спасению ценностей великой античной цивилизации в период крутых ломок, и эта миссия успешно завершилась их передачей итальянским гуманистам в Предренессансный период.

Особенности византийской науки о языке во многом объясняются сложной языковой ситуацией в империи. Здесь конкурировали друг с другом архаичный по своему характеру аттицистический литературный язык, непринуждённая народно-разговорная речь, продолжающая народный язык общеэллинистической эпохи, и промежуточное литературно-разговорное койне. В государственном управлении и в обиходе византийцы/"ромей" первоначально широко использовали латинский язык, который уступил статус официального греческому лишь в 7 в. Если в эпоху Римской империи имел место симбиоз греческого и латинского языков с перевесом в пользу второго, то в период самостоятельного государственного развития перевес оказался на стороне первого. Со временем сокращалось число лиц, хорошо владеющих латынью, и возникла необходимость в заказах на переводы произведений западных авторов.

Этнический состав населения империи был весьма пёстрым с самого начала и менялся в течение истории государства. Многие из жителей империи были сызначально эллинизированы или романизованы. Византийцам приходилось поддерживать постоянные контакты с носителями самых разнообразных языков - германских, славянских, иранских, армянского, сирийского, а затем и арабского, тюркских и т.д. Многие из них были знакомы с письменным древнееврейским как языком Библии, что не мешало им часто высказывать крайне пуристическое, противоречащее церковным догмам отношение к заимствованиям из него. В 11--12 вв. -- после вторжения и расселения на территории Византии многочисленных славянских племён и до образования ими самостоятельных государств -- Византия была по сути дела греко-славянским государством.

Византийские философы-богословы 2--8 вв. (Ориген, Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Прокл, Максим Исповедник, Симиликий, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Иоанн Златоуст, Леонтий, Иоанн Филомон, Иоанн Дамаскин, из числа которых многие были официально признаны "святыми" и "отцами церкви") наряду с западными представителями патристики принимали активное участие в выработке христианских догматов с привлечением мировоззренческих идей Платона и отчасти Аристотеля, в разработке в рамках христианской системы взглядов стройной философии языка, в подготовке вычленения из философии схоластической логики (вместе с логической грамматикой). Они оказали немалое влияние на представителей современной им и последующей западной философии и науки. К философским проблемам языка обращались и более поздние византийские богословы (Михаил Пселл, Максим Плануд, Григорий Палама).

Показательно (в отличие от латинского Запада) бережное отношение византийской церкви и монастырей к сохранению и переписыванию античных (языческих по своему содержанию) памятников. С этим процессом переписывания был связан переход в 9--10 вв. на минускульное письмо.

Византийская церковь взяла на себя миссию распространения христианства в его православном варианте среди сопредельных народов. При этом передавались не только богословские учения, но и элементы эллинско-византийской культуры в целом, идеи философии языка, риторики, поэтики, стилистики и грамматики. Византия допускала исполнение религиозного культа на родных языках, стимулировала создание собственных письменностей и перевод на свои языки текстов Священного писания (копты, готы, армяне, грузины, болгары, восточные славяне).

Философские и научные (включая лингвистические) знания передавались сирийцам и арабам, формировавшим свои научные традиции в значительной мере на основе греко-

римского наследства. Византийцами были сделаны некоторые наблюдения о сходстве и родстве языков. В их произведениях наблюдаются многочисленные вкрапления слов (особенно имён собственных) на языках аланском, восточнославянском, тюркских.

Хранительницей грамматических знаний, составлявших основу образования, оказалась школа. Она предполагала на начальной ступени приобщение к элементарным навыкам чтения и письма у "грамматиста", затем трёхлетнее обучение у "грамматика", вооружённого пособиями Дионисия Фракийца и Феодосия Александрийского, и, наконец, переход к "ритору" или "софисту". Многие труды, предназначенные для школы, имели преимущественно лингводидактическую направленность.

В условиях перестройки звуковой системы греческого языка (особенно итацизма) довольно последовательно осуществлялась ориентация на жёсткие орфографические и орфоэпические нормы, в разработке которых принимали участие Феодосий Александрийский, Тимофей Газский, Иоанн Харак, Георгий Хировоск, Феогност, Никита Ираклийский, Максим Плануд, Мануил Мосхопул, Иоанн Филопон. В школе обучали также морфологическим, синтаксическим и лексическим нормам; строго преследовали варваризмы (лексические ошибки) и солецизмы (синтаксические ошибки). Известны пособия по грамматическому разбору текста (с опорой на "Каноны" Феодосия Александрийского) Григория Коринфского (Пардоса), известнейшего из византийских грамматиков Георгия Хировоска. В синтаксическом анализе школа ориентировалась на труды Аполлония Дискола и Присциана. Новые синтаксические труды были очень немногочисленны (Михаил Синкел, Никита Ираклийский / Серский, Григорий Коринфский, Феодор Газа). В целях школьного преподавания и толкования текстов авторы пособий обращались и к диалектам (Феодосий Александрийский, Иоанн Филопон, Георгий Хировоск, Григорий Коринфский).

Предпочтение отдавалось в основном пособиям в вопросно-ответной форме (Мосхопул, Мануил Хрисолор, Димитрий Халкокондил, автор особенно известной в Европе печатной эротематической грамматики Константин Ласкарис). На Западе получили известность греко-латинская грамматика Хрисолора, грамматика Феодора Газы.

Бурное развитие испытала византийская лексикография, основанная главным образом на позднеантичных словарях и сводах (Гезихий Александрийский, Фотий, Фома Магистр, Мануил Мосхопул, Андрей Лопадидот, Константин Арменопул). Было положено начало "алфаветизации" материала в словарях. Появлялись этимологические, синонимические, терминологические словари, словари варваризмов.

В Византии наметилось протипоставление филологии и грамматики. Филология сосредоточивала своё внимание на изучении "культурного" аспекта языковых явлений. Она - в отличие от грамматики как "технической" дисциплины - направляла свои усилия на сохранение в чистоте древней книжности, на комментирование изданий античных авторов, а также и на подготовку пособий для чиновников, которые должны были знать образцы римской и эллинской древности, уметь составить грамотные документы. Наиболее известными филологами 12 в. являлись Иоанн Цец, Евстафий Фессалоникийский, Плануд с его учеником Мосхопулом, Фома Магистр и Димитрий Триклиний.

Стилистика занимала внимание византийских учёных как промежуточная между литературоведением и грамматикой область.

Много внимания уделялось риторике, восходящей к идеям античных авторов Гермогена, Менандра Лаодикийского, Афтония и развитой далее византийцами Пселлом и особенно

известным на Западе Георгием Трапезундским. Риторика была положена в основу высшего образования. Её содержание составляли учения о тропах и фигурах речи. Риторика сохраняла свойственную ещё античности ориентацию на говорящего, тогда как филология ориентировалась на воспринимающего художественную речь. Византийский опыт изучения культурной стороны речи в разработке поэтики, стилистики и герменевтики сохранил своё значение в средние века и в наше время.

Значительных успехов византийцы достигли в практике и теории перевода. Они осуществляли переводы западных богословов и философов, активизировав эту деятельность после завоевания Константинополя крестоносцами. Появлялись "греческие Донаты" (греческие подстрочники к латинскому тексту), которые первоначально помогали изучению латинского языка, а потом служили итальянским гуманистам пособиями для изучения греческого языка). Выдающимися переводчиками были византийцы Димитрий Кидонис, Геннадий Схоларий, Плануд, венецианец Яков из Венеции, выходцы из Южной Италии Генрик Аристипп и Леонтий Пилат из Катании.

Позже были созданы оригинальные сочинения на латинском языке византийцами, переселившимися на Запад (кардинал Виссарион, Мануил Хрисолор, Феодор Газа, Георгий Трапезундский, оба Ласкариса). Особенно известен Мануил Хрисолор как учитель знаменитых своими переводами флорентийских гуманистов. Переводы осуществлялись не только с латинского или на латинский, но и с арабского, сирийского, персидского. Переводились и ветхозаветные тексты с древнееврейского.

Языкознание Византии сыграло огромную роль в приспособлении традиции античного языкознания к новым историческим условиям, в её передаче культуре европейского Запада и Востока, особенно же в развитии языковедческой мысли в *Slavia Orthodoxa*.

4.2. Создание собственных систем письма

в восточнохристианском культурном ареале

На греческой основе был создан большой ряд систем письма. Это обуславливалось необходимостью перевода Библии на родные языки в связи с принятием христианства от Византии. Создавались эти системы письма, как правило, в результате индивидуального творчества, предполагающего понимание фонологических особенностей родного языка и сознательный отбор графических приёмов, которыми располагало греческое письмо. С ориентацией на греческий алфавит по существу изобретались собственные алфавиты.

Коптское письмо в Египте было первым из их числа. Оно было создано во 2 в. переводчиками Библии с греческого языка на древнеегипетский в целях пропаганды христианства среди египетского населения. Собственное египетское письмо оказывалось очень сложным и труднодоступным для многих египтян. Опора же на греческий алфавит облегчалась тем, что в Египте им часто пользовались для записи текстов на родном языке ещё в 3 в. до н. э. и особенно широко в период римского владычества. Греческими буквами в 1--5 вв. писались многие магические старокоптские тексты. Поэтому оказалось возможным лишь добавить для отсутствующих в греческом языке фонем некоторые демотические знаки, стилизованные под греческие буквы.

Готы (восточные германцы) приняли христианство (в основном в форме арианства) в 3--4 вв., в период пребывания на Дунае. В итоге они получили своё письмо и перевод Библии на родной язык в середине 4 в. из рук учившегося в Византии епископа Вульфилы. Вульфила использовал в качестве образцов начертания букв греческих, а также латинских и рунических. За буквами он закрепил рунические названия. Для обозначения некоторых

гласных (монофтонгов и дифтонгов) и комбинации ddj как вероятного обозначения среднеязычного смычного согласного он использовал диграфы. Почти у всех из 27 знаков алфавита совмещались буквенная и цифровая значимости. Следует отметить высокую степень фонографичности готского письма (которое не следует путать с готическим письмом, представляющим собой стилизацию латиницы).

Армяне приняли христианство от Византии в 301 г. В связи с этим появилась необходимость иметь богослужебную литературу на родном языке. Армянское письмо было создано около 406 г. Месропом Маштоцем. Оно содержало первоначально 36 простых графем. В 12 в. добавились ещё две графемы. Эта система письма складывалась, по всей вероятности, под влиянием прежде всего принципов греческого письма (направление слева направо, раздельное написание букв, наличие отдельных букв для гласных, совмещение у знаков буквенных и цифровых функций). Возможно, имело также место обращение за образцами начертаний к сирийскому христианскому письму, к одному из вариантов арамейского письма и пехлевийскому курсиву. Армянское письмо в высокой степени фонематично.

Грузины также приняли христианство от Византии. Изобретение грузинского письма, призванного обслуживать религиозный культ, приписывается царю Фарнавазу (4--5 вв.). В первоначальном грузинском алфавите было 37 букв (в том числе и для гласных). Предполагается его арамейская первооснова и последующее влияние греческого письма. Грузинское письмо также характеризуется высокой фонематичностью.

От Византии приняли христианство и славяне. В истории становления славянской письменности на греческой основе выделяются три периода: солунский, моравский и болгарский. Возможно, что славяне использовали до появления своего письма греческий алфавит "без устроения". Многие исследователи приписывают Константину Философу (в крещении Кириллу; 827--869). Около 863 г. была создана глаголица, которая и использовалась для перевода Евангелия с греческого языка на славянский до отъезда во главе православной миссии (куда входил и его старший брат Мефодий; 815--885) в Моравию, которая в 862 (или 863) г. заключила с Византией союз для борьбы с франкской империей и "латинско-франкским" духовенством. Завершена работа по переводу была уже в Моравии. Именно глаголица использовалась в Моравии, впоследствии длительное время в Хорватии и Словении. Знали её и в других славянских землях. Кириллица же была создана продолжателями Константина и Мефодия после их изгнания из Моравии. Она строилась на основе сознательной стилизации и придания большинству её знаков вида греческих букв. Кириллица получила распространение во многих славянских странах и вытеснила глаголицу.

Глаголица предстаёт как совершеннейший продукт индивидуального творчества. В ней находят верное отражение все фонологические особенности солунского диалекта древнеболгарского языка. Все буквы первой половины глаголического алфавита обладали и цифровой значимостью. Создатель следовал принципу сходного начертания знаков для коррелятивных фонем. Он использовал в начертании многих букв крест, треугольник (символ троицы) и круг (символ бесконечности Божества). Ряд знаков имеют свои прототипы в латинском, греческом и еврейском письме.

Кириллица отличается от глаголицы в начертаниях букв, в их количестве и цифровой значимости при общем сходстве принципов, лежащих в основе обеих графических систем. У каждой буквы есть своё название (как правило, "говорящее" -- по образцу букв еврейского, готского и армянского алфавитов). В основном это письмо следует принципу "одна буква --

одна фонема".

В глаголице одна графема могла служить для обозначения двух разных фонем в разных позициях. Признак твёрдости--мягкости согласных передавался написанием после знаков для них простых и йотированных гласных букв. Впоследствии создаётся специальный диакритический значок для передачи мягкости согласных звуков перед передними гласными. Предусматривался способ передачи назальности гласных.

4.3. Формирование и развитие знаний о языке

у южных и западных славян

Константин Философ (Кирилл) и Мефодий были создателями славянской письменности (863) и славянской литургии, творцами первого литературного языка всех славян и первой славянской литературной традиции. Тем самым они способствовали своей деятельностью консолидации и укреплению суверенитета ранних славянских государств. Старославянский (церковно-славянский) благодаря их деятельности превратился в один из трёх языков международного общения в Европе, наряду с греческим и латинским. Его первоначальная близость народно-разговорной славянской речи сделала возможным взаимопонимание между южными, западными и восточными славянами. Он занимал в Восточной Европе такое же положение, как классическая латынь в романском ареале.

Уже в ранней славянской традиции слово осмысливалось в единстве теолого-богословского, культурно-исторического и языковедческого подходов. Проблемы сущности языка решались в русле христианской онтологии и гносеологии, в соответствии со Священным Писанием, под воздействием христианского культа сакрального текста.

Первые произведения Константина Философа и Мефодия были связаны с Великоморавской миссией. К концу 9 в. относится оригинальное стихотворное произведение (на старославянском языке) Константина Философа "Проглас" к Евангелию. В нём слово (язык) понимается как величайшая духовная ценность, отождествляемая отчасти с Христом и его учением. Оно толкуется как мощное средство этического созидания, духовного и эстетического совершенствования. Письменности приписывается способность увеличивать эффективность слова. Автор отстаивает необходимость для понимания слова перевода на родной язык, подчёркивая, что независимость народа невозможна без своей письменности. Обладание своим словом выступает залогом духовного возвышения славян (отсюда славянская мифологема о близости слов слово и славяне, т.е. 'обладатели слова'). В "Житии Константина" пересказываются его аргументы на диспуте с латинскими епископами в Венеции в защиту использования родного языка в богослужении как равного трём священным языкам (еврейскому, греческому и латинскому) и в защиту необходимости для каждого народа иметь свою письменность как орудие развития культуры.

В кирилло-мефодиевскую эпоху начинается развитие теории перевода. В "Македонском кириллическом листке", созданном в в конце 9 -- начале 10 вв. и не имеющем общепризнанной атрибуции, утверждается, что в работе переводчика должен соблюдаться приоритет смысла над выражением, и это свидетельствовало о воздействии на автора глубоких семиотических идей Псевдо-Дионисия Ареопагита. Здесь указывалось, кстати, и на отсутствие стилистической и эмоционально-экспрессивной эквивалентности в сопоставляемых языках.

Славянская лингвистическая мысль начала своё развитие в Болгарии и Сербии. Её пробуждение обязано прежде всего деятельности вполне самостоятельных Охридской и Преславской школ, продолживших кирилло-мефодиевскую традицию в Болгарии при

блестяще образованном царе Симеоне. К числу представителей этих школ относятся Климент Охридский, Константин Преславский, Наум, епископ Марк, архиепископ Феофилакт, Иоанн экзарх Болгарский, загадочный для историков черноризец Храбр. В Охридской школе отстаивались традиции свободного, смыслового перевода. В Преславской же школе к переводчикам предъявлялось требование точного, буквального следования оригиналу во имя борьбы с ересями. Это требование в 13--14 вв. было поддержано Тырновской литературной школой. Работы и идеи этих школ получили распространение во всей Slavia Orthodoxa в силу надэтнического характера письменной славянско-православной культуры, ведущими центрами которой в 10--15 вв. были Болгария и Сербия, а с усилением на Балканах османского ига в 16--17 вв. стали восточнославянские земли.

Черноризцу Храбру принадлежит апология "О писменехъ" (конец 9 или начало 10 в.), Её автор доказывает преимущества глаголического письма перед записью речи греческими буквами "без устройства". Он хорошо знаком с историей греческого письма. Ему принадлежит мысль о естественности различий между языками по своему звуковому строю и письму. На Руси возникали многочисленные подражания духу этого сочинения.

В "Прологе" Иоанна экзарха Болгарского к его переводу (в начале 10 в.) Богословия Иоанна Дамаскина излагается понимание автором перевода как передачи-интерпретации текста. Здесь настоятельно проводится мысль о зависимости слова от контекста.

В начале 10 в. появилась монументальная антология переводов некультовых текстов, созданная по заказу царя Симеона. Она вошла в историю как Изборник Святослава. Этот труд энциклопедичен по своему характеру. В нём есть сведения о тропах и фигурах, словарные материалы, старинные библиографии, определяющие круг разрешённых для чтения книг. В него включено сочинение Георгия Хировоска, ставшее -- благодаря переводу -- древнейшим славянским терминологическим словарём. Этот труд послужил созданию славянских терминов-толкований, не удержавшихся, правда, в последующей традиции.

Южнославянская письменность в 14 в. испытала новый расцвет, так наз. "восточноевропейское Предвозрождение", сопоставимое с ранним итальянским гуманизмом, Предвозрождением. И здесь звучал призыв возвратиться к классике, исходивший в обоих случаях от Византии. Его глашатаями были появившиеся из Византии и в Италии, и в Славии профессиональные учёные и учителя. Они способствовали выработке методов филологической критики текста, выступали за сближение филологических проблем с проблемами этическими, а орфографии -- с ортодоксией.

Представители Тырновской школы (патриарх Евфимий) сыграли заметную роль в борьбе за сохранение в чистоте текстов Писания и преданий, за точность переводов, за правильность и красоту письма, выразительность и действенность слова.

После захвата страны турками болгарские учёные продолжали свою деятельность в Рысавском монастыре в Сербии (Григорий Цамблак, Константин Костенечский, Антоний Рафаил; 14--15 вв.). Здесь разрабатывались риторика и стилистика старославянского языка, общефилологическая концепция текста (митрополит Киприан, Елифаний Премудрый, Пахомий Логофет). Их теория орфографии опиралась на семиотические представления о тесной связи со смыслом букв-звуков. Она осуждала неверные написания как еретические отступления и требовала восстановить утраченные или забытые буквы, ориентируясь на греческую орфографию (Константин Костенечский, "Книга о писменех").

К этому времени (начало 14 в.) относится первый сохранившийся собственно грамматический трактат в переводе на старославянский язык "Осьмь чести слова". В нём

предлагается славянская терминология; описываются славянские части речи и их категории. Трактату присуща теоретическая устремлённость и компактность. Впоследствии были предприняты многочисленные переработки трактата. Нельзя отрицать его влияние на букварь Ивана Фёдорова (1574, типографское издание в 1586 в Вильне). Указанный трактат представляет собой предшественницу первых славянских грамматик.

Своими путями шло развитие языкознания в Чехии и Польше. У западных славян после изгнания учеников Кирилла и Мефодия из Моравии и Паннонии утвердилась латинская литургия, а вместе с ней и латиноязычная книжно-письменная культура. Продолжение славянской традиции наблюдалось некоторое время лишь в отдельных областях Чехии, о чём может свидетельствовать частичное сохранение чешской и польской церковной терминологии славянского происхождения.

В *Slavia Latina* в качестве языков просвещения и культуры долгое время одновременно использовались латынь и народный язык. Складывалось двуязычие латинско-чешское и латинско-польское, а также -- в некоторые периоды истории Чехии и Польши -- двуязычие чешско-немецкое и польско-немецкое (в отличие от диглоссии, которая имела место у южных и восточных славян, которым старославянский генетически был близок и понятен).

Гуманистическое Возрождение и церковное движение Реформации способствовали этнической консолидации и укреплению западнославянских государств и усилению позиций родных языков. Но их обработка и совершенствование в основном осуществлялись под влиянием латинских грамматических, стилистических и риторических традиций.

При Карле -- чешском короле, ставшем одновременно и германским императором, Чехия достигла наивысшего могущества и авторитета. В Праге был создан "латинский" Карлов университет и возник ещё ряд университетов в стране. Был заложен Эмаузский монастырь, ставший влиятельным славянским культурным центром, где возобновилась славянская литургия.

Испытала расцвет чешская лексикография. Её достижения весьма многосторонни. Это чешские глоссы в латинских текстах Евангелий на рубеже 10--11 вв.; глоссы во многих других текстах самых разных авторов -- как христианских религиозных, так и римских классиков; глоссы в латинских словарях; экзегетические словари-комментарии к латинским библейским текстам (14 в.); стихотворные тематические (идеографические) лексиконы магистра Кларета; еврейско-чешский словарь (15 в.); латинско-немецко-чешские словари (15 в.); еврейско-немецко-латинско-чешский словарь (15 в.). С накоплением чешского материала в 16 в. началось лексикографическое описание чешского языка.

Активно разрабатывалась концепция литературного языка (14--15 вв.), отражая новые общественные потребности: расширение в Чехии письменной коммуникации на родном языке; появление духовной и светской поэзии, а затем и прозы; превращение чешского языка в язык администрации, права, суда, а также во всё большей степени и религии. Началось формирование литературного языка на народной основе. Были услышаны призывы Яна Гуса к культивированию совершенного языка, к его сближению с народным языком, к отходу от обветшалых форм и слов, к "чехизации" языка и изгнанию немецких заимствований, к соблюдению чистоты произносительных норм.

Сочинение Яна Гуса по теории перевода, связанное с подготовкой новой (предреформационной) редакции Чешской Библии, было первым в чешской традиции. Выступления гуситов серьёзно влияли на формирование языковых идеалов в чешской культуре.

В латинском трактате 1406 г. об орфографии даётся проницательный анализ фонологической системы чешского языка и предлагаются очень продуманные изменения в графике. Но реализованы предложенные в нём принципы были намного позднее, лишь в 16 в.

Большое внимание уделяется риторике. В трактате Прокопа (1390--1482) отстаивается её широкое понимание. Даются образцы самых разных текстов на латинском и чешском языках; вводятся чешские термины; проводится различие трёх родов или (стилей) речи. Автор опирается на античные руководства и ориентируется на народную языковую практику.

Всесторонне изучались греческий и латинский языки, знание которых включалось в обязательные атрибуты высокой гуманистической образованности. В преподавании латыни по-прежнему использовались руководства Доната, Присциана и Александра Вилладейского. Чешские гуманисты обращались к классической "золотой" латыни, противопоставляя её средневековой латыни как "кухонной". Предпринимались переводы классических текстов.

Гуситское движение и ранний чешский гуманизм были главными факторами, повлиявшими на серьёзные достижения 16 в., а именно появление Намештской грамматики (1533), грамматики Яна Благослава (1568), многоязычных словарей с многотысячными массивами чешской лексики (1513, 1537, 1546).

Медленнее шло объединение польских земель, прерываемое отделением некоторых территорий и распадом на уделы. В 1394 г. создаётся университет в Кракове. Лишь постепенно укрепляются позиции народных языков в их конфронтации латыни, а также немецкому языку (в силу постоянной немецкой экспансии). Но развитие лингвистической мысли в Польше в общем шло в том же направлении, что и в Чехии.

На первом плане оказалась лексикография. Словари оказывались одним из ведущих жанров рукописной книжности. В них включалось множество энциклопедических сведений. На начальном этапе наблюдалось глоссирование латинских текстов Писания, затем проповедей и других религиозных текстов, а впоследствии и светских текстов. Затем стали появляться крупные своды глосс. Позднее стали создаваться латинско-польские словари на основе латинских толковых словарей; терминологические и тематические словари; алфавитные толковые словари глосс, свидетельствующие о наличии в 14--15 вв. церковной проповеди на польском языке.

Наибольшей известностью пользовались Тридентский словарь, лексикон "Vocabulista", словарь Юлиана из Крухова, польско-латинский словарик Александра Пястовича Мазовецкого и др., свидетельствующие о единстве польской лексикографической традиции. Словари и послужили основой для формирования терминологии в разных областях знания, для риторических руководств.

Большую роль в выработке языковых норм играли переводы на польский язык религиозных и светских текстов. Польский язык всё активнее внедрялся в официальную жизнь.

Польской орфографии был посвящён трактат Якоба Паркоша (около 1440). В нём обсуждались принципы передачи польских фонем на письме (с использованием приёма минимальных пар как инструмента для их выявления). Проблемы орфографии обсуждались в сочинении Станислава Заборовского. К этому трактату было дано обстоятельное теоретическое введение неизвестного автора, свидетельствующее о хорошем знании лингвофилософских концепций Платона и Аристотеля, а также истории еврейской,

греческой и латинской письменностей. Автор введения защищал права перевода на родной язык религиозных, деловых и юридических текстов и ведения на нём же исторических хроник.

Активная работа велась и по латинскому языку как основному языку церкви, государства, науки, образования. Появлялись многочисленные трактаты о латинском языке, дополненные польскими глоссами. Создавались польские списки Доната и комментарии к нему. Писались руководства по латинской метрике, просодии, практической риторике. Польские учёные хорошо знали достижения спекулятивной грамматики модистов.

Классическая эрудиция культивировалась в Польше. В эпоху предгуманизма (14 в.) возрос интерес к римским классикам. Об этом свидетельствует и поворот к гуманистической филологии в Краковском университете (вторая четверть 15 в.): здесь активно читались и комментировались античные авторы; возрождались классическая латынь. Предъявлялось требование знать грамматику классической, "очищенной" итальянскими гуманистами латыни. Их издание в Польше в 16 в. становится довольно частым. Всё это играло свою роль в подготовке будущего расцвета гуманистической филологии в Польше 16 в. Работы в области грамматики латинского языка способствовали лучшему осознанию особенностей народного языка и возникновению в 16 в. первых грамматик польского языка.

4. 4. Формирование и развитие знаний о языке в средневековой Руси

На Руси языкознание формировалось в условиях старославянско-древнерусской диглоссии. Первыми его шагами были опыты глоссирования, которое и в других странах выступало как универсальная предпосылка лексической семантики. Глоссы в рукописных книгах 11--13 вв. представляли собой или переводы отдельных, остававшихся непонятными слов, или толкования иноязычных терминов и описания понятий, или комментарии и этимологические справки по поводу упоминаемых в тексте антропонимов и топонимов, или новые слова взамен уже устаревших, или разъяснения смысловых и стилистических расхождений в лексике двух контактирующих родственных языков. В процессе глоссирования шёл активный поиск древнерусской лексической нормы.

На следующем этапе появились списки перечней глосс, глоссарии в виде перечней собственных имён (ономастиконы), перечней символов и их толкований (приточники) или же перечней славяно-русских лексических соотношений (с 13 в.). Появляются и тематически организованные словари-разговорники (15--16 вв.). Разговорник-справочник "Речь тонкословия греческаго" был одним из таких непревзойдённых памятников жанра разговорников.

В 14--15 вв. складываются русский и украинско-белорусский (в двух вариантах -- южном и северном) литературные языки рядом с продолжавшим функционировать старославянским языком. В 15--16 вв. глоссировка текстов становится ещё более активной. В этот период происходит становление самостоятельного словарного дела трёх отдельных народов.

В теории перевода в 9--15 вв. друг друга последовательно сменяют три концепции: а) "открытая", культурно-историческая теория (9 в.), настаивающая на переводе "силы и разума" речи, опирающаяся на первоучителя славянства Кирилла; б) вольный перевод (12--13 вв.); в) буквальный перевод, т.е. перевод "от слова до слова", осуществлявшийся выходцами из Болгарии и Сербии Киприаном, Григорием Цамблаком, Пахомием Сербом (14--15 вв.).

Активно ведётся и переводческая деятельность. Попом Вениамином (1493) были переведены несколько библейских книг. В 1499 г. появляется Геннадиевская Библия. Своё название она получила от инициатора её создания новгородского архиепископа Геннадия, окружение которого вело борьбу с московскими и новгородскими еретиками. Это был первый в славянских странах перевод всех книг Ветхого и Нового завета. В середине 16 в. появляется сборник книг Ветхого завета. Новый этап в развитии теории перевода как деятельности по критике текста и отработке русских литературных -- прежде всего грамматических -- норм был связан с именем Максима Грека (16 в.).

Создаются многочисленные восточнославянские списки переводов грамматики Иоанна Дамаскина, книги Константина Философа "О писменехъ", "Жития" Кирилла и Мефодия, сочинений черноризца Храбра и Георгия Хировоска. Их содержание активно усваивается и перерабатывается. Воздействие идей болгарских Тырновской и Ресавской школ расценивается сегодня как "второе южнославянское влияние".

В 16 в. (со становлением национальной государственности) появляются переводные грамматики и словари, которые фиксируют нормы церковнославянского языка, всё больше отличающегося от народно-разговорного языка. На базе грамматики "О осмихъ частехъ слова" в 14--16 вв. формируются самостоятельные грамматические идеи как составляющая общего процесса идеологического, политического и культурного развития в эпоху становления и расцвета Московского государства.

В эту эпоху по-прежнему сохраняется линия на центральное положение слова в грамматике (сосредоточенной на конкретных фактах), в диалектике (опирающейся на дихотомический принцип классификации, т.е. на бинарные оппозиции, и подводящей к компонентному анализу) и в богословии (оперирующей тернарным принципом классификации).

Дихотомический принцип классификации реализуется в сочинениях новгородско-псковских еретиков, бывших под влиянием псковских стригольников, западноевропейских реформаторов и южнославянских богомилов ("Лаодикийское послание" дьяка Фёдора Курицына, 15 в.). Появляются грамматические таблицы, в которых даются некоторые грамматические, графические, лексические и фонетические сведения. Активно проповедуются идеи демократизации литературного языка и устранения церковнославянского языка.

Еретиками в 1483 г. осуществляется перевод "Логики" Маймонида, призывающей к свободному развитию науки. Осуществляется перевод латинских грамматик, начиная с руководства Доната. Попутно заимствуется иная грамматическая терминология. Строится система вывода (порождения) частей речи как неравноценных звеньев предложения, утверждается главенство глагола в предложении и т.п. (ряд серьёзных новаций содержится в трудах Дмитрия Герасимова). Но заимствование идей иной, романско-католической культуры ("латынщины") вызывает отрицательную реакцию церковных деятелей.

Итогом является расправа над еретиками после 1503 г. Уничтожаются многие их (прогрессивные по тому времени) произведения. Восстанавливается ориентация на нормы церковнославянского текста (вплоть до раскола 1663), что приводит к задержке формирования национального литературного языка и разработки системы строгого лингвистического знания.

И если труды Максима Грека (около 1475--1566) в области лексикологии и лексикографии, теории перевода и экзегетики были весьма значительными, то его

грамматические сочинения серьёзно им уступали по своему уровню. В них автор проповедовал возврат от звука к букве, от живой речи к искусственной.

Завершение синтеза греческой и латинской традиций произошло в более позднее время. В то время как Лаврентий Зизаний ориентировался на греческую традицию, Мелетий Смотрицкий опирался в основном на латинскую традицию (но с оглядкой на греческую), используя метод бинарного разбиения, достаточно смело вводя новую терминологию и давая более строгие грамматические определения морфологических категорий.

Большую роль сыграло изобретение книгопечатания. Первые печатные русские грамматики противостояли всей предшествующей грамматической литературе. Книгопечатание способствовало последовательной систематизации грамматических знаний. Оно обусловило появление череды новаторских книг, среди которых были первая русская азбука Ивана Фёдорова (1574), славянская грамматика вместе с текстом Острожской библии (1856), перевод грамматики греческого языка, написанной с учётом западной традиции (1588--1591), грамматика современного "русско-славянского" языка Лаврентия Зизания (1596) и в особенности славянская грамматика Мелетия Смотрицкого (1619), впитавшая в себя все грамматические достижения предшественников, определившая в дальнейшем развитие грамматических знаний в России и сохранявшая авторитет до появления грамматики М.В. Ломоносова.

Труду М. Смотрицкого свойственна синхроническая и нормализаторская направленность. В качестве образца он берёт греческую грамматику Ласкариса. Приводятся многочисленные иллюстрации из новых церковнославянских изданий, приводятся вариантные народно-разговорные формы. Теоретическому осмыслению подвергаются проблемы глубокой противоположности мёртвого старославянского и живых восточнославянских языков и перераспределения между ними социальных функций. Смотрицкий намечает подступы к построению целостной системы восточнославянского литературного языка. Он преодолевает синкретизм предшествующих представлений о языке, в которых не проводилась граница между точками зрения лексической, грамматической, стилистической и экзегетической. В грамматике М. Смотрицкого получает завершение средневековое развитие восточнославянской лингвистической мысли. Его труд был вершиной достижений русской лингвистической мысли в тех условиях, когда из-за противодействия церковных и светских властей, а также сопротивления старообрядцев не могло состояться "русское Предвозрождение".

На развитие грамматического знания в этот период влиял ряд факторов, к числу которых относятся: знакомство с книгой мастера / магистра Александра (примыкающей в рукописях к грамматике Доната) о правилах сочетания слов в предложении; появление других переводных сочинений, особенно о принципах бинарной классификации предложений; ознакомление с новейшими западноевропейскими работами по диалектике, логике, риторике, поэтике и богословию с изложением новых принципов классификации; переосмысление знаний о языке в ходе составления разных азбуковников как своеобразных конспектов для последующих грамматических сочинений.

Первоначально русские лингвистические термины были очень расплывчаты. Лишь постепенно формируется своя терминологическая система. При этом используются словообразовательные ресурсы родного языка и строго отбираются возникшие при переводах разных текстов дублиеты. Утверждается стремление к ясности терминов к более строгим определениям. К началу 18 в. складываются все условия для создания

синтетического труда по русской грамматике и предпосылки для развития общелингвистических идей.

4.5. Формирование лингвистической мысли в Армении

Становление и развитие языкознания в Армении и Грузии проходило в сходных исторических условиях.

Армянский этнос формировался в контексте тесного взаимодействия культур Хеттского царства, Урарту, эллинистической Греции, Рима и Византии, Ассирии, Персии, Арабского халифата и т.д. В развитии его культуры существенную роль играла греческая культура классического и эллинистического периодов. Армяне были знакомы с древнегреческой философией языка и риторикой ещё до признания в 301 г. христианства официальной религией и до создания в самом начале 5 в. Месропом Маштоцем (361--440) собственной армянской письменности на основе греческого и сирийского письма. Знание греческого языка в Армении считалось признаком образованности. Во второй половине 5 в. был переведён грамматический труд Дионисия Фракийца в целях обучения греческому языку. Его толкование положило начало формированию своей языковедческой терминологии и собственных языковедческих взглядов.

В Армении критически осваивались лингвофилософские взгляды Платона и Аристотеля. Большинство армянских мыслителей приняли аристотелевскую позицию в споре об отношении имён к вещам (*synteke, thesei*). Своеобразную позицию занимал Езник Кохбацци (5 в.): он видел в одинаковых свойствах вещей основу для одинаковых названий. Давид Непобедимый (5 в.), Симеон Джугаецци (17 в.) поддерживали рассуждения Аристотеля. Поддерживались многими также взгляды Аристотеля в споре о природе общего: так, Давид Непобедимый: утверждал существование общего в "множестве". И вопрос о первичности имени собственного по отношению к нарицательному в основном также решался по Аристотелю: Давид Грамматик (5 в.), Вардан Аревецци (13 в.).

В вопросе о происхождении человеческого языка и многообразии языков высказывалось согласие с Библией и библейскими легендами: великим природным явлениям названия даёт сам Бог, а живым существам первочеловек -- Адам. Всё больше росло стремление видеть творца языка в человеке (Агафангелос, 5 в.; особенно мыслители армянского Возрождения, среди них прежде всего Ованес Ерзикаци, 1250?--1326). Противоположных взглядов на происхождение языка придерживался Григор Татеваци (1346--1410).

Многообразие языков объяснялось на основе легенды о вавилонском столпотворении: Агафангелос, Егише (5 в.), Вардан Аревецци, Ованес Ерзикаци, Григор Татеваци. Еврейский язык признавался древнейшим. утверждалась близость к нему языков халдейского, сирийского, арабского. В 18 -- начале 19 вв. делались попытки доказать первородность армянского языка (Г. Инчинян).

Армянские учёные проявляли интерес к языкам окружающих народов. Ими были записаны многие монгольские слова (Киракос Гандзакецци, 13 в.). В трудах приводились греческий, латинский, грузинский, кавказско-албанский / агванский, коптский, арабский алфавиты, а также давались образцы молитв на греческом, сирийском, грузинском, персидском, арабском, курдском, турецком языках (рукопись 15 в.).

Езнику Кохбацци принадлежит первая попытка выделить диалекты армянского языка. Систематически к вопросу об армянских диалектах обращаются авторы переводов и толкований труда Дионисия Фракийца. Признаётся изменчивость языка, но она квалифицируется как искажение, отход от первоначальной правильности: Степанос Сюнеци

(8 в.), Ованес Ерзикаци. Множатся выступления в защиту разговорного языка: Вардан Аревелци (13 в.), Захарий Мартиросян (18 в.). Х. Абовян (19 в.) начинает борьбу за право ашхарабара быть единственным литературным языком и за вытеснение грабара.

Разработка этимологии ведётся многими толкователями перевода "Грамматического искусства" Дионисия Фракийца. Особенно заметен вклад Давида Грамматика в классификацию принципов этимологии. В этимологии учитываются артикуляторная классификация звуков и материал других языков (Григор Магистрос и толкователи его трудов; 11 --15 вв.). В русле этимологии развивается теории заимствований: Григор Магистрос, Вардан Аревецели, Ованес Ерзикаци. Сопоставлению подвергаются генетически родственные (первоначальные) слова и даже формы слов армянского и латинского, они отграничиваются от заимствований из сирийского, пехлевийского, турецкого и т.п. Это означает, что армянские мыслители уже на рубеже 17--18 вв. работают на подступах к сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию (Мхитар Себастици, 1676--1749).

Развитие грамматики в Армении опирается на учёт своеобразия родного языка. Уже в текст перевода труда Дионисия вносятся соответствующие изменения (введение артикуляторного принципа классификации греческих и армянских согласных, добавление творительного падежа для армянского языка, добавление большого ряда новых групп к семантической классификации наречий, иная классификация спряжений). Первый перевод ещё был полон грецизмов.

Но постепенно нарастает критичность по отношению к первым толкователям оригинала -- Давиду-толкователю, Давиду Непобедимому, Мовсесу, Анониму. Формулируется требование понимать грамматику не как эмпирию, а как искусство, не отрывать грамматику от логики и философии, усиливать в ней рационалистическое начало, различать буквы и звуки, отдавать предпочтение в классификации частей речи семантическим критериям. Высказывается осторожное отношение к разделам о двойственном числе, грамматическом роде, т.е. к разделам об отсутствующих в армянском языке явлениях. Аноним обращает внимание на необходимость различать склонения на гласный и на согласный, более точно разграничивать глаголы по залогу.

Степаноц Сюнеци (ум. в 731) даёт толкование (с позиций богословия) грамматического сочинения Мовсеса и перевода грамматики Дионисия. Он ставит вопросы об опоре грамматики на литературу как первоисточник материала, о роли грамматики в решении вопросов правописания и орфоэпии, в создании новых поэтических творений, в критике литературных текстов. Он считает необходимым учёт в классификации слов их функций в предложении и отстаивает вербоцентрический подход. В число местоимений он включает и указательные. Грамматический труд Амама Аревелци (9 в.) является по преимуществу богословским, свидетельствуя об упадке грамматики в связи с общим упадком культуры во время нашествия арабов.

Интерес к философии и грамматике возрождается в 11 в., после политической и экономической стабилизации в период царствования Багратидов. Свидетельством этой эпохи является грамматический труд Григора Магистроса, включивший -наряду с авторскими наблюдениями -- компиляцию идей всех предшествующих армянских грамматиков, а также идеи античных авторов и представителей достигшей высокого уровня арабской науки. Он видит задачи грамматики в том, что она, будучи как искусство по познавательной ценности ниже философии, должна исправлять язык, учить говорить правильно и строить по "известным образцам" письменные произведения, открывая доступ к философии. Автор утверждает, что необходимо знать языки, с которыми армянский входит в соприкосновение, и протестует против произвольного этимологизирования. Он высказывает интерес к путям заимствования слов. Им подчёркиваются различия между языками в выборе лексических или грамматических средств, в использовании способов выражения одних и тех же грамматических значений. При этом недостатком того или иного языка не признаётся отсутствие в нём присущих другому языку показателей грамматических значений.

В 11 в. создаётся Киликийское армянское царство. В 12--13 вв. наступает новый расцвет армянской культуры, совершенствуется грамматическое искусство, грамматика выступает как опора для "искусства писания". Осуществляется первая орфографическая реформа. Появляются первые памятники на народно-разговорном языке.

Вардану (1200/1210--1269/1271) принадлежат два грамматических труда на разговорном языке. Он освобождает грамматику от всего побочного. Характеристика частей речи даётся на функциональной основе. Всячески подчёркивается познавательное значение грамматики, проникающей в сущность явлений. Предложение у него отождествляется с суждением, а члены предложения -- с членами суждения.

Вершиной "грамматического искусства" является произведение-компиляция Ованеса Ерзнкаци (1250--1326). Он опирается на Давида и Вардана и оценивает грамматику как искусство разума, имеющего источником видоимое и чувственное. Им строго различаются буквы и звуки. Утверждается приоритет имени как слова, обозначающего существование. Приводятся таблицы спряжения с примерами из древнеармянского и среднеармянского разговорного.

В 14--16 вв. грамматическая мысль ориентируется и на армянские, и на латинские грамматики, наблюдается синтез этих двух подходов (Ованес Крнеци); высказываются сомнения в правоте Дионисия и призывы следовать принципам Давида Непобедимого и грамматической концепции Иоанна. Утверждается нормализаторская функция грамматики, чувствуется непредвзятый подход к языку (Ованес Цорцорени, Есаи Ничеци).

Некоторые учёные встают на защиту авторитета Дионисия. В их работах отстаиваются приём изложения основ грамматики в вопросно-ответной форме катехизиса, изучение

физиологических основ речеобразования. Они уточняют классификацию типов склонения, ограничивают грамматическое описание только частями речи, различают речь внутреннюю, устную и письменную (Аракел Сюнеци, Давид Зейтунци).

В 17 в. растёт влияние латинских грамматик., связанное со стремлением Рима распространить своё влияние на Армению. Появляются латинизированные грамматики армянского языка, проводящие принципы логицизма и рационализма. Вместе с тем наблюдается более глубокое проникновение их авторов в особенности строя языка. Синтаксис выделяется в качестве самостоятельного раздела. К этому периоду относятся иностранные грамматики армянского языка: Франциск / Франческо Ривола (1624), Клемент Галанус (1624, изд. в 1945).

В новых армянских грамматиках синтезируются традиционные принципы толкования Дионисия и новейшие принципы латинизированных грамматик. Так строят свои труды: Симеон Джугаеци (1637, изд. в 1725), опирающийся на принцип противопоставления парадигматики / языка и синтагматики / речи: Ованес Джугаеци / Мркуз (1693, изд. в 1711); Хачатур Карнеци / Эрзрумци (1666--1740). Под воздействием западноевропейской мысли создаются рационалистические латинизированные грамматики (60-е--70-е гг. 17 в.): Воскан Ереванци, Ованес Олов / Ованес Акоп Констандиуполсеци.

В 18 в. наблюдается отход от принципов латинизации: Иоанн Иоахим Шредер (1680--1756), Мхитар Себастаци (1676--1749), Багдасар Дпир (две грамматики -пространная, в двух томах, и краткая; изд. в 1736). В 1799 г. появляется свободная от латинизмов и рационалистических нововведений грамматика древнеармянского языка (грабара) Микаела Чамчяна. Он даёт грамматические описания восточной и западной разновидностей раннего новоармянского литературного языка -- ашхарабара (1711 и 1727).

В средневековой Армении большое внимание уделялось "искусству писания", имеющему целью учить составлению, переписке и оформлению рукописей. Выдвигаются требования реформы орфографии и пунктуации.

Что касается словарной работы, то в 5--7 вв. появляется множество глосс и небольших глоссариев, а с конца 7 в. -- словари с алфавитным расположением слов. Бурный расцвет армянская лексикография узнаёт с конца 10 в. (толковые словари, словари диалектных и народно-разговорных слов, словари языка поэтов, орфографические словари, словари терминов, словари синонимов, словари заимствований, многоязычные словари). Печатные издания переводных и толковых словарей появляются в 17--18 вв. В конце 18 в. выходят первые двуязычные армянско-русские и русско-армянские словари.

4.6. Развитие лингвистической мысли в Грузии

Точно так же, как Армения, Грузия рано приняла христианство от Византии. Уже во второй половине 4 в. здесь осуществлялся перевод на грузинский язык канонических богословских книг. Специальные трактаты о языковых проблемах, решавшихся в то время, появились значительно позже. Специальный интерес к языку пробудился лишь в 10 в. Об этом свидетельствует включение в памятник 10 в. -- "Шатбердский сборник" -- фрагмента комментария Диомеда (4 в.) к грамматике Дионисия Фракийца (о греческом алфавите).

В это время складывается грузинский литературный язык. Грузинская лингвистическая мысль испытывает в 10--12 вв. сильное влияние византийской науки о языке. Работы Гиорги Мцире (11 в.), Ефрема Мцире и Иоанна Петрици (12 в.) показывают, что эти учёные хорошо знают грамматические труды Дионисия и его комментаторов, а также философские сочинения Платона, Аристотеля, Прокла Диадоха, Василия Кесарийского и др.

Заново переводятся религиозные тексты, но теперь уже на среднегрузинский язык, более близкий разговорному языку. Осуществляется перевод ряда грамматических трактатов византийцев, в процессе которого происходит освоение греко-латинской грамматической терминологии и создаются грузинские корреляты. Основной традицией терминоведения становится калькирование греческих терминов (Евфимий Афонский, 10 в.). К числу задач грамматики оказываются отнесены: объяснение поэтических тропов, толкование трудных и непонятных слов, оценка произведений поэтов и историков и т.п.

Ефрем Мцире (конец 11 в.) создаёт толковый словарь для слов из Псалтыря, организованный по алфавитному принципу. Он же переводит "Диалектику" Иоанна Дамаскина, что потребовало создания ряда новых терминов. Ему принадлежит трактат о греческом артикле, включавший сопоставления греческого и грузинского языков и вводящий ряд терминов, которые сохранились в грузинской науке до наших дней.

Большое значение имели труды Иоанна Петрици по вопросам просодики, пунктуации и орфографии, особенно его "Послесловие" к переводу Прокла Диадоха. Значительны заслуги Иоанна Петрици в обновлении грузинского языка и создании грамматической терминологии на родном языке. В 1210 г. появляется грузинский перевод словаря имён собственных Кирилла Александрийского.

Татаро-монгольское нашествие в 13 в. привело к гибели многих культурных ценностей и к долгому перерыву в созидательной деятельности на ряд столетий. Новый подъём грузинской лингвистической мысли начался лишь в 17--18 вв., в период деятельности итальянских миссионеров в Грузии. Эти миссионеры создали ряд грузинско-итальянских и итальянско-грузинских словарей, включив в них много информации о грузинском словоизменении и словообразовании. В этот период появляются грамматические трактаты и пособия по грузинскому языку. Грузинский язык начинает преподаваться (наряду с латинским и греческим) католическими миссионерами в ими же открытых школах.

В 17--18 вв. грузинские учёные знакомятся с армянскими и русскими грамматическими трудами, основные принципы которых формировались на греко-латинской научной основе. В русле названных традиций Сулханом-Саба Орбелиани и другими исследователями издаются толковый словарь и грамматика грузинского языка.

Глава 5

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ 16--18 вв.

Литература: История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985; История лингвистических учений: Позднее Средневековье. СПб., 1991; Звегинцев, В. А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В. М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т. А., Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов Н. А. , История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Графика. Графема. Коптское письмо. Готское письмо. Глаголица. Кириллица. Русский алфавит. Армянское письмо. Грузинское письмо. Агванское письмо. Логическое направление в языкознании. Универсальные грамматики. Универсалии языковые).

Уже в конце Средневековья в экономических, социальных, политических и духовных условиях жизни европейского общества начали происходить коренные сдвиги, занявшие ряд последующих столетий. Они были обусловлены борьбой старого (феодального) и нового

(капиталистического) хозяйственных укладов. Шёл интенсивный процесс формирования наций и консолидации государств, нарастали противоречия между строгими церковными догматами и новым свободолобивым мировосприятием, ширились народные движения за реформу церкви. Заново открывались и переосмысливались ценности античного мира.

Деятели истории, литературы, искусства, философии, науки стали переходить от *studia divina* к *studia humaniora*, к идеологии гуманизма (в эпоху Возрождения), а затем рационализма (в эпоху Просвещения), на смену которому пришёл иррациональный романтизм. Было изобретено книгопечатание. Совершались великие географические открытия в разных странах света.

Существенно расширился круг задач, вставших перед языковедами 16--18 вв. Изучения и описания требовало огромное множество конкретных языков -- как мёртвых (в продолжение традиции, унаследованной от средневековья), так и живых. Объектами исследования оказывались языки как своего народа, так и других народов Европы, а также языки народов экзотических стран; языки письменно-литературные и народно-разговорные. Росла потребность в создании грамматик отдельных языков, эмпирических по методу и нормализаторских по целям, и универсальных грамматик, т. е. грамматик Человеческого языка вообще, являющихся по своему характеру теоретическими, дедуктивными.

За латинским языком в Западной Европе ещё некоторое время сохранялись основные позиции в науке, образовании, богослужении. Но вместе с тем усиливались позиции родных языков. Они приобретали новые социальные функции и более высокий статус. Рядом с мёртвыми литературными языками (латинским на Западе и старославянским на Востоке) складывались собственные литературные языки. В 1304--1307 гг. Данте Алигьери (1265--1321) публикует на латинском языке свой трактат "О народной речи", в котором указывает на "природный", "естественный", "благородный" характер своего языка и "искусственность" латинского языка.

Появляются многочисленные описания родных языков: П. Рамус / Раме (1515--1572) пишет не только грамматики греческого и латинского языков, но и французскую грамматику (1562). Его ученик Я. Аарус (1538--1586) создаёт первое фонетическое описание французского языка. Джон Уоллис (1616--1703) публикует в 1653 г. грамматику английского языка. Юстусу Георгу Шоттелю (1612--1676) принадлежит первая полная немецкая грамматика; вслед за ним продолжают традицию создания грамматик немецкого языка Иоганн Кристоф Готтшед (1700--1766) и Иоганн Кристоф Аделунг (1732--1806).

Появляются и славяно-русские грамматики. Лаврентий Зизаний издаёт в 1596 г. в Вильно первую печатную славянскую грамматику; М. Смотрицкий публикует в 1619 г. свою славянскую грамматику. Первую русскую грамматику на латинском языке пишет английский исследователь Генрих Вильгельм Лудольф (1666). Автором первой собственно русской грамматики на русском языке является В.Е. Адогуров (1731).

Основы русской научной и нормативной грамматики заложил М.В. Ломоносов (1711--1765). В своём фундаментальном труде, написанном в 1755 г. и опубликованном в 1757 г., он выделяет восемь частей речи, рассматривает вопросы фонетики и орфоэпии, защищает нормативный статус московского аканья, отстаивает морфологический принцип в орфографии, даёт описание словообразования, рассматривает словоизменение имён и глаголов, описывает служебные слова, обсуждает вопросы синтаксиса. Ломоносовскую традицию продолжили Н.Г. Курганов (1769) и А.А. Барсов (1773).

Появляются грамматики западнославянских языков. Среди их создателей Пётр

Статориус-Стойенский, автор первой (написанной на латыни и изданной в 1568) грамматики польского языка; О. Копчинский, создатель польской грамматики в русле идей рационализма; Лаврентий-Бенедикт Недожерский, автор первой оригинальной грамматики чешского языка (1603); Павел Долежал, опубликовавший (1746) грамматику чешского языка, фиксируя состояние в 18 в. Один из основоположников славянской филологии Йозеф Добровский (1753--1829) осуществляет гигантскую работу по нормализации и регламентации чешского литературного языка.

Возрастает интерес к древним памятникам на родных или близко родственных языках. Так, в 1665 г. Франциск Юний (1589--1677) издаёт готский "Codex Argenteum". Он и ряд его современников возводили германские языки к готскому. Джордж Хикс (1642--1715) ставит вопрос об исторических отношениях германских языков друг к другу. Ламберт тен Кате (1674--1731) формулирует идеи об исторических закономерностях в развитии германских языков и о греко-германских и голландско-верхненемецких звуковых соответствиях. Особенно усиливается интерес к древним памятникам письменности и устной словесности в эпоху романтизма.

В 16--18 вв. закладываются основы научного изучения памятников греческого, латинского, древнееврейского, арамейского, арабского, эфиопского языков. Большой вклад внесли в их исследование Юлий Цезарь / Жюль Сезар Скалигер (1484--1558), его сын Иосиф Юстус / Жозеф Жюст Скалигер (1540--1609), Роберт Стефанус / Р. Этьен (1503--1559), его сын Генрих Стефанус / А. Этьен (1528--1598), Иоганн Рейхлин (1455--1522), Ф. Меланхтон, П. де Алкала, Иоганнес Буксторф Старший (1564--1629), Иоганнес Буксторф Младший, Томас Эрпениус (1584--1624), Иов Лудольф (1624--1704). Возникают классическая и семитская филологии, ассириология.

В этот период происходит бурное накопление эмпирических знаний о языках разных стран света. Возникает необходимость не только их описать, но также решать вопросы о различиях в их строении, об отношениях между ними, о принципах их классификации. Появляются первые созданные европейскими учёными и миссионерами грамматики таких языков, как армянский, турецкий, персидский, китайский, японский, малайский, ацтекский, кечуа и др. При их описании латинская грамматика используется как эталон ("матрица").

В распоряжение языковедов попадают также сведения о корейском языке, о санскрите, о дравидских языках Индии, ряде языков Центральной Африки.

Составляются каталоги языков и многоязычные словари. Первыми в их числе оказываются "Митридат" К. Геснера (1555), "Образчики сорока языков" (1592) Иеронимуса Мегизера (между 1551/55--1616/19). По поручению Российской академии наук Пётр Симонович Паллас (1741-1811) издаёт в 1786--1787 гг. словарь, содержащий эквиваленты русских слов на 200 языках и диалектах Европы и Азии; словарь издания 1791 г. уже содержит слова на 272 языках. Один из критиков этого словаря, Х.И. Краус (1753--1807), уже тогда полагал, что только сходство строя языков, а не сходство слов доказывает родство языков. Лоренсо Эрвас-и-Пандуро (1735--1801) публикует в 1800--1804 гг. каталог, содержащий сведения по лексике и грамматике 307 языков, включая америндийские и австронезийские. Иоганн Кристоф Аделунг (1732--1806) и Иоганн Северин Фатер (1771--1826) издают в 1806--1817 гг. свой труд "Митридат, или Общее языкознание" с краткими замечаниями о 500 языках мира и переводами на эти языки молитвы "Отче наш".

Идея о происхождении языков из одного источника и, соответственно, о родственных связях между ними вообще никогда не была чужда учёным. В прошлом нередко праязыком

считался древнееврейский. Но теперь языковеды имеют дело с огромным корпусом разнообразного эмпирического материала. Поиски генетических связей усложняются. И вместе с тем они активизируются в 16--18 вв. Появляются первые опыты генеалогической классификации языков мира.

Классификации германских языков и доказательству их родства посвящают свои работы Дж. Хикс и Л. тен Кате. И.Ю. Скалигер возводит все европейские языки к 11 основным языкам (ветвям), связи внутри которых опираются, по его мнению, на тождество слов. Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646--1716) фиксирует родство между финским и венгерским, пытается нащупать их связи с тюркскими и монгольскими языками. Он отказывается считать древнееврейский праязыком. Им подчёркивается необходимость сперва изучать современные языки, а потом исследовать прошедшие стадии их развития. Исторические переходы, по его мнению, являются постепенными.

М.В. Ломоносов указывает на родство между славянскими языками, а также между русским, курляндским (латышским), греческим, латинским и немецким, допуская вероятность возникновения родственных языков вследствие распада праязыка. Классификацию современных славянских языков предпринимает И. Добровский.

К 16 в. относится сообщение итальянского купца Ф. Сассати о родственных словах в санскрите и его родном языке. Уильям Джоунз (1746--1794) в своей публикации в 1786 г. заявляет о близком родстве санскрита с греческим и латинским в глагольных корнях и в грамматических формах, о вероятном их происхождении из одного общего источника, об отнесении сюда же готского и кельтского, а также персидского. В это время многие европейские учёные знакомятся с идеями древнеиндийских грамматиков. Идеи о родстве языков, которые привели к созданию сравнительно-исторического языкознания в конце второго десятилетия 19 в., уже витали в воздухе.

Вместе с тем в этот период сопоставление материала разных языков мира привело к идее о том, что между языками мира имеются не только различия, но и сходства в их строении (прежде всего в их морфологическом строе) и что каждый конкретный язык принадлежит к одному из немногочисленных структурных типов. Первым опытом научной типологической классификации языков предпринимает Фридрих фон Шлегель (1772--1829). Он противопоставляет языки флективные, в основном индоевропейские, и нефлективные, аффиксальные, объявляя флективный строй наиболее совершенным. Его брат Август Вильгельм фон Шлегель (1767--1845) выделяет дополнительно языки "без грамматической структуры", иначе аморфные или изолирующие; противопоставляя их как аналитические первым двум типам как синтетическим. В начальный период развития типологии изолирующий (корневой, корнеизолирующий) тип признаётся первым по происхождению, а остальные - возникшими позднее, после возникновения аффиксов из самостоятельных (служебных и знаменательных) слов.

Впоследствии, в 19 в., идеи братьев Шлегелей развиваются в работах В. фон Гумбольдта, А. Шлайхера, Х. Штайнталя, М. Мюллера, Ф. Мистелли, Ф.Н. Финка. Попытки совершенствования классификаций продолжились в 20 в. Начиная с середины 20 в. лингвистическая типология испытала бурный расцвет.

Общеграмматические искания совершаются в русле логики. В 16--18 вв. устанавливается безраздельное господство логицизма в описании языка, начало которому положили античные мыслители и который являлся ведущим началом в занятиях грамматикой в русле схоластики и спекулятивной логики модистов в раннем и позднем Средневековье.

Следование логицизму означало описание языковых явлений в логико-философских терминах, утверждение принципа универсализма, невнимание к конкретным языкам и различиям между ними, игнорирование исторических изменений в языке, допущение имплицитных компонентов в высказывании.

Получила продолжение традиция написания философских, общих, универсальных грамматик: Одним из видных представителей этого направления был Франсиско Санчес (1523--1601). Создаётся ряд универсальных грамматик в духе возобладавшего в 17 в. декартовского рационализма. В 1660 г. в монастыре Пор-Рояль появляется построенная на основе философских принципов прежде всего рационализма (картезианства), а также эмпиризма и сенсуализма знаменитая "Grammaire gйnйrale et raisonnee" Клода Лансло и Антуана Арно (известная под именем Грамматики Пор-Рояля). Впоследствии появлялись многочисленные подражания этой грамматике, следовавшей логицистическим принципам отождествления логических (точнее онтологических) и языковых категорий, поиска в каждом языковом явлении прежде всего логико-философских оснований и остававшейся безразличной к историческому аспекту языковых явлений, к реальному многообразию языков и к эмоционально-психологической стороне речи.

Принципы универсальной грамматики прилагаются к сопоставлению языков и установлению между ними родственных связей. Во Франции на этих позициях стоят С.Ш. Дюмарсе (1769), И. Бозе (1767), Э.Б. де Кондильяк (1775), К. де Габелин. В Англии этого подхода также придерживались многие учёные. Среди них требовавший при сопоставлении языков для установления их родства полагаться на значительные совпадения в грамматическом строе Иов Лудольф; предвосхитивший некоторые положения учения о внутренней форме В. фон Гумбольдта Дж. Харрис (1751); Дж. Битти (1788); утверждавший необходимость для доказательства родства языков учитывать не только сходные слова, но и сходные окончания падежей и т.п. лорд Монбоддо / Дж. Бёрнет; Дж. Пристли. В Германии идеи универсализма в отношении сопоставляемых языков развивал К.Ф. Беккер. В России к числу сторонников универсальной грамматики были И.С. Рижский (1806), И. Орнатовский (1810), Ф.И. Буслаев (1858), В.Г. Белинский с его подражательным и неудачным опытом логической грамматики.

Универсальные грамматики и прежде всего Грамматика Пор-Рояля сыграли большую роль в осмыслении общих законов строения языка. Поиски языковых универсалий были активно продолжены во второй половине 20 в., приведя к возникновению лингвистики универсалий. В целом следует отметить гигантское значение всего логического направления в языкознании в выделении общего языкознания в особую теоретическую дисциплину, способствовавшую процессу консолидации в 19 и особенно в 20 в. разных отраслей языкознания в единую и целостную научную систему.

В 16--18 вв. частым было обращение к существующим рядом с естественными языками коммуникативным системам: Фрэнсис Бэкон (1561--1626) подчёркивал неединственность языка как средства человеческого общения. Г.В. Лейбницем был выдвинут проект создания искусственного международного языка на логико-математической основе.

О живучести этой идеи свидетельствует создание в 17--20 вв. около 1000 проектов искусственных языков как на априорной, так и на апостериорной основе (т.е. либо независимо от конкретных языков, либо с использованием их материала), из которых признание получили очень немногие: волапюк, разработанный в 1879 г. Йоганном Мартином Шлейером (1842--1912); эсперанто, созданный в 1887 г. Людвиком Лазарем

Заменгофом (1859--1917); продолжающий в виде модификации эсперанто идо, предложенный в 1907 г. Л. Бофроном; латино-сине-флексионе, созданный в 1903 г. математиком Пеано; окциденталь, предложенный в 1921--1922 гг. Эдгаром де. Валь; новиаль как результат синтеза идо и окциденталья, осуществлённого в 1928 г. Отто Есперсенем; интерлингва как плод коллективного творчества, возникший в 1951 г.

Тем самым были заложены основы интерлингвистики как дисциплины, изучающей принципы лингвопроектирования и процессы функционирования искусственно созданных языков. Получила развитие типология искусственных языков. Было обращено внимание на специфику философских (понятийных), звукосимволических и т.п. языков. Стали исследоваться пазилалии как письменно-звуковые системы и пазиграфии как проекты чисто письменных языков. Предлагались проекты международных жестовых языков, языков музыкальных и т.п. При этом опыт проектирования искусственных международных языков нашёл применение в создании символических языков наук, языков программирования (алгоритмических языков) и т.п. Таким образом, занятия искусственными языками сыграли заметную роль в формировании теоретических основ современных семиотики и теории коммуникации.

В 16--18 вв. активно разрабатывались вопросы природы и сущности языка, его происхождения и т.п., причём это делалось исключительно в работах философов. Так, представитель философской грамматики Ф. Бэкон (1561--1626) противопоставлял её по целям и задачам грамматике "буквенной", т. е. практической. Джамбаттиста Вико (1668--1744) выдвинувший идею объективного характера исторического процесса, который проходит в своём развитии три эпохи -- божественную, героическую и человеческую, а также конкретизирующую то же общее направление и те же смены эпох идею развития языков. Первым выдвинул идею искусственного языка Рене Декарт (1596--1650). Джон Локк (1632--1704) связывал изучение значений с познанием сущности языка. Г.В. Лейбниц (1646--1716) отстаивал звукоподражательную теорию происхождения языка, как и Вольтер / Франсуа Мари Аруэ (1694--1778). М.В. Ломоносов (1711--1765) связывал язык с мышлением и видел его назначение в передаче мыслей. Жан Жак Руссо (1712--1778) выступил как автор теории о двух путях происхождения языка -- на основе социального договора и из эмоциональных проявлений (из междометий). Дени Дидро (1713--1784) искал истоки языка в общности для определённой нации навыков выражать мысли голосом, заложенных в людях богом. Много внимания проблемам философии языка уделял Иммануил Кант (1724--1804).

Особую известность получили "Исследования о происхождении языка" Иоганна Готфрида Гердера (1744--1803), который был современником крупнейших представителей философии истории Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770--1831) и Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга (1775--1854) и оказал на них существенное влияние.

И.Г. Гердер сыграл колоссальную роль в зарождении идей историзма в науке своего времени и возникновении исторического языкознания. Он отстаивал идеи развития, совершенствования, прогресса, движения от элементарного к более сложному применительно ко всем сферам человеческого бытия. Ему принадлежит указание как на природные, географические, так и на духовные, культурные факторы в развитии человечества и в появлении различий между народами. Особо им подчёркивалась роль традиций, подражания. Он акцентировал существеннейшую роль языка в становлении человека вообще, наук и искусств, в сплочении людей, в осознании действительности. И.Г. Гердер отмечал возможность через изучение различий в языках проникнуть в историю

человеческого рассудка и души. Он выделял три "возраста" языка -- молодость (язык поэзии, язык чувств), зрелость (язык художественной прозы, язык разума) и старость (язык с высокими требованиями к логической правильности и синтаксической упорядоченности). Для И.Г. Гердера язык есть выражение духовной жизни народа. Этим мотивируется его призыв собирать народные песни, сказания, сказки как памятники прошлого, реализованный, между прочим, и в своих опытах издания произведений фольклора. И.Г. Гердер призвал также собирать сведения о других языках.

Своеобразным подведением итогов этого периода были работы А.Ф. Бернгарди (1769--1820) "Учение о языке" (1801--1803) и "Начальные основы языкознания" (1805). Здесь устанавливается ставший в 19 в. традиционным состав науки о языке, куда включаются фонетика, этимология, словопроизводство, учение о словосочетании, синтаксис. Было проведено различие между историческим и философским аспектами изучения языка. В соответствии с историческим принципом возникновение языка объясняется из потребностей разума, но его развитие проходит по обязательным законам, не зависящим от сознания. Друг другу противопоставляются этапы достижения языком расцвета и последующего регресса. Философскому аспекту отводится роль науки о языке как законченном продукте, об абсолютных формах языка. Изложение рекомендуется вести от простейших элементов к сложным конструкциям (буквы-звуки -- слова-корни и слова-основы, обозначающие либо материю, либо отношения -- образование современных типов слова как итог слияния слов с материальным и с реляционным значениями -определяемые на логической основе основные части речи и частицы).

В конце 18 в. во многих науках формируется принцип историзма/эволюционизма (Карл Линней, Жан Батист Ламарк). Происходит синтез общенаучного принципа историзма и идей романтизма, связанного с изучением памятников прошлого своих народов и народов далёких, экзотических стран. Возникает и в 19 в. утверждается взгляд на язык как на историческое, развивающееся по строгим законам явление. С принятием этого принципа языкознание оказалось в состоянии заявить о себе как самостоятельной науке со своим объектом познания и собственными исследовательскими методами.

В 16--18 вв. были подытожены ценные достижения всего предшествующего развития лингвистической мысли в области создания систем письма, приёмов интерпретации старых текстов, выработки принципов лексикографического описания языка, эмпирического описания лексического состава и грамматического строя многих языков, построения концептуального аппарата теоретической грамматики, экспликации некоторых приёмов лингвистического анализа, каталогизации и первоначальной классификации языков мира.

Глава 6

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 19 в.

Литература: Звегинцев, В. А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В. М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т. А., Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Классификация языков. Законы развития языка. Логическое направление в языкознании. Натуралистическое направление в языкознании. Психологическое направление. Сравнительно-историческое языкознание.

Сравнительно-исторический метод. Родство языковое. Праязык. Генеалогическая классификация языков. Индоевропеистика. Германистика. Славистика. Романистика. Кельтология. Гримма закон. Вернера закон. Типология. Типологическая классификация языков. Морфологическая классификация языков. Контакты языковые. Субстрат. Суперстрат. Диалектология. Лингвистическая география. Гумбольдтианство.).

6.1. Наследование традиций и интенсивные поиски новых путей в языкознании 19--20 вв.

В 10--20-х гг. 19 в. завершается длительный (порядка двух с половиной тысячелетий) период развития европейской науки о языке (так называемого "традиционного" языкознания) и формируется принципиально новое языкознание, заявившее о своём суверенитете по отношению к другим наукам (и прежде всего филологии, философии и логике), о своём преимущественном праве рассматривать всё, что относится к языку, его природе и сущности, к его устройству, функционированию и развитию, с собственных позиций, с использованием собственных исследовательских методов и в собственных интересах.

Было бы некорректно оценивать весь предшествующий этап как донаучный. Надо учитывать, что нет полного совпадения смыслового содержания, вкладываемого сегодня в термины типа наука, дисциплина, учение, теория, исследование, познание, и того толкования, которое им давалось в разные исторические периоды развития человеческой исследовательской деятельности и в разных культурных ареалах. Уже в древности нередко говорили о науке, имея в виду занятия по описанию языковых фактов, их классификации и систематизации, их объяснению (ср. древнеиндийскую трактовку *śabdacastra* как не имеющего предела учения, науки, теории, специальной научной дисциплины о словах и звуках; употребление в позднеантичную пору греческого слова *grammatikos* и латинского слова *grammaticus* для обозначения сперва всякого образованного человека, сведущего в языке и литературе, умеющего толковать тексты древних писателей, и лишь потом грамматика-профессионала, лингвиста и вообще учёного; выдвижение средневековыми учёными, сосредоточивавшими свои усилия на решении сугубо профессиональных лингвистических проблем, противопоставления старой, описательно-нормативной грамматики как искусства и новой, объяснительной, теоретической грамматики как науки).

Представители средневековой грамматики явным образом стремились утвердить относительную автономию своей науки в кругу знаний того времени. С течением времени эта автономия возрастает. К концу 18 -- началу 19 вв. языкознание достигает столь высокой степени зрелости, которая позволяет ему в конечном итоге порвать с вассальной зависимостью от богословия, философии, логики, филологии и которая выразилась в создании в ведущих университетах специальных лингвистических кафедр, готовящих высококвалифицированных специалистов-лингвистов. Европейское "традиционное" языкознание было продуктом длительного развития исследовательской мысли и послужило весьма прочным фундаментом для нового языкознания. Оно к концу 18 в. достигло серьёзных результатов во многих отношениях: продолжение богатой античной лингвистической традиции; наличие сформировавшегося в период средневековья в рамках практической и теоретической грамматики (в процессе составления многочисленных трактатов-комментариев к классическим руководствам Доната и Присциана) категориального аппарата, с помощью которого впоследствии описывались свои родные языки, а затем и "экзотические" для европейских учёных языки; достаточно чёткое

разграничение фонетики, морфологии и синтаксиса; разработка номенклатуры частей речи и членов предложения; обстоятельные исследования морфологических категорий ("акциденций") частей речи и выражаемых их посредством грамматических значений (прежде всего в школе модистов); существенные успехи в описании формальной и логико-семантической структуры предложения (особенно в разработанных на логической основе универсальных грамматиках, к числу которых относится и знаменитая "Grammaire generale et raisonnee" А. Арно и К. Лансло); первые попытки наметить различия между категориями, присущими всем языкам, и категориями, свойственными отдельным языкам; закладывание основ лингвистической универсологии (теории языковых универсалий); развитие учений о языковом знаке; накопление знаний о видах лексических значений, о синонимах, о способах словообразования и словообразовательных связях между лексическими единицами; достигшая высокого совершенства лексикографическая деятельность; почти никогда не прекращавшиеся с античных пор этимологические изыскания; складывание в основном дошедшей до наших дней традиционной лингвистической терминология.

Уже в средневековый период начался переход от занятий только грамматикой канонического языка, обслуживавшего церковь, науку, образование, дипломатические отношения, к созданию множества описательных грамматик и словарей новых европейских языков, отвечающих запросам возросшего самосознания народов в эпоху складывания наций, а вместе с ними и национальных литературных языков. В активе традиционного языкознания числятся: создание грамматик английского, ирландского, исландского, окситанского (провансальского), немецкого, французского, чешского, польского, словенского, русского и ряда других языков Европы; появление множества переводных словарей, в которых латинским или греческим словам ставились в соответствие слова родного языка, а вслед за ними и одноязычных словарей различного типа; осуществление реформ в области орфографии ряда языков; научно обоснованные шаги к нормированию и регламентированию своих литературных языков; активная разработка вопросов их стилистической дифференциации; внимание к территориальным диалектам в их отношении к литературному языку.

В предыдущей главе уже отмечались значительные успехи в описании и подчас подлинно научном анализе языков не только латинского и, греческого, но и древнееврейского, арамейского, арабского, эфиопского, армянского, турецкого, персидского, китайского, японского, малайского, ацтекского, кечуа и т.д., в инвентаризации и осмыслении фактов из множества ранее неизвестных языков Азии, Океании, Америки, Африки, каталогизации и классификации языков мира.

Ещё до наступления 19 в. был осознан факт множественности языков и их бесконечного разнообразия, что послужило стимулом к разработке приёмов сравнения языков и их классификации, к формированию принципов лингвистического компаративизма, имеющего дело с множествами соотносимых языков. Делались попытки применить концептуальный аппарат универсальной грамматики для сопоставительного описания разных языков и даже для доказательства родственных связей между языками (С.Ш. Дюмарсе, И. Бозе, Э.Б. де Кондильяк, К. де Габелин, И. Лудольф, Дж. Харрис, Дж. Биттни, Дж. Бёрнет / лорд Монбоддо, Дж. Пристли и др.). Повлялись опыты не только их географической, но и генеалогической классификации либо внутри отдельных групп языков -- прежде всего германской и славянской (Дж. Хикс, Л. тен Кате, А.Л. фон Шлёцер, И.Э. Тунман, И. Добровский), либо также с охватом языков, распространённых на обширных территориях

Евразии (И.Ю. Скалигер, Г.В. Лейбниц, М.В. Ломоносов).

Интерес к изданию древних письменных памятников родного и близкородственных языков проявился ещё до 19 в. (издание Ф. Юнием готской Библии в переводе Вульфилы). Стимулом к сравнительным исследованиям послужило знакомство с древнеиндийским литературным языком -- санскритом; подтолкнувшее к накоплению сведений о нём, фиксации поразительных совпадений лексического и грамматического характера между этим языком и языками греческим, латинским, готским и др. (французский иезуит Кёрду, немецкий иезуит Паулин а Sancto Bartholomaeo; серьёзное специальное исследование об этих параллелях англичанина Уильяма Джоунза). Но знакомство с санскритом было лишь внешним толчком к дальнейшему развитию лингвистической мысли.

В действие вступили более существенные факторы, повлиявшие на изменение подхода к языку и языкам и побуждавшие к поиску новых путей, к выдвижению организующего науку о языке нового исследовательского принципа, который лучше бы отвечал новому духу эпохи и способствовал бы обеспечению целостности языкознания. В общественном сознании, науках, философии, в художественном осмыслении действительности получала отражение новая идейно-научная ситуация. Коренной переворот в понимании природы и сущности языка был обусловлен сформировавшимся в конце 18 в. (под воздействием открытий естествоиспытателей Карла Линнея и Жана Батиста Ламарка) принципом историзма / эволюционизма, в соответствии с которым наиболее существенным свойством языка была объявлена его способность к историческому развитию, его изменчивость во времени (и в пространстве).

Внедрение в языкознание принципа историзма сделало актуальным выдвижение каждого отдельно взятого языка на роль объекта, достойного особого внимания в ряду многих отдельных языков. Учёные стали переключать своё внимание на познание специфических, индивидуальных особенностей конкретного языка, обеспечивавших ему особое место внутри той или иной языковой общности, на выявление собственного пути развития каждого данного языка. Теперь в лингвистическом исследовании всё больше акцентировалось не столько сходное, общее, универсальное в языках, сколько различия между языками (и разными временными состояниями данного языка). Росло осознание неадекватности логического подхода к объяснению не только формальных, но и содержательных различий между языками и их изменчивости. Объяснения стали искать не в сфере единых для всех людей законов логического мышления, а в естествознании, психологии (индивидуальной, этнической и социальной), эстетике, этнографии, социологии, попеременно выбираемых на роль объяснительных наук тем или иным лингвистическим направлением.

Объединение уже не новой идеи множественности и многообразия языков, с одной стороны, и новой идеи исторической изменчивости языков, с другой стороны, стало идейной основой нового, компаративистского по своей сущности лингвистического мировоззрения. Лингвистический компаративизм, имеющий дело с соотношением языков внутри того или иного их множества, включил в число своих областей прежде всего языкознание, которое является историко-генетическим по своей цели, сравнительно-историческим по методу и было первоначально индоевропейским по материалу. Почти одновременно с ним сложилось сперва находившегося на службе у лингвогенетических исследований типологическое языкознание. В последние десятилетия 19 в. начало складываться ареальное языкознание, тоже сперва подчинённое целям сравнительно-исторических исследований. К ним присоединилась в середине 20 в. сопоставительная (контрастивная) лингвистика.

Лидирующая роль в рамках компаративизма закрепились за сравнительно-историческим (диахроническим по своей ориентации) языкознанием, которое вплоть до 10--20-х гг. 20 в. претендовало на роль единственно научного. Оно было впоследствии существенно потеснено лингвистическими направлениями преимущественно или исключительно синхронической ориентации (особенно структурным языкознанием). Но смена исследовательских ориентиров не умаляет роли сравнительно-исторического языкознания (благодаря его строгому исследовательскому методу и многим удачным опытам реконструкции прежних языковых состояний) в обеспечении науке о языке статуса точной науки. Оно играло и продолжает заметно влиять на многие смежные области гуманитарного знания (сравнительное литературоведение, мифология, фольклористика, этнография, история и т.п.).

На рубеже 19--20 вв. приходит осознание того, что историко-генетическое языкознание с тем запасом идей и приёмов описания языков, которым оно было обязано главным образом научному подвижничеству Р.К. Раска, Ф. Боппа, Я. Гримма, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, Ф.К. Дица, Ф. Миклошича, А. Шлайхера, Х. Штайнталя, А.А. Потебни, К. Бругмана, Г. Остхофа, А. Лескина, Г. Пауля, Б. Дельбрюка, Х. Шухардта и многих других учёных, уже исчерпало свой потенциал и что опора на принципы старой, традиционной логики (в её аристотелевском виде), ассоцианистской психологии, эмпирической биологии не стимулировала дальнейшего движения лингвистической мысли. Своим веком не было востребовано оригинальное, глубокое по своему содержанию, но весьма сложное для осмысления лингвофилософское учение В. фон Гумбольдта. Многие лингвисты этого периода (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, Ф. де Соссюр, их ученики и последователи) были крайне не удовлетворены сугубо диахроническим подходом к языку и пренебрежением к его синхроническому аспекту.

Уже в конце 19 в. нарастало понимание того, что необходим очередной принципиальный поворот во взглядах на язык, его природу и сущность, которые адекватно отвечали бы новейшим достижениям физики, математики, логики, семиотики, антропологии, этнологии, этнографии, культурологии, социологии, экспериментальной психологии, гештальт-психологии, физиологии высшей нервной деятельности, общей теории систем, общей теории деятельности, аналитической философии и других наук, исследующих не столько становление и развитие исследуемых объектов, сколько их структурно-системную организацию и их функционирование в определённой среде.

20 в. выдвинул в центр внимания языковедов другие проблемы. Начал утверждаться приоритет синхронического подхода к языку (тем более что его современное состояние носителю языка интересно прежде всего), что явилось результатом научного подвига, совершённого И.А. Бодуэном де Куртенэ, Н.В. Крушевским, Ф.Ф. Фортунатовым, Ф. де Соссюром, Л.В. Щербой, Е.Д. Поливановым, Н.С. Трубецким, Р.О. Якобсоном, В. Матезиусом, К. Бюлером, Л. Ельмслевом, А. Мартине, Л. Блумфилдом, Э. Сепиром, Дж. Фёрсом, а также их учениками и многочисленными продолжателями. Смена синхронизмом диахронизма в роли лидирующего принципа ознаменовала собой границу между языкознанием 19 в. и языкознанием 20 в.

Наиболее последовательно синхронизм отстаивался в структурном языкознании 20--60 гг. 20 в., широко использовавшем (в целях достижения высокого уровня точности исследования и обнаружения "жёсткой", инвариантной структуры языка) выработанные им методы имманентно-формального и структурно-функционального анализа языковых

явлений, а также новые достижения и методы реляционной логики, семиотики, математики, теории систем и ряда других наук, нашедшим в семиотике инструмент для синтеза подходов к языку как естественному явлению и как к продукту духовной деятельности.

На начальном этапе своего развития это направление сумело заметно потеснить историко-генетическое языкознание, резко с ним полемизируя, а впоследствии содействовало ему же в обогащении теоретического и методологического инвентаря, в совершенствовании приёмов исторического исследования, в появлении на стыке обоих направлений новых дисциплин (диахроническая фонология).

Структурные методы первоначально разрабатывались в области фонологии и затем морфологии, позднее синтаксиса. Со временем реляционно-структурный подход был распространён на семантику, что позволило преодолеть асемантизм, который был особенно силён в дескриптивной лингвистике. Рядом с фонологией, морфонологией, структурной морфологией и структурным синтаксисом сформировалась структурная лексикология (структурная семантика), исследующая системные связи между лексическими единицами (и значениями) на основе моделирования лексических (семантических) полей и компонентного (семного) анализа.

Принципы структурализма воздействовали на лингвистическую типологию, на разработку методов исследования в дисциплинах социолого-антропологического цикла, на развитие ряда отраслей прикладной лингвистики, включая и те, которые связаны с совершенствованием линий связи, дешифровкой текстов, автоматическим переводом, автоматической обработкой текста, конструированием искусственных языков. Структурализм сыграл большую роль в вооружении других направлений языкознания многими весьма эффективными и точными методами исследования.

Но к середине 20 в. уже осознаётся ограниченность классического структурализма, выступавшего (в крайних его разновидностях) в качестве методологии редукционизма и реляционизма, сводя природу и сущность исследуемых языковых явлений к совокупности чистых отношений между элементами системы и не интересуясь ни субстанциальной стороной этих элементов, ни связями языка и мышления, ни взаимоотношениями языка и общества, ни функционированием языка в процессах коммуникации. Начались интенсивные поиски новых подходов к языку.

В конце 50-х -- начале 60-х гг классический структурализм, не сходя полностью со сцены, передаёт эстафету генеративному / порождающему языкознанию, которое, не отказываясь от использования логико-математических методов и идей универсальной грамматики, вместе с тем обратилось к психологии, прежде всего когнитивной. Генеративизм внёс в языковедческое исследование моменты динамизма, которого не доставало классическому структурализму (таксономизму). Он содействовал формированию ряда новых идей, принципов, методов исследования (особенно в изучении формальной и в ещё большей степени семантической структуры предложения и текста). В ходе бурных и длительных дискуссий вокруг генеративизма отмечалась та же, что и у структурализма, его методологическая ограниченность, а именно замыкание интересов на изучении внутренней структуры языка в отвлечении от языковой деятельности говорящего и внеязыковых факторов, т.е. генеративизм тоже грешил использованием принципа редукционизма, который был внедрён в языкознание прежде всего Ф. де Соссюром и стал главным методологическим принципом структурной лингвистики.

В последние десятилетия 20 в., в связи с определённым разочарованием в

структурализме и генеративизме, на первый план стали выдвигаться отнюдь не новые концепции, школы и течения, которые развивались одновременно с ними, находясь как бы в тени и испытывая определённое их воздействие. Появилось множество новых концепций и школ, которые условно могут быть объединены под именем функционально-деятельностного языкознания и которые предполагают широкое понимание языка, не ограничиваясь только номенклатурой (или инвентарём) дискретных языковых единиц и совокупностью структурных отношений между ними (или связывающих их порождающих операций).

Их представители стремятся исследовать языковую деятельность индивида и социума, лингвистически значимые (т.е. имеющие свои корреляты в внутренней структуре языка) компоненты актов языкового общения, "работу" языка, обеспечивающего порождение высказываний и их восприятие и понимание. Для осмысления этих процессов привлекаются как достижения традиционной, структурной и генеративной лингвистики, так и данные многих и очень многих смежных наук и используемые в них приёмы и процедуры исследования.

К числу функционально-деятельностных лингвистических дисциплин можно отнести психолингвистику, нейролингвистику, этнолингвистику, социолингвистику, стилистику, новую риторику, лингвистику текста, теорию речевых актов, лингвистику динамически развивающегося дискурса (в том числе и диалогического), прагматическую лингвистику, функциональную семантику, этнографию речи, разговорный анализ, когнитивную лингвистику, коммуникативную грамматику и ряд других дисциплин, не всегда обладающих чётко определённым лингвистическим статусом. Они строятся преимущественно на основе принципа синхронизма, некоторые из них имеют двухчастное строение (и синхронический, и диахронический разделы).

Что касается понятия научной парадигмы (в трактовке Томаса Сэмюэла Куна), то следует отметить его неадекватность применительно к истории языкознания. Смена лидера в науке не всегда означает смену научных парадигм, предполагающую революционную ломку взглядов и всеобщую переориентацию исследований на новые принципы. Такие течения в языкознании, как структурализм, генеративизм и функционализм (по преимуществу синхронистские течения лингвистической мысли), совместно противостоят историко-генетическому языкознанию, но, тем не менее, не могут и сегодня взять полностью на себя ни его проблем, ни его целей и задач, т.е. заменить его.

В современном языкознании наблюдается сосуществование сформировавшихся в разное время исторического и синхронического, внутрискрутурного и деятельностно-функционального подходов и т.п. как взаимодополнительных по отношению друг к другу. Обычное для того или иного течения на первоначальной стадии его развития резкое противостояние обычно постепенно уступает место своего рода взаимобмену идеями, понятиями, а также исследовательскими приёмами и процедурами. В настоящее время рядом с друг с другом мирно сосуществуют ориентированные на познание разных сторон языка направления историко-генетическое, системно-структурное, генеративное, деятельностно-функциональное, которые так или иначе соотносят себя не только друг с другом, но и с языкознанием "традиционным", принципы которого сегодня трактует каждый как ему угодно.

Отсюда вытекает сложность проблемы адекватного описания какой-либо индивидуальной лингвистической концепции, научной школы, течения или направления.

Приходится принимать во внимание множество признаков.

Одни признаки основаны на противопоставлении подходов глобального (или целостного) и редуцированного (неполного). Друг другу противостоят:

а) стремление лингвиста охватить в своём исследовании все аспекты языкового феномена, т.е. языка в широком смысле (единство языкового общения, актов порождения и актов понимания высказываний, фиксирующих их в письменной или в иной форме текстов, лежащей в основе языковой деятельности организованной совокупности языковых единиц (или схем языковой деятельности), а также связей языка с другими явлениями действительности (мышлением, культурой, обществом) -- ограничение (в соответствии с принципом имманентизма) только языком самим по себе (понимаемым как система воспроизводимых инвариантных единиц или как система схем языковых действий);

б) ориентация при этом на выявление всех свойств элементов языковой системы (и реляционных, и субстанциальных) -- сосредоточение интереса (в соответствии с принципом реляционизма) только на внутривидовых отношениях и зависимостях между языковыми элементами;

в) описание единиц языковой системы в целом как двусторонних сущностей, обладающих и планом выражения (означающим, формой), и планом содержания (означаемым, значением) и, соответственно, языка как нерасторжимого единства выражения и содержания -- представление языка (в соответствии с принципом формализма или механицизма) как одностороннего, асемантического феномена, как системы выражения внеязыкового содержания.

Для характеристики той или иной лингвистической концепции также важны признаки антонимического характера:

г) интерпретация языка как системы динамической, действующей, работающей, функционирующей (лат. *functio* 'исполнение, совершение; (служебная) обязанность') или же как статической, пребывающей в состоянии покоя;

д) акцентирование исторической изменчивости языка, его эволюции во времени или же исключение фактора времени (ахронический либо панхронический подход к языку);

е) акцентирование определяющей роли в функционировании и развитии языка внутрисистемных отношений или же внеязыковых факторов (биологические, психические, этнологические, этнографические, социальные, эстетические);

ж) определение языка как явления материальной или же идеальной (духовной, психической) природы.

Далее, для характеристики определённой лингвистической концепции существенны её сугубо диахроническая или сугубо синхроническая направленность, признание или непризнание ею динамических моментов в состоянии языка в какой-то отрезок времени.

Важны для исчерпывающей характеристики лингвистической концепции указания на область явлений, данные которой привлекаются для объяснения закономерностей развития и функционирования языка (мифологические и религиозные системы, антропология и проблемы антропогенеза, становление сознания и языка, особенности логического мышления и иных типов мышления, отношение языка и мозга, отношение сферы подсознания и языка, строение и функционирование биологических организмов на различных уровнях, процессы передачи информации в природе, обмен информацией в животном мире и в человеческом обществе, психические процессы в индивидууме и обществе, поэтическое творчество, явления культуры, этнографические особенности, социальная

структура общества, процессы человеко-компьютерного общения и т.п.).

Нельзя не отметить взаимодействие во многих индивидуальных лингвистических концепциях разных подходов к языку и векторов развития, делающее возможным появление оригинальных научных систем. Существенную роль в формировании новых школ, течений и направлений, в движении лингвистической мысли играют свойства личности учёных.

Компаративизм, структурализм, генеративизм и функционализм выступают сегодня как четыре относительно самостоятельные и вместе с тем пересекающиеся друг с другом области лингвистических исследований, каждая из которых характеризуется своими методологическими принципами и набором приёмов и процедур. И в конце 20 в. языкознание предстаёт перед его историографом как трудно обозримое в целом множество разнообразных направлений, принципов, школ, концепций, как стремительный процесс их размежевания и интеграции.

6.2. Лингвистический компаративизм и образующие его области исследований

Лингвистический компаративизм выступал в 19 в. в виде двух направлений. Во-первых, это историко-генетическое направление (сравнительно-историческое языкознание, компаративистика в узком смысле), обязательно учитывающее при сравнении языков фактор времени, а также зачастую и фактор пространства. Во-вторых, это направление типологическое, отвлекающееся в определённой степени от факторов времени и пространства, в которых существуют языки. Генетический и типологический подходы пересекались в деятельности одних языковедов, в деятельности же других либо акцентировалось только сравнение ради выяснения общих и различительных признаков языков, либо внимание сосредоточивалось на поисках путей происхождения и развития языков.

В конце 19 -- начале 20 вв. в качестве третьего самостоятельного направления лингвистического компаративизма выделяется ареальное / пространственное языкознание, которое имеет дело со взаимодействием географически контактирующих языков, могущим привести к возникновению языковых союзов, и главным методом которого является лингвистическая география. Нередко в рамках генетического компаративизма генетический и ареальный подходы смыкаются как два основных метода сравнительно-исторического языкознания.

В середине 20 в. заявляет претензии на самостоятельный статус в рамках лингвистического компаративизма сопоставительная (контрастивная, конфронтативная) лингвистики, обслуживающая в основном запросы лингводидактики и лексикографической практики.

Сравнительно-историческое языкознание является наиболее разработанной областью лингвистического компаративизма, объектом которой являются семьи и группы родственных, т.е. генетически связанных, языков и которая ставит своей целью установить регулярные, закономерные соответствия между родственными языками и описать их эволюцию во времени и пространстве на основе доказательства общности их происхождения из одного языка-основы (или праязыка). Одни его представители акцентируют сравнительное (сопоставительное) начало, напоминающее во многом подход типологический, а другие языковеды - начало историческое (эволюционное, генетическое).

Сравнительно-исторический метод выступает как основной инструмент исследования, служащего цели воссоздать модели праязыковых состояний отдельных семей и групп

родственных языков мира, их последующего развития и членения на самостоятельные языки, а также построить сравнительно-исторические описания языков, которые входят в ту или иную генетическую общность.

В состав его главных приёмов входят:

- определение генетической принадлежности языковых данных;
- установление системы соответствий и аномалий на разных уровнях в сравниваемых языках;
- моделирование исходных праязыковых форм (архетипов);
- реконструкция первоначальных и промежуточных языковых состояний;
- хронологическая и пространственная локализация языковых явлений и состояний;
- предпринимаемая на этой основе генеалогическая классификация языков.

Сравнение является доминирующим приёмом, оно базируется на системном подходе к языку и используется преимущественно на фонетико-фонологическом и морфологическом уровнях (сравнение генетически тождественных форм словоизменения и словообразовательных способов, аффиксальных и корневых морфем, находящихся в их составе звуков-фонем). При обращении только к фактам данного языка на разных временных срезах используются приёмы внутренней реконструкции. Особые трудности представляют, во-первых, проблема реконструкции архаичных значений слов и, во-вторых, проблема реконструкции в области синтаксиса.

Сравнительно-историческое исследование может строиться как в ретроспективном, так и в проспективном направлении (от исторически засвидетельствованного состояния к первоначальному и от первоначального состояния к более позднему).

В качестве основы для сравнения привлекается язык с древнейшей письменной традицией (в индоевропеистике первоначально санскрит, в современных работах часто хетто-лувийские / анатолийские языки).

На более поздних этапах развития компаративистики сравнительно-исторический метод сочетается с методами типологическими, квантитативными, вероятностными, филологическими, моделирования. Сегодня он включает в свой состав также лингвогеографические / ареальные приёмы, служащие воссозданию картины диалектного членения праязыковых общностей и выявлению ареальных связей между языками -- членами этих общностей. Считается возможным обращение к данным современных языков и особенно диалектов при отсутствии старописьменных памятников, к данным неродственных языков, к топонимическому материалу.

В качестве объяснительного принципа сравнительно-историческое языкознание сперва и очень недолгое время использовало принципы логицизма, перешедшего по наследству от предшествующего, "традиционного" этапа развития лингвистической мысли, а затем (во второй половине 19 в.) долго конкурировавшие друг с другом принципы натурализма (биологизма) и психологизма, на более поздней ступени (в самом конце 19 в. и в первой половине 20 в.) также принципы эстетизма, социологизма и формализма (имманентизма).

Формами представления результатов историко-генетических исследований являются, с одной стороны, сравнительно-исторические, сравнительные и исторические грамматики (включающие в себя прежде всего фонетику), а с другой стороны, исторические и этимологические словари.

Типология языков (лингвистическая типология) является областью лингвистического компаративизма, которая ставит своей целью сравнительное изучение структурных и

функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними.

Главное понятие лингвистической типологии -- языковой тип. Типология языков отличается от генетического языкознания в отношении онтологическом (по сущностным характеристикам предмета исследования) и эпистемологическом (по совокупности принципов и приёмов исследования). Для неё необязательны поиски соответствий двупланового характера (одновременно в форме и в значении); она может ограничиваться сопоставлениями языков либо только в плане выражения (формальная типология), либо в плане содержания (контенсивная типология, исследующая не просто семантические категории языка, но и способы их выражения).

В наше время наряду со структурной типологией, объединяющей формальную и содержательную (контенсивной), возникла типология функциональная (социолингвистическая), группирующая языки на основе их социальных функций и сфер употребления. Формируется также стилистическая типология.

Различаются типология языковых систем в целом и типология языковых подсистем, Последняя исследует различные аспекты фонологической, морфологической, синтаксической систем. Процедуры типологического исследования могут быть фрагментарными и целносистемными. По целям исследования типология может быть инвентаризационной, импликационной, таксономической. Таксономии языков могут быть классохорическими (если они строятся в виде открытых или закрытых классов конкретных языков) или типохорическими (они строятся в виде наборов признаков, служащих для типологической идентификации того или иного языка). В каждом языковом типе выделяется наиболее общая доминирующая характеристика, имплицитующая все прочие. Тип языка обладает свойством изменчивости.

В 20 в. активно стала разрабатываться историческая типология (включающая и диахроническую). Особью выделяется характерология, ищущая возможные корреляции между типологическими характеристиками и семьями (и группами) генетически родственных языков. Во второй половине 20 в. получила развитие квантитативная типология, оперирующая статистическими индексами, которые отражают степень представленности в различных языках того или иного качественного признака.

Лингвистическая типология может использовать результаты и методы исследований сравнительно-исторических, структурных, генеративно-трансформационных, социолингвистических, а также широкий спектр логико-математических методов.

Конечной целью типологического языкознания является типологическая классификация языков. Глобальная по охвату языков лингвистическая типология, для которой факторы времени и пространства не являются существенными, тесно связана с лингвистической универсологией, для которой языковые универсалии панхроничны и всеобщы.

Ареальная лингвистика представляет собой область лингвистического компаративизма, исследующей распространение языковых явлений в пространственной протяжённости и межязыковом (и междиалектном) взаимодействии. Она фиксирует границы распространения того или иного языкового явления на географической карте. Для неё существенно понятие изоглоссы. Границы диалектов или языков устанавливаются на основе пучков изоглосс.

Ареальная лингвистика видит свои задачи в выявлении языковых или диалектных ареалов, т.е. областей ареалов взаимодействия диалектов, языков и ареальных общностей

языков -- языковых союзов. Большое внимание она уделяет выявлению топонимических и гидронимических ареалов. Ареальная лингвистика тесно связана с диалектологией, смыкаясь с ней в отношении приёмов выявления диалектов. Методом ареальной лингвистики является лингвистическая география (и -- как её разновидность -- диалектография).

Для ареальной лингвистики существенно разграничение синхронического и диахронического аспектов. В диахронических исследованиях она ставит перед собой такие задачи, как определение инноваций и архаизмов, определение центров распространения языковых явлений, изучение феномена языковой аттракции, определение ареалов языковых союзов, определение ареалов распространения диалектов праязыка, выявление древнего диалектного членения конкретного языка. В наше время формируется ареальная типология, исследующая типологические корреляты языков, взаимодействующих в рамках языковых союзов.

В современной ареальной лингвистике исследуются следующие проблемы и решаются связанные с ними следующие задачи:

- членение праязыковых состояний на исторически засвидетельствованные языки и диалектные континуумы;
- ареальная характеристика особенностей взаимодействующих языков и диалектов в определённом регионе; вскрытие закономерностей языковых контактов;
- выработка принципов ареальной типологии; построение теории межъязыкового взаимодействия (лингвистическая контактология и теория языковых союзов);
- выявление топонимических ареалов;
- определение роли субстратов в ареальных связях;
- изучение языковой интерференции и языковой аттракции в территориально сопредельных языках;
- разработка этнолингвистической и социолингвистической типологии для территориально соприкасающихся языков.

Результаты ареальных исследований фиксируются в лингвистических и диалектологических атласах.

Контрастивная лингвистика выступает как новая область лингвистического компаративизма, ставящая целью сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех структурных уровнях. Источниками её формирования являются: наблюдения над отличиями чужого языка по сравнению со родным, фиксируемые в грамматиках разных языков начиная с эпохи средневековья; сравнение неродственных языков с целью их типологической классификации. Сопоставление языковых фактов осуществляется, как правило, на синхронном срезе.

Контрастивная лингвистика использует методы как грамматики и фонетики "традиционной", так и структурной грамматики, фонологии и лексикологии, а также генеративно-трансформационной грамматики. Нередко наблюдается уклон контрастивной лингвистики в сторону типологии и универсологии. В качестве языка-эталона обычно выбирается родной язык. Различаются установка на сопоставление языковых форм и стоящих за ними значений и противоположная установка на выбор значения (или функции) и выражающих их формальных средств.

6.3. Подготовка лингвистического компаративизма

В проникновении в языкознание принципа историзма значительную роль сыграл

культурно-исторический, философский и общенаучный контекст конца 18 -- начала 19 вв. Этот принцип требует объяснять многообразие форм из их изменчивости во времени, сосредоточивая внимание на обнаружении за внешне разнообразными фактами глубинных законов, определяющих естественным образом (а не в зависимости от божественной воли) внутреннее единство человеческого языка вообще и конкретный вид каждого отдельного языка как звена в цепи развития.

Во взглядах языковедов 19 в. отразилось философское и общенаучное понимание развития, с одной стороны, как движения по восходящей линии, от простого к сложному и более совершенному (теории прогресса А.Р.Ж. Тюрго, Г.Э. Лессинга, И.Г. Гердера, М.Ж.А.Н. Кондорсе, Ж.Б. Ламарка, Э. Жоффруа Сент-Илера, Ч. Дарвина), а с другой стороны, как движения по нисходящей линии, от более совершенного к более простому (теории деградации Ж.Ж. Руссо, Ю. Мёзера). На формирование сравнительно-исторического подхода к языку оказали воздействие философские опыты исторического описания явлений (Д. Юм, Э. Гиббон), требования признать историю автономной наукой (А.Р.Ж. Тюрго, энциклопедисты, И. Кант) и стремление противопоставить "логическое" и "историческое" (Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.Й. Шеллинг). В построениях первых компаративистов прямо или косвенно отразилась философия истории Гегеля, настаивавшего на различии периодов доисторического и исторического как периодов юности и старости.

Языкознание (вместе со всем гуманитарным знанием) затронули бурный расцвет естественнонаучного компаративизма и появление сравнительных анатомии, эмбриологии, палеонтологии, геологии и т.п. (Ж.Б. Ламарк, Э. Жоффруа Сент-Илер, Ж. Кювье, Ч. Лайель), выделение в естествознании в качестве объекта исторического изменения не функции, а формы, возрастание роли морфологии как учения о форме. Из естественных наук была заимствована идея системы, определяющей взаимодействие частей внутри целого (у Ж. Кювье она выступала в виде понятие "организма"), и идея исходной модели-архетипа (Р. Оуэн), объясняющей развитие всех реально засвидетельствованных конкретных форм.

Основы типологического подхода к языкам были заложены уже в работах Р. Декарта, Г.В. Лейбница, А. Смита, И.Г. Гердера.

На становление методологии исторического исследования оказали сильное воздействие идеи Иоганна Готфрида Гердера, которые были изложены в его получившей широкий резонанс книге "Исследование о происхождении языка" (1770) и статье "О возрастах языка". В этих работах автор отказывается языку в божественном происхождении и неизменяемости, настаивает на его естественном происхождении и необходимости его развития по "естественным законам" во взаимодействии с культурой (в частности, с поэзией), на совершенствовании языка вместе с совершенствованием общества, квалифицирует язык как важнейший компонент национального духа. С именем И.Г. Гердера связано возникновение романтизма с его обострённым интересом к прошлому. Им был издан сборник народных песен, что нашло продолжение в последующих изданиях собраний народных песен, баллад, сказок (Л.Й. Арним и К. Brentano, 1806--1808; братья Вильгельм и Якоб Гримм, 1812--1815 и 1816--1818).

У истоков лингвистического компаративизма стоял Фридрих фон Шлегель (1772--1829). Своей шумевшей книгой "О языке и мудрости индийцев" (1808) он побудил к активным занятиям изучением родственных языков на древнейших стадиях их развития. Им был введён в употребление термин сравнительная грамматика. Первоначально Фр. Шлегель увлекался древнегреческой литературой и философией, а также древнегреческим языком на

архаической ступени его развития, разными его диалектами и продуктами их смешения, вопросом становления ионического литературного диалекта. Он активно участвовал в деятельности йенской школы романтиков, где сформировалось его тяготение к историческому рассмотрению культуры и языка. В юношеские годы он признавал естественное происхождение языка в процессе осуществления речевой способности, особенно в поэтической деятельности и в ранних, мистических формах религии, а в зрелые годы стал искать истоки языка в проявлении божественной мудрости.

В связи с поворотом к религиозному мистицизму, в поисках идеала красоты и смысла религии Фр. Шлегель обратился к культуре Индии и к древнеиндийскому языку. Он занялся серьёзным изучением санскрита, возводя к древнеиндийскому (в порядке всё меньшей близости) латинский и греческий, германский и персидский, армянский и славянский, кельтский. Подчёркивались значительные их сходства не только в лексике, но и в грамматическом строе. Прародину европейских народов он искал в Индии. Им подчёркивалась роль изучения древних периодов в развитии языков для постижения их истории. Для Фр. Шлегеля наиболее надёжными для истории народов являются данные истории языков.

С именем Фр. Шлегеля связан первый опыт типологической классификации языков. Он ввёл понятие флективных языков (на материале санскрита, греческого и латинского), противостоящих отличным от них по своей грамматической организации и занимающим низшую ступень в иерархии типов языков (как китайский). Им высказывалось мнение об изначальном различии флективных и нефлективных (аффиксальных) языков. Друг другу были противопоставлены два класса формообразующих морфем -- флексий и аффиксов. Нефлективные языки оценивались по степени их близости к флективным. Флективные языки были объявлены эстетически совершенными.

Фр. Шлегель верил в развитие народов, говорящих на нефлективных языках, от животного состояния и в возникновение их языков из эмоциональных и звукоподражательных выкриков. Языки типа древнеиндийского характеризовались как изначальное выражающие (в силу внутреннего озарения) самые сложные и вместе с тем необычайно ясные понятия и мысли.

Фр. Шлегель предпринимал структурно-грамматические сопоставления (в частности, внутренних модификаций корня, аблаута по Я. Гримму) между санскритом и рядом европейских языков для доказательства большего "совершенства" и большей "органичности" санскрита. В ряде германских языков отмечались следы более древних состояний. Наблюдения над фактами латинского языка и восходящих к нему романских языков позволяли констатировать "стачивание" форм в результате потери этими языками своей изначальной чистоты и смешения языков. Было выдвинуто предположение о тенденции перехода от синтетизма к аналитизму.

Особое значение придавалось букве, отличной от звука. Происхождение буквенного письма объяснялось теми же факторами, что и происхождение флективного строя языков. Фр. Шлегель призывал к созданию сравнительного словаря и сравнительной грамматики славянских языков с целью уяснить их место в родственной иерархии относительно древнеиндийского и "старшинства" одного из славянских языков по отношению к другим. Он формулирует понятие "исторического родословного древа", отображающего подлинную историю возникновения того или иного языка. Классификация родственных языков должна, по его мнению, строиться по признаку большей или меньшей древности языков

относительно друг друга. Предлагалось вновь соединить занятия философией и филологией по античному образцу.

Старший его брат, Август Вильгельм фон Шлегель (1767--1845), был: внешне менее заметен, но оставил заметный след в языкознании своего времени благодаря кропотливой и оригинальной по своим результатам разработке на протяжении 10--30-х гг. 19 в. ряда проблем индоевропейского и общего языкознания. Он ограничивал круг своих занятий частными филологиями -- в основном индийской, а также романской и германской. Ему было присуще умение глубоко проникать в историческую природу языковых явлений. Многие свои идеи он формулировал на опыте работы с переводами. Им было введено различие языков, лишённых грамматической структуры (в более поздней терминологии -- аморфных или изолирующих), языков аффиксальных и языков флективных. Была дана подробная и точная характеристика флективных языков. Он ввёл термины синтетизм и аналитизм, указывая на движение европейских языков от синтетического типа к аналитическому, особенно в условиях взаимодействия разных языков. Предпочтение отдавалось синтетическим языкам. Допускался параллелизм в развитии разных языков.

А.В. фон Шлегель соглашался с А.В. Бернгарди в вопросе о важности создания общей теории языка на основе философских принципов, но одновременно требовал исторического изучения индивидуальных языков, а также ступенчатого сравнения языков по их общим и различительным признакам (в рамках сравнительной грамматики, в понимании, соответствующем скорее современному термину сопоставительная, или контрастивная, грамматика). Ещё в 1803 г., раньше своего брата, он говорил о местонахождении колыбели человеческого рода в Индии и сохранении древнеиндийским языком в наибольшей степени черт языка-предка, о "совершенстве" и "ясности" древнеиндийского, о происхождении из него персидского, греческого, латинского, германских и потере ими в процессе развития определённых качеств, о необычности происхождения санскрита.

Занимаясь средневековыми немецкими текстами, он выдвинул требование критической точности в их толковании и предложил создать историческую грамматику немецкого языка, читая в Боннском университете (1818--1819) подобный курс. Вместе с тем он внимательно относился к истории провансальского языка, открыв тему "жизни слов" и призывая к точности этимологического анализа. Им было предложено начинать изучение древних языковых связей со сравнения форм словоизменения и способов словообразования. Указывалось на необходимость соединения древней и новой истории родственных языков. Обсуждалась проблема соотношения диалектов и литературного языка. А.В. фон Шлегель призывал серьёзно считаться с древнеиндийской грамматической традицией.

6.4. Западноевропейский лингвистический компаративизм

конца 10-х -- начала 50-х гг. 19 в.

Провозгласив свою независимость, опираясь на принципы сравнения и историзма, двигаясь к их синтезу, сформировав первый в своей истории собственный исследовательский метод -- сравнительно-исторический, наука о языке в первые десятилетия 19 в. стала по преимуществу историко-генетическим языкознанием, которое быстро превратилось в ведущую отрасль лингвистического компаративизма.

Одним из основоположников сравнительно-исторического (причём не только индоевропейского) и типологического языкознания стал Расмус Кристиан Раск (1787--1832). Свою короткую жизнь он провёл в многочисленных и длительных путешествиях. Он знал огромное количество не только мёртвых, но и живых языков, нередко выученных от

информантов ради возможности сравнивать разные языки и устанавливать между ними отношения сходства и различия. Он написал грамматики ряда языков. Большинство его работ было написано на датском языке, мало известном в научных кругах, что замедлило знакомство с ними и не позволило своевременно полностью оценить его гигантский вклад.

Р.К. Раск понимал язык как явление природы, как организм, который должен изучаться посредством естественнонаучных методов. Он стремится применить к сравнению языков приёмы линнеевской классификации растений. При сравнении языков нужна, по его проницательной идее, опора не на лексические, а на грамматические соответствия, причём сперва на соответствие структурных схем, а лишь затем на материальное совпадение флексий. Этот принцип был приложен к сравнению языков внутри не только индоевропейской общности. Р.К. Раском осуществлялись опыты внутренней и внешней реконструкции, подготовившие создание теории умлаута как самим Р. Раском, так и состоявшим с ним в переписке Я. Гриммом. Он стремился установить степени родства внутри германских и романских языков, внутри индоевропейских языков, а также участвовал в создании не только индоевропейского, но и финно-угорского и алтайского сравнительно-исторического языкознания.

Р. Раск чётко формулирует понятие "буквенных" переходов, эпизодически отмечавшихся исследователями и раньше и ставших впоследствии важными компонентами теории Я. Гримма о первом (германском) и втором (верхненемецком) передвижениях согласных. Он считает фонетические сопоставления менее важными, нежели сопоставления грамматических систем в целом. Им допускается возможность выделять в родственных языках общие элементы, относящиеся к основному словарному фонду.

В творчестве Р.К. Раска совмещаются типологический и генетический подходы, его грамматические и фонетические сопоставления в основном имеют типологический характер у Раска. Явно предпочтение, отдаваемое им сопоставительному, а не историческому аспекту исследования. В его работах содержатся намётки разграничения синхронии и диахронии в исследовании языков. Человечество делится им на расы, классы, племена, ветви, народы, а языки -- на языки и виды языков. Фактически впервые именно Р.К. Раск дал исходный перечень языков, входящих в индоевропейскую общность (но без использования этого имени). Ему принадлежит мысль (сформулированная в девятнадцатилетнем возрасте!) о циклическом развитии языков (не по кругу, а по спирали) -- от корнеизолирующего (аналитического) типа через аффиксальные типы и снова к корнеизолирующему типу.

Основы систематического сравнительно-исторического изучения языков заложил и непосредственно определил превращение языка из "орудия познания" в "подлинный предмет научного познания" Франц Бопп (1791--1867). Он издал в 1816 первую специальную работу по сравнительной грамматике индоевропейских языков, послужившую программой дальнейшей его научной деятельности -- "О системе спряжения санскрита в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков". Им была составлена первая в Германии грамматика санскрита (1822--1827).

Позднее появилась публикация важнейшего труда его жизни -- "Сравнительной грамматики санскрита, зендского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого" (1833--1852; второе издание с 1857). В ней охватывается от тома к тому всё более широкий круг индоевропейских языков. Здесь формируется теория агглютинации, в соответствии с которой история языка есть история постепенной интеграции в рамках слова ранее самостоятельных лексических элементов. В слове чётко

выделяются минимальные значимые части (названные морфемами у И. А. Бодуэна де Куртенэ). Активно разрабатывалась теория корня. Корни делились на глагольные и местоимённые (аналог современного различения слов знаменательных и служебных).

В противоположность Фр. Шлегелю он отказывается признавать сотворение древнеиндийского как результат единовременного акта откровения свыше и отходит от романтической мистики своих предшественников, заменяя её строгим -- в духе естественных наук -- методом "расчленения языкового организма". Индоевропейские языки описываются в сравнении с санскритом как "материнским" языком. Опираясь на рационалистическую грамматику, он постулирует наличие в структуре личных форм глагола всех компонентов логического суждения - субъекта, связки быть (санскритский корень as-) и предиката. Им разрабатывается первая в истории компаративистики схема морфологических соответствий в индоевропейских языках.

Первую сравнительно-историческую грамматику одной из групп (а именно германской) внутри индоевропейских языков создаёт Якоб Гримм (1785--1863). Вместе с братом Вильгельмом Гриммом (1786--1859) он активно собирал и издавал немецкие фольклорные материалы, а также публиковал произведения майстерзингеров и песни Старшей Эдды. Постепенно братья отходят от гейдельбергского кружка романтиков, в русле которого складывались их интерес к старине и понимание старины как времени святости и чистоты.

Я. Гримма характеризовали широкие культурные интересы. Интенсивные его занятия лингвистикой начались лишь с 1816. Он издал четырёхтомную "Немецкую грамматику" -- фактически историческую грамматику германских языков (1819--1837), опубликовал "Историю немецкого языка" (1848), начал издавать (с 1854) вместе с братом Вильгельмом Гриммом исторический "Немецкий словарь".

Под воздействием Р. Раска, с которым Я. Гримм находился в переписке, он создаёт теорию умлаута, отграничивая его от аблаута и преломления (Brechung). Им устанавливаются регулярные соответствия в области шумного консонантизма между индоевропейскими языками в целом и германскими в особенности -- так называемое первое передвижение согласных (тоже в продолжение идей Р. Раска). Он выявляет также соответствия в шумном консонантизме между общегерманским и верхненемецким -- так называемое второе передвижение согласных. Я. Гримм убеждён в наибольшей важности для доказательства родства языков регулярных звуковых ("буквенных") переходов. Вместе с тем он прослеживает эволюцию грамматических форм начиная от древних германских диалектов через диалекты среднего периода к новым языкам. Родственные языки и диалекты сопоставляются им в фонетическом, лексическом и морфологическом аспектах.

В работе "О происхождении языка" (1851) проводятся аналогии между исторической лингвистикой, с одной стороны, и ботаникой и зоологией, с другой стороны. Высказывается идея о подчинении развития языков строгим законам. В развитии языка выделяются три ступени -- первая (формирование корней и слов, свободный порядок слов; многоречивость и мелодичность), вторая (расцвет флексии; полнота поэтической силы) и третья (распад флексии; общая гармония взамен утраченной красоты). Делаются пророческие высказывания о господстве в будущем аналитического английского языка. "Бессознательно правящий языковой дух" признаётся фактором, направляющим развитие языка и (в близком согласии с В. фон Гумбольдтом) и играющим роль созидательной духовной силы, которая определяет историю народа и его национальный дух. Я. Гриммом уделяется внимание территориальным диалектам и их взаимоотношению с литературным языком.

Высказывается идея территориальной и (ещё в неполной форме) социальной неоднородности языка. Данные исследования диалектов признаются важными для истории языка. Я. Гримм решительно возражает против любого насильственного вторжения в сферу языка и попыток его регулирования, против языкового пуризма. Наука о языке определяется как часть общей исторической науки.

Франсуа Ренуар (1761--1836) и Фридрих Кристиан Диц (1761--1836) закладывают основы сравнительно-исторического романского языкознания. Ф. Ренуар возводит все романские языки к провансальскому (без достаточно строгих доказательств). Ф. Диц выступает как сторонник и защитник высказанного А.В. Шлегелем мнения о самостоятельном параллельном развитии романских языков из латыни с учётом фактора воздействия на неолатинские языки языков автохтонных народов (в современной терминологии языков-субстратов). Ф.К. Диц создаёт первую сравнительную грамматику романских языков (1836--1845). В начале следующего периода появляются первая сравнительная грамматика славянских языков (Франц /Франьо Миклошич, с 1852), сравнительная грамматика кельтских языков (Иоганн Каспар Цейс / Цойс, 1853).

Первые десятилетия 19 в. ознаменовались существенными результатами. Был найден наиболее надёжный элемент для сравнения -- грамматический показатель (прежде всего флексия), выработаны метод и основные формы сравнительно-исторических исследований, сформулировано понятие языкового закона, созданы основы научной этимологии (Август Фридрих Потт, 1833--1836). Было определено ядро индоевропейской семьи языков -- с добавлением языков кельтских, славянских, армянского, албанского, прусского. Были сделаны первые опыты установления степени генетической близости между индоевропейскими языками -- индийскими и иранскими, итальянскими и кельтскими, балтийскими и славянскими. Начали исследоваться двусторонние связи между группами языков, а именно связи языков славянско-балтийских, славянско-германских, кельтско-германских, кельтско-италийских. Были выделены крупные диалектные области. Началось создание первых сравнительно-исторических грамматик отдельных групп индоевропейских языков.

6.5. Сравнительно-историческое языкознание в России первой половины 19 в.

В российском языкознании первой половины 19 в. был весьма осязаем акцент сравнительного аспекта по сравнению с историческим (генетическим), что объяснялось и неактуальностью для славянских языковедов проблемы языка-источника, и серьёзным интересом к идеям универсальной логической грамматики (И.С. Рижский, И. Орнатовский, И.Ф. Тимковский). В истории языка исследовались лишь отдельные ключевые моменты. Этим было обусловлено отсутствие в русской науке больших обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских и даже славянских языков, подобных трудам Ф. Боппа и Я. Гримма.

Русские исследователи уделяли большее внимание слову в целом, нежели морфемам в его составе. Лексикографические занятия служили базой для сравнительного подхода к языкам. Слово, как правило, рассматривалось не в отрыве от текста. Благоприятной почвой для утверждения в науке о языке принципа историзма явилось русское славянофильство. Сильное воздействие на русских мыслителей оказали философия истории Гегеля и идеология романтизма. Следует отметить, что сторонники сравнительного подхода скорее ориентировались на форму, а сторонники исторического подхода -- на значение.

Первым представителем сравнительно-исторического языкознания в России явился Александр Христофорович Востоков (1781--1864). Он известен как поэт-лирик, автор одного из первых научных исследований русского тонического стихосложения, исследователь русских песен и пословиц, собиратель материала для славянского этимологического материала, автор двух грамматик русского языка, грамматики и словаря церковнославянского языка, издатель ряда древних памятников. В 1815 он обратился к занятиям языком памятников древнеславянской письменности. В 1820 им публикуется "Рассуждение о славянском языке", содержащее реконструкцию звуковых значений букв юс большой и юс малый и заложившее основы сравнительного славянского языкознания. В этом труде рассматриваются вопросы о периодизации истории славянских языков и их месте среди индоевропейских языков. А.Х. Востокову принадлежит подготовка теоретической и материальной базы для последующих исследований в области исторического словообразования, лексикологии, этимологии и даже морфонологии. Вклад А.Х. Востокова был сравнительным по методу и историческим по цели.

Другим основоположником отечественного сравнительно-исторического метода был Фёдор Иванович Буслаев (1818--1897), автор многих трудов по славяно-русскому языкознанию, древнерусской литературе, устному народному творчеству и истории русского изобразительного искусства. Его концепция формировалась под сильным влиянием Я. Гримма. Он сопоставляет факты современного русского, старославянского и других индоевропейских языков, привлекает памятники древнерусской письменности и народных говоров. Ф.И. Буслаев стремится установить связь истории языка с историей народа, его нравами, обычаями, преданиями и верованиями. Исторический и сравнительный подходы им различаются как подходы временной и пространственной.

"Снятие противоположности" сравнительного и исторического подходов происходит в работах Ивана Ивановича Давыдова (1794--1863), Осипа Максимовича Бодянского (1808--1877), Измаила Ивановича Срезневского (1812--1880), Петра Спиридоновича Билярского (1817--1867), Михаила Никифоровича Каткова (1818--1887), Петра Алексеевича Лавровского (1827--1886), знакомых с трудами немецких философов и даже слушавших их лекции в Германии. Завершается синтез лишь в последующий период А.А. Потебнёй. В их работах сочетаются "морфологизм" сравнительного подхода и "фонетизм" исторического подхода. Эти языковеды осознают базисную роль фонетики в сравнительно-историческом исследовании. Они понимают различие между буквой и звуком. Ими по сути дела открываются оттенки (комбинаторные варианты) фонем, что предварило последующие открытия Я.К. Грота, В.А. Богородицкого, А.И. Томсона, а в конечном итоге И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы.

Некоторые из представителей господствовавшей тогда "славянофильской" филологии -- в угоду политическим взглядам -- допускали фальсификацию отдельных фактов истории языка и искали в истории доказательства сравнительных достоинств и недостатков каждого культурного "организма", воплощение национального духа. "Славянофилы" увлекались психологическими аспектами говорения и социальными факторами. Наиболее выдающимися среди языковедов-славянофилов были Константин Сергеевич Аксаков (1817--1860) и Александр Фёдорович Гильфердинг (1831--1872). В стороне от борьбы партий стоял оригинальный мыслитель Герман Петрович Павский (1787--1863). Значительным был вклад Николая Ивановича Надеждина (1804--1856) и Михаила Александровича Максимовича (1804--1873) в разработку классификации славянских языков и в осознание

взаимоотношений между (велико)русским, белорусским и малорусским (украинским) языками.

6.7. Вильгельм фон Гумбольдт

Особое место в лингвистическом компаративизме первой половины 19 в. занимал крупнейший лингвофилософ и теоретик языка, основатель теоретического языкознания и лингвистической философии языка Карл Вильгельм фон Гумбольдт (1767--1835), Его отмечали блестящее образование, необычайно широкий круг интересов и занятий (многочисленные языки мира и их типология, классическая филология, философия, литературоведение, теория искусства, государственное право, дипломатия и т.д.; переводы из Эсхила и Пиндара). Он активно участвовал в государственной и интеллектуальной жизни, общался с Гёте, Шиллером и другими духовными вождями того времени. Вместе с братом Александром фон Гумбольдтом он основал Берлинский университет. В. фон Гумбольдт проповедовал необходимость всестороннего и гармоничного развития личности и всего человеческого рода и осуждал утилитаризм и узкую специализацию в университетском образовании. В. фон Гумбольдт был представителем синтетического знания, в то время как его предшественники (за исключением И. Гердера) выступали как представители аналитического знания.

Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта была реакцией на антиисторическую и механистическую концепцию языка 17--18 вв. Она имела источником идеи И. Гердера о природе и происхождении языка, о взаимосвязи языка, мышления и "духа народа", а также типологические классификации языков Фр. и А. В. Шлегелей. На формирование взглядов В. фон Гумбольдта оказали также влияние идеи немецкой классической философии (И. Кант, И.В. Гёте, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шиллер, Ф.В. Шеллинг, Ф.Г. Якоби). В. фон Гумбольдт выступил вдохновителем одного из течений в немецкой философии 1-й половины 19 в. - философской антропологии.

Основные теоретические и методологические принципы концепции В. фон Гумбольдта заключаются в следующем:

- а) синтез натуралистического и деятельностного подходы (язык как организм духа и как деятельность духа);
- б) диалектическое соотнесение противоположных начал (в форме антиномий);
- в) системно-целостный взгляд на язык;
- г) приоритет динамического, процессуально-генетического подхода над структурно-статическим;
- д) трактовка языка как порождающего себя организма;
- е) приоритет вневременного (панхронического или ахронического) взгляда на язык над историческим анализом изменения языка во времени;
- ж) приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма;
- з) сочетание интереса к реальному разнообразию существующих языков и к языку как общему достоянию человечества;
- и) попытка представить в идеальном плане языки как ступени к совершенному образованию языка как такового;
- й) отказ от описания языка только изнутри его самого, вне связей с другими видами человеческой деятельности;
- к) сочетание философски отвлечённого взгляда на язык со скрупулёзно-научным его изучением.

В формировании новой лингвистической методологии огромную роль сыграли статьи "О мышлении и речи" (реакция на выступление Г. Фихте "О языковой способности и происхождении языка"; 1795), "Лаций и Эллада" (где уже представлены все мотивы более позднего творчества; 1806), "О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития" (формулирование задач иного -- по сравнению с пониманием Ф. Боппа и Я. Гримма -- подхода к построению сравнительной грамматики; убеждение в изначальной сложности и системности языка; призыв к изучению языка как явления и естественнонаучного, и интеллектуально-телеологического; 1820), "О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие" (критика понимания языка как номенклатуры готовых знаков для понятий; неоконченная работа), "О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей" (доклад, в котором была выдвинута идея об обусловленности мышления языком; опубликован в 1820--1822) и особенно большое теоретическое введение к трёхтомному труду "О языке кави на острове Ява" (1836--1840), имеющее самостоятельное название "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества" (напечатано отдельно в 1907).

В. фон Гумбольдту принадлежит идея о построении "сравнительной антропологии", включающей в себя и теорию языка как орудия обозрения "самых высших и глубоких сфер и всего многообразия мира", "приближения к разгадке тайны человека и характера народов".

Ему присуще своё собственное понимание способов и целей лингвистического компаративизма, призванного, по его мнению, искать глубинные истоки языка не в материальных условиях жизни, а в духовной сфере. Языковая способность понимается им не только как уникальный дар человека, но и как его сущностная характеристика. Он утверждает изначальное единство языка и мышления, языка и культуры. В. фон Гумбольдт убеждён в том, что язык не развивается постепенно по пути усложнения и совершенствования, а появляется сразу как целостная и сложная система, заложенная в человеке. Им высказывается идея существования языка как неосознаваемой формы и как интеллектуальной активности, проявляющихся в актах "превращения мира в мысли". Он утверждает, что мышление зависит от языка, образующего промежуточный мир между внешней действительностью и мышлением. Разные языки квалифицируются как разные мировидения.

В. фон Гумбольдт выдвигает трёхчленную схему индивид -- народ -человечество, утверждая, что индивидуальная субъективность в постижении мира через язык снимается в коллективной субъективности данного языкового сообщества, а национальная субъективность -- в субъективности всего человеческого рода, объединяемого не на биологической, а на культурно-этической и социальной основе. Им постулируется тождество языка и национального духа, духа народа. Он указывает на то, что "истинное определение языка может быть только генетическим". Генетический момент констатируется скорее по отношению к речи, чем к языку.

Под языком понимается "каждый процесс говорения, но в истинном и существенном смысле... как бы совокупности всех говорений". Настойчиво подчёркивается творческая, "энергетическая" (т.е. деятельностная) природы языка. Язык трактуется как деятельность, главная по отношению ко всем другим видам деятельности человека, как деятельность человеческого духа (*energeia*), в которой осуществляется сплавление понятия со звуком, превращение звука в живое выражение мысли, а не как мёртвого продукта этой деятельности (*ergon*).

Языку приписываются две функции: а) расчленение бесформенной субстанции звука и мысли и формирование артикулированного звука и языкового понятия; б) соединение их в единое целое до полного взаимопроникновения.

Под формой языка понимается постоянное и единообразное начало в созидательной деятельности духа, взятое в совокупности своих системных связей и представляющее собой индивидуальный продукт данного народа. В языке различаются материя и форма, внешняя (звуковая и грамматическая) и внутренняя (содержательная) форма. Особое значение для последующих периодов развития языкознания имела трактовка внутренней формы языка, определяющей способ соединения звуков и мыслей, как собственно языка. Утверждалось, что у каждого языка наличествует своя внутренняя форма.

Предназначение языка видится в "превращении мира в мысли", в выражении мыслей и чувств, в обеспечении процесса взаимопонимания, в развитии внутренних сил человека. В каждом отдельном языке видится инструмент для специфической интерпретации мира в соответствии с заложенным в этом языке миропониманием, орудие формирования для говорящего на нём народа картины мира. Языку приписывается функция регулирующего воздействия на поведение человека.

Последователи В. фон Гумбольдта (Х. Штайнталь, А.А. Потебня, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев) констатируют следующие антиномии, иллюстрирующие диалектическую связь двух взаимоисключающих и взаимообуславливающих начал: деятельность -- предметность (*energeia* -- *ergon*, жизненность -- вещьность), индивидуум -- народ (индивидуальное -- коллективное), свобода -необходимость, речь -- понимание, речь -- язык, язык -- мышление, устойчивое -- подвижное, закономерное -- стихийное, импрессионистическое (временное, индивидуальное) -- монументальное, континуальное -- дискретное, объективное - субъективное.

Х. Штайнталем были впоследствии систематизированы разрозненные высказывания В. фон Гумбольдта о наличии лежащей между логикой и грамматикой "идеальной грамматики", категории которой собственно языку не принадлежат, но находят более полное или неполное выражение в категориях "реальной грамматики", имеющей как общий, так и частный разделы.

В. фон Гумбольдт закладывает основания для содержательной типологии языков, опирающейся на понятие внутренней формы (взятое у Дж. Харриса). Он признаёт своеобразие каждого языка как в плане формы, так и в плане содержания. В плане содержания самого языка выделяются не только идиоматический (идиоэтнический), но и универсальный компонент. В общем он следует идеям Дж. Харриса, но предлагает иной способ разграничения идиоэтнического и универсального. "Общее родство" (т.е. типологическая близость) понимается как "тождество целей и средств". Универсальное трактуется как основа способности к многоязычию, возможности адекватного перевода с языка на язык. Все типы языка признаются равноправными по своим возможностям, никакой из языковых типов не может считаться исходным.

Вслед за братьями Шлегелями, различаются языки изолирующие, агглютинирующие и флективные. В классе агглютинирующих языков выделяется подкласс языков со специфическим синтаксисом предложения -- инкорпорирующих. Возможность "чистых" языковых типов отрицается.

Идеи В. фон Гумбольдта в большей или меньшей мере будоражили многих учёных 19 и 20 вв. Попытки осмыслить и реализовать в описании языков идеи В. фон Гумбольдта имели

место сперва в Германии (в работах Х. Штайнталя, отчасти В. Вундта, Э. Гуссерля, Л. Вайсгербера), затем в России (в работах А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева). Сложилось в ряде разновидностей так называемое гумбольдтианство, которое характеризуют как совокупность взглядов на язык и способы его изучения, сформировавшихся в русле философско-лингвистической программы В. фон Гумбольдта.

Гумбольдтианство предполагает антропологический подход к языку, его изучение в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью. Но во второй половине 19 в. отсекается прежде всего универсальный компонент, наличие которого признавалось логической грамматикой и отвергалось грамматикой психологической. В соответствии с духом этого времени не нашли своего продолжения попытки В. фон Гумбольдта синтезировать логический и психологический подходы к языку, гумбольдтианцы целиком перешли на позиции психологизма. Довольно произвольную трактовку гумбольдтовского учения о внутренней форме языка давал Х. Штайнталь, а под его влиянием и А.А. Потебня. У них понятие внутренней формы языка было заменено иным по своему содержанию понятием внутренней формы слова.

В 20 в. идеи В. фон Гумбольдта нашли развитие в так называемом неогумбольдтианстве.

Глава 7

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19 в.

Литература: Звегинцев, В. А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В. М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т. А., Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Классификация языков. Законы развития языка. Логическое направление в языкознании. Натуралистическое направление в языкознании. Психологическое направление. Сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-исторический метод. Родство языковое. Праязык. Генеалогическая классификация языков. Индоевропеистика. Германистика. Славистика. Романистика. Кельтология. Гримма закон. Вернера закон. Типология. Типологическая классификация языков. Морфологическая классификация языков. Контакты языковые. Субстрат. Суперстрат. Диалектология. Лингвистическая география. Гумбольдтианство. Харьковская лингвистическая школа. Младограмматизм. Языкознание в России. Московская фортунатовская школа. Казанская лингвистическая школа.).

7.1. А. Шлайхер и натурализм в историческом языкознании

Первая половина 19 в. связана с начальным этапом развития (зарождением и утверждением) сравнительно-исторического языкознания. Второй этап развития лингвистического компаративизма (начало 50-х -- вторая половина 70-х гг. 19 в.) ознаменовался освобождением от идеи "национального языкового гения" и от иллюзий романтизма, усилением степени строгости исследовательского метода, попытками реконструировать гипотетический индоевропейский праязык, отказом от логического подхода, который предполагал ориентацию на неизменную и универсальную структуру языка и не давал объяснения его исторической изменчивости и разнообразию его форм. Языковеды обращаются теперь к тем наукам, которые исследуют природу изменяющихся явлений, а именно либо к естествознанию (биологии), занимающемуся материальными

явлениями, либо к наукам о духовной (психической) деятельности человека.

Представители лингвистического натурализма, вдохновлённые успехами дарвинизма, обратились к естествознанию, имеющему дело с генезисом биологических систем (организмов) и ставящему своей целью открыть регулярные законы биологической эволюции. Внедрение в языкознание принципа натурализма означало распространение на изучение языка и речевой деятельности принципов и методов естественных наук. Язык был признан природным явлением, развивающимся независимо от воли говорящего, эволюционным путём (подобно росту кристалла, растения или животного) и существующим в материальной форме, в виде звуков и знаков, которые воспринимаются органами слуха (или зрения). Было проведено резкое отграничение языкознания как естественной науки, изучающей фонетическое и морфологическое строение языка, объективные законы его развития, от филологии, имеющей дело с текстами как явлениями культуры, как продуктами субъективного, сознательного творчества людей и дающей им на основе лексического и стилистического анализа эстетическую оценку. На вооружение были приняты естественнонаучные методы наблюдения, сравнения и систематизации, а также моделирования исходных праформ.

Выдающимся представителем этого этапа развития лингвистического компаративизма был крупнейший исследователь-систематизатор Август Шлейхер / Шлайхер (1821--1868). Его отличали широкие и многообразные интересы; огромная лингвистическая эрудиция; новаторская во многих отношениях и плодотворная научная деятельность и огромные, оставшиеся незавершёнными исследовательские замыслы (особенно касающиеся взаимоотношений балтийских и славянских языков). А. Шлайхер был одним из пионеров полевой лингвистической работы (занятия литовским языком, лёгшие в основу научной литуанистики, основателем которой он считается по праву).

Он ревностно следовал в номенклатуре наименований не только духу, но и букве естествознания, а на конечном этапе довольно механистически идеям дарвинизма, что скорее вредило репутации этого крупного и плодовитого учёного, но не могло скрыть его стремления к раскрытию системного фактора в организации внутренней структуры языка и к обнаружению законов, управляющих эволюцией языка. Применённый им в описании языков биологический концептуальный аппарат и методы естествознания были для того времени наиболее точными, позволяющими открыть независимые от воли исследователя законы развития языка. Фактически у А. Шлайхера (в отличие от М. Мюллера) отсутствует вульгарное отождествление языка с естественным организмом. И вместе с тем он отказывается считать язык проявлением особого духовного начала (как у В. фон Гумбольдта и психологистов). Интересны и его упрёки в адрес Ч. Дарвина в частичных уступках религии.

А. Шлайхер направляет внимание на исследование "материально-телесных условий" речевой деятельности. Он признаёт то, что материальной основой языка являются мозг, органы речи и органы чувств, что действительное назначение языка -- быть органом мысли, мышлением в звуковой материи. Язык он понимает как "звуковое выражение мысли", как "мыслительный процесс, выявляющийся с помощью звука". Он признаёт равнозначность образования языка, с одной стороны, и развития мозга и органов речи, с другой стороны. Язык, по его мнению, создаётся на основе звукоподражаний и произвольных выкриков, при одновременном формировании материального субстрата мышления и механизма говорения, и в этом процессе находит воплощение собственно человеческая способность к

реализации духа в членораздельных звуках, очеловечивание природы. А. Шлайхер идёт по пути приближения к современному учению о связи языка с деятельностью высшей нервной системы, предвосхищая некоторые идеи нейролингвистики и биоллингвистики.

Он следует философии истории Гегеля, различая в соответствии с ней в развитии языка два периода -- юность (развитие по восходящей линии, совершенствование языка) и старение (развитие по нисходящей линии, распад языка) и уподобляя периоды развития отдельного языка периодам развития животных организмов (первоначальное создание, развитие, жизнь). А. Шлайхер считает, что язык -- это исключительное свойство, привилегия человека, в то время как у животных нет языка, а есть лишь "ужимки". Он убеждён в естественнонаучной природе законов развития языка (в особенности фонетических законов). Отсюда его требование учитывать при сравнении языков прежде всего регулярные звуковые соответствия. Им разграничиваются генетическое родство языков и их типологическое сходство. Родство языков понимается как наследование ими единой "звуковой материи".

А. Шлайхер первым предпринимает попытки реконструкции индоевропейского праязыка. Эпохальное значение имеет его басня, написанная на гипотетическом праязыке. Дополнительно к "теории родословного древа", с которой прежде всего и связывают имя А. Шлайхера, он выдвигает идеи о географическом варьировании языков и о языковых контактах. Лингвистику ("глоттику") он квалифицирует как часть естественной истории человека, а филологию как науку историческую. В этом разделении уже заложено обсуждавшееся впоследствии Ф. де Соссюром различие "внутренней" и "внешней" лингвистики. Он хорошо понимает необходимость различать системное рассмотрение и историю языка, систему языка и его становление, развитие (что позднее воплотилось в соссюровском различении синхронии и диахронии).

А. Шлайхер внёс огромный вклад в разработку лингвистической типологии. Им в основном были сохранены все уже выделенные предшественниками типы и признаны пути развития языков от изоляции к флексии, в новых флективных языках он находит свидетельства их деградации. Языковые элементы делятся им на выражающие значения (корни) и выражающие отношения (суффиксы и флексии). Классификация языковых типов строится на основе взаимоотношений корневых и некорневых частей слова. Соответственно различаются корневые, агглютинативные и флективные классы языковых организмов. Языки определяются им как корневые при недифференцированном выражении понятия и отношения, как агглютинативные - при обособленном выражении понятия и отношения, как флективные -- при тесном единстве выражения понятия и отношения. Флективный тип оценивается как наиболее совершенный. В каждом типологическом классе выделяются синтетический и аналитический подтипы. Им уже намечается скользящая типологическая классификация (сложившаяся в 20 в. в работах Э. Сепира). Закладываются основы для разработки теории стадияльных трансформаций морфологических типов.

А. Шлайхеру принадлежат следующие основные труды, оказавшие большое влияние на современников: "Языки Европы в систематическом освещении" (1850), "Морфология церковнославянского языка" (1852), "Руководство по изучению литовского языка" (1855--1857), "О морфологии языка" (1859), "Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков" (1861).

В последнем из названных трудов излагается принципиально новая концепция сравнительной грамматики индоевропейских языков по сравнению с грамматикой Ф. Боппа. Здесь предпринимается попытка реконструкции индоевропейского праязыка -- более не

отождествляемого с санскритом, но считающегося его идеализированной моделью -- с опорой на уже открытые к тому времени фонетические законы. Прослеживается его развитие в каждом из разветвлений. Для целей наглядности используется (что уже имело место у предшественников, прежде всего в работах Э. Лотнера) схема родословного древа, иллюстрирующая идею последовательного распада первоначального единства на отдельные языки и диалекты. Одновременно А. Шлайхер подчёркивает необходимость учёта контактов соседствующих языков. Он указывает на наличие фактора языковой непрерывности при движении между двумя отдалёнными географическими пунктами. Преимущественное внимание он уделяет фонетической стороне языка и меньше стороне морфологической. А. Шлайхер верит в нисходящее направление развития языка (упадок, деградацию) в исторический период).

Далее, среди трудов А. Шлайхера могут быть названы "Теория Дарвина и наука о языке" (1863; русский перевод: 1864), "Значение языка для естественной истории человека" (1865), "Немецкий язык" (1860; переработанное и расширенное издание после смерти автора: 1869). В последней книге он даёт наиболее полное изложение своих теоретических взглядов на материале германских языков. Важны его рассуждения о природе фонетических законов и о роли аналогии, о системной организации языка, о различии частных и всеобщих, универсальных звуковых законов, о противопоставлении литературного немецкого языка и диалектов как искусственного и естественных образований, о необходимости создания "диалектной карты Германии". Велик его интерес к физиологии звуков, которая легла впоследствии в основу физиологической фонетики.

Для последующей истории науки о языке были весьма важны следующие идеи А. Шлайхера: выдвижение и отстаивание принципа системности в историческом языкознании; указание на взаимодействие в развитии языка звуковых законов и изменений по аналогии; выработка строго метода реконструкции праязыка; развитие морфологической и генеалогической классификаций языков; указание на важность изучения взаимодействия языков в пространстве; привлечение внимания к физиологической и психофизиологической сторонам речевой деятельности.

Биологическая (натуралистическая) концепция языка, одновременно с А. Шлайхером и вслед за ним, развивалась в работах Морица Карла Раппа (1803--1883); Фридриха Макса Мюллера (1825--1900), считавшего, что мозг выделяет мысль, подобно тому как печень выделяет жёлчь (1861; русский перевод: 1865), Александра Абеля Овлака (1876, русский перевод: 1881), частично у Уильяма Дуайта Уитни, повлиявшего в определённой степени на становление концепции Ф. де Соссюра (1875; русский незаконченный перевод: 1885). Резкой критике биологизм в языкознании подвергается с позиций психологизма в работах Х. Штайнталя, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ. Но и у психологистов термин "организм" долго ещё употреблялся как метафора, служившая для обозначения целостности языка, взаимной обусловленности его частей. Кстати, это слово широко употреблялось и предшественниками А. Шлайхера.

В дальнейшем доведённый А. Шлайхером до высокой степени совершенства сравнительно-исторический метод использовался для открытия целого ряда новых звуковых законов. Герман Грассман, относясь с особым вниманием к фонетической стороне и в основном опираясь на шлайхеровские идеи, открывает (1863) закон, касающийся мнимой аномалии в соотношении начальных губных согласных в ряде языков. Грацидио Изая Асколи обнаруживает (1870) два ряда соответствий индоевропейским гуттуральным

согласным. Карл Бругман (1876) и Йоханнес Шмидт (1871--1875) вносят уточнения в состав праиндоевропейского вокализма. Осуществляется успешный опыт Германа Остгофа по реконструкции индоевропейских слоговых сонантов -- носовых и плавных. Карл Вернер (1877) открывает закон о соотношении германских рефлексов индоевропейских смычных в зависимости от места ударения. Г. Коллиц и Й. Шмидт (1879--1981) формулируют закон палатализации и проводят разграничение языков *centum* и *satem* (в зависимости от реализации индоевропейского заднеязычного смычного).

Младограмматики, несмотря на их психологическую ориентацию, принимают основные идеи А. Шлайхера о звуковых законах, грамматической аналогии и его метод реконструкции прошлых языковых состояний. Лингвогеографические идеи А. Шлайхера оказали влияние на Г. Шухардта, Й. Шмидта, составителей первых диалектографических атласов, исследователей проблемы языковых союзов. Уже в 50-х и 60-х гг. начали возникать теории, предполагающие известную текучесть границ данной языковой группы по отношению к другим, географическую вариативность языков, языковую непрерывность в пространстве, взаимодействие граничащих языков (Адольф Пикте, Герман Фридрих Эбель, Йоханнес Шмидт с его знаменитой "теорией волн": 1872).

Типологические идеи А. Шлайхера получили развитие в работах Х. Штайнталя, М. Мюллера, Ф. Мистели, Ф.Н. Финка, пошедших по пути превращения одномерной (морфологической) классификации языков в многомерную, которая принимает во внимание данные всех уровней языка. В 20 в. строятся скользкие типологические классификации языков (Э. Сепир, Дж. Гринберг). К глоттогоническим аспектам стадильной теории А. Шлайхера (в частности к проблеме корня) проявлялся интерес в индоевропеистике 20 в. (А. Мейе, Г. Хирт, Э. Бенвенист, Е. Курилович).

В языковании второй половины 19 в. заметное место занимает Георг Курциус (1820--1885) как выдающийся продолжатель А. Шлайхера, перешагнувший рубеж нового периода развития компаративизма. Ему принадлежат тонкие исследования древнегреческого основообразования. Он признаёт два периода развития индоевропейской языковой структуры -- "период организации", когда создаются все основные типы языковых форм, и "период совершенствования", когда изменения происходят в твёрдых границах типа. Им учитывается важность изучения позднейших процессов, но главная цель видится всё же в выявлении первоначальных составных частей существующих форм и в распознании "бессознательных целей творившего языкового духа".

Г. Курциус понимает (в духе бопповской теории агглютинации) морфологические процессы в период организации языка как присоединение к глагольным и именным основам односложных местоимённых основ поодиночке или группами. Он ставит вопрос о хронологической последовательности этих процессов и выдвигает важное понятие языковой хронологии. Выделяются 7 периодов развития общеиндоевропейской морфологической структуры (период корней, период детерминативов, первичный глагольный период, период образования тематических основ, период сложных глагольных форм, период образования корней, период образования наречий). Различаются "правильные" (регулярные) и "спорадические" (нерегулярные) звуковые изменения. Г. Курциус создаёт фактически первый этимологический словарь греческого языка (1858--1862).

Лингвистические построения А. Шлайхера и Г. Курциуса знаменовали собой завершение очередного (второго) периода развития сравнительного языкознания, в течение которого на гигантском эмпирическом материале были обоснованы положения о родстве

индоевропейских языков и полностью утвердился принцип историзма. Среди достижений этого периода можно ещё назвать публикацию Августом Фиком (1868) "Сравнительного словаря индоевропейских языков", существенно дополнившего компендиум А. Шлайхера.

Другие достижения второго этапа компаративизма состоят в следующем: включение в исследование ведийских, древнеперсидских, авестийских, гомеровских, италийских текстов; лингвистическая интерпретация балтийских языков и старославянского; появление новых сравнительно-исторических исследований по отдельным группам языков; зарождение науки об индоевропейских древностях и сравнительной мифологии (Адальберт Кун, А. Пикте).

7.2. Х. Штайнталь и психологизм в историческом языкознании

На протяжении ряда столетий в лингвистических работах господствовал логицизм, имевший своим истоком античную философскую мысль и исходивший из принципов инвариантности и универсальности семантической (глубинной) структуры предложения и внутренней структуры языка вообще, сыгравший серьёзную роль в выработке достаточно строгих способов лингвистического анализа.

Но в середине 19 в. традиционное логическое языкознание признаётся несоответствующим новым исследовательским целям. Внимание языковедов переключается с проблемы инвариантности внутренней структуры человеческого языка вообще на проблему бесконечного разнообразия отдельных языков. Их не интересует теперь универсальный механизм организации и внутренней устойчивости языков, поиски направляются на доказательство неслучайного характера изменчивости языков, их разнообразия во времени и пространстве, на объяснение причин бесконечного варьирования. Этим и было обусловлено, как уже отмечалось, обращение к наукам, изучающим либо законы биологической эволюции (биология), либо законы, управляющие духовной деятельностью человека и языкового сообщества (индивидуальная и этническая психологии, зависящие от психологии культурная антропология, социология, эстетика и т.п.).

Психологическое направление возникает как реакция на традиционный логицизм и формализм, с одной стороны, и модный, склонный к известной вульгаризации натурализм (биологизм). Завязывается ожесточённая полемика с натурализмом. Возникает стремление исследовать живой язык в его реальном функционировании, в процессах речевой деятельности, но без ориентации на её физиологические и психофизиологические аспекты. Язык начинает трактоваться как феномен психологического состояния и духовной деятельности человека или народа, что в значительной степени вытекало из философии языка В. фон Гумбольдта.

Основателем психологического течения в языкознании был видный теоретик и систематизатор Хайман Штейнталь / Штайнталь (1823--1899), известный прежде всего как интерпретатор идей В. фон Гумбольдта и резкий критик и натурализма А. Шлайхера, и основных принципов логической грамматики, особенно в том виде, как она была представлена в "Организме языка" (1841) Карла Фердинанда Беккера (1775--1849). Важнейшими его работами были: "Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения" (1855), "Введение в психологию и языкознание" (2-е изд. 1881), а также "Происхождение языка" (4-е изд. 1888), "Классификация языков как развитие языковой идеи" (1850), "Характеристика важнейших типов строя языка" (1860), "Произведения В. Гумбольдта по философии языка" (1848), "История языкознания у греков и римлян" (2-е изд. 1890--1891). Им (совместно с М. Лацарусом) был основан (1860) журнал по этнической психологии и языкознанию.

Основой послужила механистическая концепция ассоциативной психологии Иоганна Фридриха Гербарта (1776--1841), кладущая в основу образования представлений психические законы ассимиляции, апперцепции и ассоциации. Х. Штайнталь пытался объяснить на основе этих законов происхождение языка и процессы его развития. Он считает несовместимыми специфические для каждого народа категории языка и общечеловеческие категории логики. Внимание сосредоточивается на индивидуальном акте речи как явлении сугубо психическом.

Х. Штайнталь стремился перейти от явлений индивидуальной психологии к этнопсихологии, т.е. психологии, изучающей "законы духовной жизни" наций, политических, социальных и религиозных общин. Он пытался установить на этой основе связи типов языков с типами мышления и духовной культуры народов. Этнопсихология сводится им к проявлениям "симпатий" между людьми, что делало эту науку крайне необъективной. Формировалось представление о человеке как о говорящем существе, создавшем язык одновременно из своей души и из души слушающего, как о члене определённого национального коллектива, как индивиде, который мыслит одинаково с другими мыслящими индивидами в рамках данного национального единства. Язык трактуется как продукт сообщества, как самосознание, мировоззрение и логика духа народа. Предлагается изучать язык и его характерные особенности через данную в опыте звуковую сторону языка, репрезентирующую внутреннюю форму языка, которая обуславливает национальный тип языка. Предлагается рассматривать язык, а также нравы и обычаи, установления и поступки, традиции и песнопения как продукты духа народа.

Язык определяется как выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулируемых звуков. Проводится различие речи (говорения) как происходящего в настоящее время (или мыслимого как происходящее в настоящее время) проявления языка; способности говорить, включающей в себя способность издавать артикулируемые звуки и совокупное содержание предшествующего языку и подлежащего языковому выражению внутреннего мира; языкового материала как созданных речевой способностью в процессе говорения воспроизводимых элементов (или действий) для выражения отдельных внутренних предметов. Отдельный, конкретный язык рассматривается как совокупность языкового материала какого-либо народа. Утверждается приоритет речи как деятельностного начала.

Предлагается видеть в языкознании познающую (т.е. описательную и объяснительную), а не оценивающую (т.е. предписывающую, нормализаторскую) науку. Обращение к оценочным, эстетическим критериям допускается лишь в метрике и в работе по классификации или систематизации языков как продуктов ума и орудий умственного развития.

Языкознание относится к числу психологических наук (в связи с определением речи как духовной деятельности), а отдельные языки объявляются особыми продуктами человеческого ума и причисляются к истории, к собственно языкознанию. Языкознание оценивается как наилучшее введение в психологию народов. Поэтому предлагается отказаться от слов организм, органический в их естественнонаучном значении и рассматривать язык как связную систему, все части которой однотипны, как систему, проистекающую из единого принципа, индивидуального духовного продукта, единство которого заложено в своеобразии народного духа.

Психологизм становится господствующим методологическим принципом языкознания второй половины 19 в. и первых десятилетий 20 в. Лингвопсихологические идеи Х. Штайнталя оказали влияние на А.А. Потебню, И.А. Бодуэна де Куртенэ, на младограмматиков. Психологический подход превратился в инструмент для понимания сущности различий между языками и в формальном, и в содержательном аспектах и специфики их исторического развития.

Но наблюдались многочисленные попытки иного его истолкования. А.А. Потебня развил оригинальную лингвопсихологическую концепцию, которая легла в основу деятельности Харьковской лингвистической школы. Психологом и психофизиологом Вильгельмом Вундтом (1832--1920) был предпринят свой опыт создания психологии народов. Младограмматики переориентировались с этнической психологии на индивидуальную, лишая тем самым исследование языка социальной ориентации.

Многие представители фортуанатовской школы стремились заменить психологический (содержательный) подход к анализу языковых фактов формальным. Психологизм выступил в сочетании с социологизмом в работах многих представителей бодуэновско-щербовского направления, у Ф. де Соссюра, у представителей Женевской школы и французской школы социологического направления. Отход от психологизма и возвращение к логицизму наблюдался в глоссематике Л. Ельмслева, а также на поздней ступени развития американского дескриптивизма. И, напротив, возвращение к психологизму наблюдается в позднем генеративизме и в функционально-деятельностном (антропологическом) языкознании.

Можно отметить некоторые последующие опыты построения лингвопсихологических концепций, привлекавших внимание лингвистов. Среди их авторов были Вильгельм Вундт (1832--1920); Антон Марти (1847--1914), Карл Людвиг Бюлер (1879--1963), Гюстав Гийом (1883--1960), Лев Семёнович Выготский (1896--1934) и др.

На языкознание первой половины 20 в. (особенно на дескриптивную лингвистику в США и отчасти на лондонскую лингвистическую школу), а также на формирование и развитие в США семиотики повлияла классическая поведенческая (бихевиористская) психология, трактующая поведение человека как совокупность двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных реакций организма на стимулы внешней среды и отрицающая сознание как предмет психологического исследования (Джон Бродис Уотсон, Эдуард Ли Торндайк, Беррес Фредерик Скиннер). Во второй половине 20 в. сформировался

необихевиоризм, сыгравший свою роль в возникновении в середине 50-х гг. 20 в. на стыке языкознания и психологии новой дисциплины -- психолингвистики, трудно отграничиваемой от лингвopsихологии (психологии языка).

7.3. А. А. Потебня и Харьковская лингвистическая школа

Александр Афанасьевич Потебня (1835--1891) был крупным и оригинальным учёным синтетического склада, совместившим в себе философа, языковеда, историка литературы, исследователя фольклора и мифологии, принадлежащим в равной степени украинской и русской науке.

Его характеризовал широкий круг лингвистических интересов (философия языка, синтаксис, морфология, фонетика, семасиология русского и славянских языков, диалектология, сравнительно-историческая грамматика, проблема языка художественных произведений, эстетическая функция языка). Он занимался теорией словесности, поэтикой, историей литературы, этнографией, фольклором. А.А. Потебня знал, кроме родных украинского и русского, ряд древних и новых языков (старославянский, латинский, санскрит, немецкий, польский, литовский, латышский, чешский, словенский, сербскохорватский).

Его основные работы: "Мысль и язык" (1862), "Два исследования о звуках русского языка" (1864--1865), "Заметки о малорусском наречии" (1870), "Из записок по русской грамматике" (1874 -- части 1 и 2; посмертно, 1899 -- часть 3; 1941 -- часть 4), "К истории звуков русского языка" (1874--1883), "Объяснения малорусских и сродных народных песен" (2 тома -- 1883 и 1887), "Значения множественного числа в русском языке" (1887--1888). "Этимологические заметки" (1891). Издавалось им со своими примечаниями "Слово о полку Игореве".

Лингвистические взгляды А.А. Потебни складывались под сильным влиянием В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя. Он сближает и вместе с этим разграничивает задачи языкознания и психологии. Для него сравнительный и исторический подходы неразрывно связаны.

Сравнительно-историческое языкознание представляет с его точки зрения собой форму протеста против логической грамматики. Язык понимается как деятельность, в процессе которой непрерывно происходит обновление языка, изначально заложенного в человеке в качестве творческого потенциала. А.А. Потебня утверждает тесную связь языка с мышлением и подчёркивает специфичность языка как формы мысли, но "такой, которая ни в чём, кроме языка, не встречается". Логика квалифицируется как наука гипотетическая и формальная, а психология (а тем самым и языкознание) как наука генетическая. Подчёркивается более "вещественный" (по сравнению с логикой) характер "формальности" языкознания, не большей, чем у других наук, его близость к логике. Язык трактуется как средство не выражать уже готовую мысль, а создавать её.

Различаются логические и языковые (грамматические) категории. Подчёркивается, что последних несравненно больше и что языки различаются между собой не только в звуковой форме, но и строем выразившейся в них мысли, своим влиянием на последующее развитие народов. Речь считается одной из сторон большего целого, а именно языка. А.А. Потебне принадлежат утверждения о нераздельности речи и понимания, о принадлежности понятного говорящему не только ему самому. Внимание обращается прежде всего на динамическую сторону языка -- речь, в которой "совершается действительная жизнь слова", только в которой возможно значение слова и вне которой слово мертво.

По А.А. Потебне, слово имеет не более одного значения, а именно того, которое реализуется в акте речи. Он не признаёт действительного существования общих значений слов (как формальных, так и вещественных). При этом он подчёркивает, что слово выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак, что в слове есть два содержания -- объективное (ближайшее этимологическое содержание слова, заключающее в себе только один признак; народное значение) и субъективное (дальнейшее значение слова, в котором может быть множество признаков; личное значение), что слово как акт познания содержит в себе, кроме значения, знак, указывающий на актуальное значение и опирающийся на прежнее значение, что звуковая форма слова тоже есть знак, но знак знака. Знак значения трактуется как признак, являющийся общим между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, своего рода заместителем, представителем соответствующего образа или понятия. Под внутренней формой слова понимается отношение содержания мысли к сознанию, представление человеком его собственной мысли. Слово определяется как звуковое единство с внешней стороны и как единство представления и значения с внутренней стороны.

На грамматическую форму распространяется то же трёхэлементное строение. Грамматическая форма признаётся элементом значения слова, однородным с его вещественным значением. Рекомендуются проследить историю употребления слов в процессе исторического развития языка с целью сделать выводы о характере изменений в мышлении данного народа и человечества в целом.

А.А. Потебня предвосхищает соссюровское противопоставление синхронии и диахронии. Он призывает к изучению явлений языка в их взаимосвязи, взаимообусловленности (т.е. в системе).

Особой заслугой А.А. Потебни является разработка "ономатопоэтической теории языка", в соответствии с которой мыслительно-речевой акт считается индивидуально-психическим творческим актом, признаваемым или отвергаемым при его восприятии и порождающим новую мысль, а не воспроизводящим уже готовую истину. Основным фактором развития языка признаётся смена поэтического мышления мышлением прозаическим.

Критике подвергаются теория "двух периодов" в развитии языка и шлайхеровский натурализм. А.А. Потебня призывает к исследованию языка в связи с историей народа, с обращением к фольклору и художественным ценностям, составляющим достояние национальной культуры. Он постоянно обращается к понятиям народ и народность. Язык выступает как порождение "народного духа" и вместе с тем как источник национальной специфики народа ("народности"). Учёный стремится придать своим исследованиям культурно-исторический характер (эта линия продолжается в работах Е.Г. Кагарова, О.М. Фрейденберг, Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого и др.). В поэтическом слове выделяются три составных элемента: внешняя форма (звучание), значение и внутренняя форма, т.е. образ. Поражает всепроникающая семантическая лингвистических построений А.А. Потебни.

Грамматические категории он трактует как основные категории мышления. Значительный вклад А. А. Потебня внёс в разработку синтаксиса, в рамках которого формировались оригинальные представления о слове, грамматической форме, грамматической категории.

Историко-генетический принцип применяется им к анализу и осмыслению синтаксических явлений. Предложение предстаёт как пространство пересечения

грамматических категорий. Его структура уподобляется структуре сформулированной в нём мысли. Процесс выявления эволюции типов предложения приравнивается к установлению исторической типологии мышления. А.А. Потебня говорит о росте предикативности по мере развития языка и эволюции сознания как свидетельстве усиления динамического, процессуального начала (отклик на эти идеи встречается в теориях эргативности у Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Г. Шухардта). А.А. Потебня подчёркивает влияние языка на формирование мифологического сознания (на материале наложения христианства на русское язычество).

Ему принадлежит трактовка мифа как специфического слова. Выработанный им лингвистический подход прилагается к построениям в области поэтики и эстетики, символики фольклора и художественного творчества (позднее поэт-символист Вячеслав Иванов пытался представить А.А. Потебню первым теоретиком символизма).

Вся деятельность А.А. Потебни была с Харьковским университетом, где при его активном участии и под его влиянием складывалась Харьковская лингвистическая школа, лингвистические основания которой разрабатывались ещё до А.А. Потебни Измаилом Ивановичем Срезневским (1812--1880) и Петром Алексеевичем Лавровским (1827--1886).

Представителями этой школы, осуществлявшими разработку истории языка в широком культурно-этнографическом и поэтическом контексте, исторического синтаксиса, морфологии, семасиологии, лингвостилистики, лингвистической поэтики, диалектологии, были Александр Васильевич Попов (1808--1880), Митрофан Алексеевич Колосов (1839--1881), Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853--1920), Михаил Георгиевич Халанский (1857--1910), Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867--1941), Василий Иванович Харциев (1865--1937), Алексей Васильевич Ветухов (1868 или 1869--1943 или 1946), Борис Андреевич Лезин (1880--1942). Близки к её традициям были Иван Михайлович Белоруссов (1850--?), Антон Семёнович Будилович (1846--1906), Николай Кузьмич Грунский (1872--1951), Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856--1926), Антон Вячеславович Добиаш (1846 или 1847--1911), отчасти Борис Михайлович Ляпунов (1862--1943).

7.4. Младограмматический период развития сравнительно-исторического языкознания

В конце 70-х гг. 19 в.--20-е гг. 20 в. развитие сравнительно-исторического языкознания и лингвистического компаративизма в целом ознаменовалось превращением языкознания в весьма точную науку со сложным методологическим аппаратом и строгой техникой анализа. Часто, хотя и не вполне корректно этот период в целом характеризуется как младограмматический, хотя к числу собственно младограмматиков из-за серьёзных теоретических и методологических расхождений с ними не могут быть отнесены работавшие в это же время в историческом языкознании Х. Шухардт, К. Фосслер, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, А. Мейе, а также отчасти Ф. Ф. Фортунатов, Г. И. Асколи, П. Кречмер и некоторые другие языковеды.

Младограмматизм был по преимуществу (но, конечно, не только) течением немецкой лингвистической мысли, возникшим в Лайпцигском университете и широко распространившим своё влияние в Германии и далеко за её пределами. Основными школами младограмматизма в Германии были возникшая первой лейпцигская / лайпцигская (представителям которой Фридрих Царнке и дал шутливое имя младограмматиков -- Junggrammatiker) и конкурировавшие с ней гёттингенская и берлинская.

Центральными фигурами немецкого младограмматизма являются Карл Бругман (1849--

1919), Герман Остгоф / Остхоф (1847--1909), Бертольд Дельбрюк (1842--1922), Герман Пауль (1846--1921), а также Генрих Иоганн Хюбшман (1848--1908), Август Лескин (1840--1916), Август Фик (1833--1916), Фридрих Бехтель (1855--1924), Адальберт Беценбергер (1851--1922), Герман Коллиц (1855--1935), Кристиан Бартоломе (1855--1925), Феликс Зольмсен (1865--1911), Иоганнес Шмидт (1843--1901), Вильгельм Шульце (1863--1935).

Программные идеи младограмматиков изложены в предисловии к первому тому "Морфологических исследований" Г. Остхофа и К. Бругмана (1878), послужившем как своего рода манифестом новой школы, и в книге Г. Пауля "Принципы истории языка " (1880) как своеобразной библии младограмматизма.

Продолжили традиции младограмматизма в Германии: Вильгельм Штрайтберг, Эрнст Виндиш, Генрих Циммер, Райнгольд Траутман, Фридрих Клуге, Алоис Вальде, Рудольф Турнейзен, Герман Хирт, Фердинанд Зоммер. К представителям младограмматизма относятся: в Скандинавии -- Софус Бугге (1833--1907), Карл Адольф Вернер (1846--1896), Хольгер Педерсен (1867--1953); в Швейцарии -- Якоб Ваккернагель (1853--1938); в Австрии -- Пауль Кречмер (1866--1956). В русле младограмматизма начал свою научную деятельность Ф. де Соссюр. К ряду методологических позиций младограмматиков примыкали Ф.Ф. Фортунатов (Россия), А. Мейе и его ученики Р. Готьо и Ж. Вандриес (Франция).

Новое направление было реакцией на достижения двух предшествовавших периодов развития исторического языкознания. Младограмматики отказались от многих идей первой половины 19 в. (единство глоттохронологического процесса; переход языков от первоначального аморфного (корневого) состояния через агглютинацию к флективному строю; идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, обусловленной национальным "духом" народа; учение А. Шлайхера о языке как природном организме и о двух периодах в жизни языка -- творческом доисторическом, когда происходило становление форм языка, и историческом, когда происходило разрушение этих форм).

Младограмматики обратились к изучению говорящего человека, к трактовке языка как индивидуально-психического явления, обеспечивающего общение и понимание благодаря одинаковым условиям жизни говорящего и слушающего, благодаря общности возникающих в их душах комплексов представлений. Они стали определять язык не как природное, а как общественное установление, которое не стоит вне людей и над ними, не существует само для себя, а существует по-настоящему только в индивидуе. Языкознание было отнесено к кругу культуроведческих наук, базирующихся на психологии индивида. Наряду с психологией учитывалась и физиология, что приводило к дуализму в трактовке языковых явлений. Младограмматикам были присущи позитивистская установка на работу только с эмпирическими данными и отказ от широких теоретических обобщений.

Особенности функционирования и изменчивости языка (его звуков и форм) объяснялись ими через противодействие физиологических по своей природе процессов регулярных звуковых изменений, совершающихся механически, на основе общих для всех членов языкового сообщества фонетических законов, со строгой последовательностью, без каких-либо исключений (если на данную звуковую закономерность не накладывается другая звуковая закономерность), и психологических по своему характеру изменений по аналогии, основанной на том, что в речевой деятельности могут не только воспроизводиться готовые формы, но и создаваться по сходству с уже имеющимися новые формы.

Многие современники младограмматиков не принимали их фетишизации понятия

фонетического закона. В ходе многолетних дискуссий и критики младограмматических позиций в этом вопросе был открыт ряд других звуковых законов (К. Вернер, Ф. де Соссюр, Ф.Ф. Фортунатов, А. Лескин, Г. Хирт). Появились попытки формулировать наличие -- по аналогии с фонетическими -законов, описывающих явления синтаксиса (Я. Вакернагель).

Наиболее значительны успехи младограмматиков главным образом в области сравнительно-исторической фонетики и морфологии. Они создали довольно целостную картину индоевропейского вокализма и звуковых чередований, заложили основы индоевропейской морфонологии. Учеником младограмматиков Ф. де Соссюром был открыт (1879) благодаря системному анализу языковых фактов "сонантический коэффициент", объясняющий возникновение долгих гласных и развитие индоевропейского аблаута, что явилось самым блестящим достижением этого периода, которое нашло подтверждение в исследованиях Ф.Ф. Фортунатова, Фридриха Куршайтиса, Ежи Куриловича и др. Младограмматики уточнили понятие корня, установили его историческую изменчивость. Они требовали строгого подхода к этимологическому анализу. Ими была достигнута высокая степень достоверности в лингвистической реконструкции, получены достаточно точные знания о звуковом составе и морфологической структуре индоевропейского праязыка и о закономерностях изменений языков в историческую эпоху.

В центр внимания была поставлена индивидуальная речь, понимаемая как база для отклонений от узуса и для распространения таких отклонений, превращающихся постепенно из случайных и мгновенных в общее и узусальное. Подобным же образом на основе представления о неустойчивости индивидуальной психики трактовались изменения в смысле слов и возможном перерастании окказиональных значений в узусальные. Благодаря успехам лингвистической реконструкции было получено достаточно точное знание о звуковом составе и морфологической структуре индоевропейского праязыка и о закономерностях изменений языков в историческую эпоху.

Младограмматики преодолели фетишизм письма и начали изучать реальное звуковое значение букв в древних текстах. Они проявляли интерес к живому произношению и к изучению физиологических и акустических аспектов звуков речи, что стало стимулом для выделения фонетики в самостоятельную языковедческую дисциплину. Была вычленена семантика как самостоятельная лингвистическая дисциплина (Мишель Бреаль, Михаил Михайлович Покровский), хотя в общем младограмматики оставались индифферентны к лексической семантике и в основном интересовались фонетическими и грамматическими явлениями. Благодаря их интересу к живой народной речи и жизни диалектов возникла диалектография, фиксирующая на географических картах распространение звуковых явлений (немецкая школа диалектографии: Георг Венкер, 1852--1911; Фердинанд Вреде, 1863--1934) и распространения лексических единиц (французская школа диалектографии: Жюль Жильерон, 1854--1926; Эдмон Эдмон, 1848--1926).

Младограмматизм был вершина достижений лингвистического компаративизма конца 19 -- начала 20 вв. Он сохранял довольно долго своё господство (до 10-х--20-х гг. 20 в., а в Германии в условиях изоляции её учёных от мировой науки в годы фашистской диктатуры вплоть до конца второй мировой войны). Несмотря на серьёзную критику со стороны других направлений в западноевропейской (и особенно в германской) науке о языке продолжали учитываться основные младограмматические постулаты, сформулированные ещё в конце 70-х -- начале 80-х гг. 19 в.

Присущие классическому (немецкому) младограмматизму слабые стороны обусловили

стремление или усовершенствовать младограмматическую технику лингвистического описания, или выдвинуть в противовес младограмматизму свои исследовательские программы. Младограмматиков характеризовали: боязнь теории и философии языка, широких теоретических обобщений; стремление ограничиться только индуктивным подходом и эмпирическими обобщениями; фактически несостоятельное индивидуально-психологическое понимание языка, приводившее к отрицанию реальности общего для данного народа языка, к объявлению общего языка научной фикцией; ограничение внутренней историей языка и недооценка связей истории языка с историей общества; атомизм, проявившийся в недостаточном учёте системной взаимообусловленности языковых явлений; невнимание к проблемам диалектного членения праязыка и вообще индоевропейских древностей; пренебрежительное отношение к описанию языка в более существенном для говорящего человека синхроническом плане.

.Критика слабых сторон младограмматизма велась в последние десятилетия 19 в. и в первые десятилетия 20 в. с разных методологических позиций в работах Г. Курциуса (ученика А. Шлайхера), И.А. Бодуэна де Куртенэ (создателя собственного направления в языкознании, провозгласившего приоритет синхронического подхода к языку над историческим), Хуго Шухардта (подвергнувшего резкой критике младограмматическое понимание фонетических законов и предложившего взамен теории распада индоевропейского праязыка теорию смешения и скрещивания языков, поставившего под сомнение целостность языка в географическом пространстве и говорившего о географической непрерывности языков и диалектов), Жюля Жильерона (одного из основоположников лингвистической географии, результаты которой ставили под сомнение тезис о наличии фиксированных границ между диалектами), Антуана Мейе (одного из представителей социологического направления во французском языкознании, искавшего причины языковых изменений в социальных факторах и видевшего в праязыке лишь гипотетическую систему соответствий между родственными языками), Карла Фосслера (последователя философии Бенедетто Кроче и основоположника эстетического направления в языкознании, осудившего увлечение младограмматиков фонетикой и их механицизм, предложившего поставить во главу лингвистического описания стилистику -- исходя из признания решающей роли в языковых изменениях эстетического фактора и индивидуального поэтического творчества выдающихся личностей), итальянских неолингвистов Маттео Джулио Бартоли, Джулио Бертони, Витторе Пизани, Джулиано Бонфанте (не принявших утверждений о непреложности фонетических законов и в основном разделявших идеи Х. Шухардта, Б. Кроче, К. Фосслера и внёсших серьёзный вклад в развитие принципов и методов ареальной лингвистики), Ф. де Соссюра (создателя оригинальной лингвистической концепции, послужившей -- наряду с идеями Ф.Ф. Фортунатова и И.А. Бодуэна де Куртенэ -теоретической и методологической основой поворота языкознания 20 в. к синхронизму), представителей немецкого неогумбольдтианства (Лео Вайсгербер и др.).

Многие последователи младограмматизма конца 19 -- начала 20 вв. (Петер фон Брадке, Г. Хирт, Зигмунд Файст, А. Вальде, Маттеус Мух, Густав Коссина) предпринимали активные попытки заполнить пробелы, касающиеся соотношения современных индоевропейских языков в пространственном плане, с учётом достижений археологии (прародина индоевропейцев и их позднейшие миграции, промежуточные "прародины", границы распространения индоевропейского языка в разные хронологические периоды, основные этапы его расчленения).

Другие сторонники младограмматизма (Отто Шрадер, Буркард Вильгельм Лайст, Рудольф Мерингер) пытались дополнить внутреннюю историю индоевропейского праязыка внешней историей, реконструируя природные, социальные, культурные, бытовые формы жизни древних индоевропейцев и индоевропейских народов более поздних поколений, их мифологию, религию, правовые нормы. В русле младограмматизма продолжали появляться во множестве весьма дифференцированные исследования по вопросам фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса, а также этимологические словари основных древних и новых индоевропейских языков (Кристиан Корнелиус Уленбек, П. Хорн, В. Прельвиц, Эмиль Буазак, А. Вальде, Уитли Стокс, Альфред Хольдер, Гнут-Олоф Фальк и Альф Торп, Ф. Клуге, З. Файст, Эрих Бернекер, Александр Григорьевич Преображенский, Густав Майер).

Был создан большой ряд сравнительно-исторических грамматик отдельных языков и групп языков (древнеиндоевропейского, иранских, греческого, латинского, других италийских, кельтских, германских, славянских, армянского, балтийских). Появлялись подробные описания древнегреческих, иранских, германских, италийских, кельтских диалектов. В сферу исследования был вовлечён ряд древних языков Балкан и Малой Азии (иллирийский, фракийский, фригийский, ликийский). Конец младограмматического этапа компаративизма ознаменовался открытием (1915--1917) неизвестных ранее индоевропейских языков -- хеттского (Берджих Грозный) и тохарского (Эмиль Зиг, Вильгельм Зиглинг, Антуан Мейе).

Глава 8

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЯЗЫКОЗНАНИЯ 20 в.

Литература: Звегинцев, В.А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т.А., Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Классификация языков. Законы развития языка. Социологическое направление в языкознании. Сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-исторический метод. Родство языковое. Праязык. Генеалогическая классификация языков. Индоевропеистика. Германистика. Славистика. Романистика. Кельтология. Гримма закон. Вернера закон. Типология. Типологическая классификация языков. Морфологическая классификация языков. Контакты языковые. Субстрат. Суперстрат. Диалектология. Лингвистическая география. Языкознание в России. Московская фортунатовская школа. Казанская лингвистическая школа. Структурная лингвистика. Дескриптивная лингвистика.).

8.1. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Казанская лингвистическая школа

Основные теоретические и методологические принципы языкознания 20 в. начали складываться ещё в 19 в. В их формировании особую роль сыграли И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов и Ф. де Соссюр.

Иван Александрович / Ян Игнацы Нечислав Бодуэн де Куртенэ (1845--1929), один из величайших языковедов мира, равно принадлежит польской и русской науке. Он обладал широким научным кругозором. Его длительная (около 64 лет) творческая деятельность началась ещё в домладограмматический период. Он поддерживал научные контакты со

многими видными лингвистами мира. Ему принадлежит более 500 публикаций на самых разных языках. Он получил степени магистра (1870) и доктора (1874) сравнительного языковедения в Петербургском университете и преподавал в университетах Казани, Кракова, Дерпта (Юрьева), Петербурга и Варшавы. В науку И.А. Бодуэн де Куртенэ вступил в период борьбы в историческом языкознании естественнонаучного и психологического подходов, будучи реально независимым по отношению к господствовавшим лингвистическим школам и направлениям. Вместе с тем он оказал влияние на многих лингвистов, объединив вокруг себя многочисленных учеников и последователей и сыграв существенную роль в созревании идей синхронного структурного языкознания. Он стремился к глубокому теоретическому осмыслению всех главных проблем науки о языке и объявил общее языкознание собственно языкознанием.

Бодуэну были не чужды колебания между физиолого-психологическим дуализмом и психолого-социологическим монизмом в объяснении природы языковых явлений. Эволюцию его взглядов характеризует своеобразное движение к синтезу деятельностного подхода В. фон Гумбольдта, натуралистических идей А. Шлайхера и психологических идей Х. Штайнталя, стремление видеть сущность языка в речевой деятельности, в речевых актах говорящих, а не в некой абстрактной системе (типа *la langue* Ф. де Соссюра).

Бодуэн не принимает "археологического" подхода к языку и призывает к изучению прежде всего живого языка во всех его непосредственных проявлениях, наречиях и говорах, с обращением к его прошлому лишь после основательного его исследования. Он признаёт научным не только историческое, но и описательное языкознание, различая состояние языка и его развитие. Ему свойственно диалектическое понимание языковой статики как момента в движении языка, в его динамике или кинематике. Он указывает на возможность видеть в состоянии языка и следы его прошлого, и зародыши его будущего. Он убеждён в нарастании черт системности в процессе развития языка, призывая искать эти черты в противопоставлениях и различиях, имеющих социально-коммуникативную функцию.

Бодуэн критически оценивает теорию "родословного древа" и механистические попытки реконструкции праязыка, призывая считаться также с географическими, этнографическими и прочими факторами и признавая смешанный характер каждого отдельно взятого языка. Бодуэн допускает сознательную языковую политику. Он принимает идею вспомогательного искусственного международного языка. На материале исследования флексий польского языка он устанавливает изменения по аналогии и вводит это понятие (ещё до младограмматиков) в широкий научный оборот. Обоснование этих изменений, в отличие от младограмматиков, он ищет не в индивидуально-психологических, а социолого-психологических факторах. Вместе с тем он не принимает младограмматическое понимание звуковых законов, указывая на противоречивость и многочисленность одновременно действующих факторов звуковых изменений. Бодуэн тщательно описывает звуковую сторону диалектов ряда славянских языков и литовского языка. При этом он пользуется собственной фонетической транскрипцией с множеством дополнительных знаков.

Бодуэн строит первую в мировой науке о языке теорию фонемы. Он исходит из осознания неустойчивой природы звуков речи как явлений физических, ставя им в соответствие устойчивое психическое представление (названное взятым у Ф. де Соссюра термином фонема, но трактуемое совершенно иным образом). Фонема понимается как "языковая ценность", обусловленная системой языка, в которой функцию имеет лишь то, что "семасиологизировано и морфологизировано". С теорией фонемы тесно связана его теория

фонетических альтернатив (чередований). Бодуэн различает антропофонику, или собственно фонетику, занимающуюся звуками речи в физиологическом и акустическом аспектах, и фонологию, связанную с психологией. Постулируются два членения речи - психическое (на "единицы, наделённые значением" -- предложения, слова, морфемы, фонемы) и фонетическое (на "периферические единицы" -- слоги и звуки). В психическом представлении звука выделяются кинаемы и акустемы, к которым впоследствии пражцы возводят понятие различительного признака фонемы. Бодуэн подчёркивает, что морфема состоит не из звуков, а из фонем. Звуковые изменения в языке, по его мнению, обусловлены фонологическими (т.е. структурно-функциональными) факторами. Бодуэну вместе с тем принадлежит одна из первых в мировой лингвистике структурно-типологическая характеристика различных видов письма. Он делает попытки осмыслить специфику регламентированной письменной речи в отличие от устной.

В языке выделяются три уровня: "фонетическое строение слов и предложений", "морфологическое строение слов" и "морфологическое строение предложений". Различаются также три стороны: "внешняя" (фонетическая), "внеязыковая", включающая в себя семантические представления, и "собственно языковая" (морфологическая -- при самом широком понимании этого термина; эта сторона языка образует его "душу" и обеспечивает специфическое для каждого языка соединение звуковой стороны и семантических представлений). Синтаксис предстаёт как "морфология высшего порядка". Бодуэн вводит в научный обиход понятие морфема. Слово в составе предложения характеризуется как минимальная синтаксическая единица (синтагма).

И.А. Бодуэн де Куртенэ акцентирует роль социологии, которая -- наряду с индивидуальной психологией -- должна служить объяснению жизни языка. Он подчёркивает необходимость обращения к объективной истории общества, обеспечивающего непрерывность общения между людьми во времени, от поколения к поколению. Различаются горизонтальное (территориальное) и вертикальное (собственно социальное) членение языка. Он проявляет глубокий интерес к жаргонам и тайным языкам, признаёт реальность языков отдельных индивидов и (по мало понятным причинам) отказывается признавать реальность общенародного языка. Язык характеризуется как орудие "миросозерцания и настроения". В этой связи Бодуэн призывает изучать народные поверья, предрассудки и т.п. Он понимает язык как главный признак, служащий определению антропологической и этнографической принадлежности людей. Он провозглашает равенство всех языков перед наукой. Ему присущ большой интерес к лексикографическим проблемам, проявившийся в работе над переизданием "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля.

Бодуэн разрабатывает принципы типологической классификации славянских языков (по долготе -- краткости гласных и по функции ударения), а также проводит типологические исследования других индоевропейских языков и урало-алтайских языков. Ему принадлежит пророческое утверждение о внедрении в будущем в языковедческие исследования математического аппарата. Поэтому он всемерно поддерживает шаги по созданию в стране лабораторий экспериментальной фонетики. Им создаются не только учебник, но и первый в университетской практике сборник задач по введению в языковедение.

И. А. Бодуэн де Куртенэ был создателем и многолетним руководителем Казанской лингвистической школы (1875--1883), в состав которой входили учёный с мировым именем Николай Вячеславович Крушевский, Василий Алексеевич Богородицкий, А.И. Анастасиев,

Александр Иванович Александров, Н.С. Кукуранов, П.В. Владимиров, а также Василий Васильевич Радлов, Сергей Константинович Булич, Кароль Ю. Аппель. К основным принципам Казанской школы относятся: строгое различие звука и буквы; разграничение фонетической и морфологической членимости слова; недопущение смешивания процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования, и процессов, совершающихся на протяжении длительного времени; первоочередное внимание к живому языку и его диалектам, а не к древним памятникам письменности; отстаивание полного равноправия всех языков как объектов научного исследования; стремление к обобщениям (особенно у И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского); психологизм с отдельными элементами социологизма.

Наиболее выдающимся среди представителей Казанской школы был крупный русско-польский учёный Николай Вячеславович Крушевский (1851--1887). Короткая, но плодотворная научная деятельность принесла ему мировую известность. Он состоял в переписке со многими лингвистами, в том числе с Ф. де Соссюром. Ему была присуща устремлённость прежде всего к глубоким теоретическим обобщениям, к открытию законов развития языка. Основным законом языка он усматривал в "соответствии мира слов миру мыслей". Н.В. Крушевский следовал основным принципам естественнонаучного подхода к языку и сочетал этот подход с индивидуально-психологическим. Он верил в непреложность фонетических законов, призывая к изучению в первую очередь современных языков, дающих больше материала для открытия разнообразных законов. Ему принадлежит разработка бодуэновской идеи о переинтеграции составных элементов слова в результате процессов переразложения и опрощения основы. Словообразование он квалифицирует как стройную систему одинаково организованных типов слов, соотносящихся с типами обозначаемых ими понятий, Им различались два вида структурных отношений между языковыми единицами -- ассоциации по сходству и ассоциации по смежности (ассоциативные и синтагматические отношения у Ф. де Соссюра, парадигматические и синтагматические отношения у Л. Ельмслева, отношения селекции и отношения комбинации у Р.О. Якобсона). Его основные работы: "Очерк науки о языке" (1883), "Очерки по лингвистике. Антропология" (1893, посмертно).

Наиболее типичным представителем Казанской школы был крупный лингвист Василий Алексеевич Богородицкий (1857--1941) Он определял язык как наиболее совершенное средство обмена мыслями и как орудие мысли, как показатель классифицирующей деятельности ума и в силу "одинаковости понимания" служащее объединению людей "к общей деятельности", как "социологический фактор первейшей важности". Исследовательская и преподавательская деятельность В.А. Богородицкого протекала в области общего, индоевропейского, романского и германского, тюркского языкознания. Он создал при Казанском университете первую в России лабораторию экспериментальной фонетики, начавшую свои исследования ещё до первых опытов аббата Руссло в Париже. Он уделял серьёзное внимание проблемам прикладной лингвистики. Им была продолжена разработка теории процессов переразложения, опрощения и др. В.А. Богородицкий осуществил первые в истории языкознания исследования в области относительной хронологии звуковых изменений. В исследованиях по тюркским языкам он синтезирует историко-генетический и типологический подходы.

В работах представителей Казанской школы предвосхищаются многие идеи структурной лингвистики, фонологии, морфонологии, типологии языков, артикуляционной и

акустической фонетики. Они ясно представляли себе проблему системности языка (И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.В. Крушевский). Идеи Казанской лингвистической школы оказали влияние на Ф. де Соссюра, на представителей Московской фонологической школы и Пражской лингвистической школы.

Исключительно плодотворной была деятельность И.А. Бодуэна де Куртенэ и многочисленных его учеников по казанскому, петербургскому и варшавскому периодам. Сам учитель и его продолжатели серьёзно воздействовали на формирование языкознания 20 в. Переписка И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, широкий обмен идеями между ними позволяют говорить о несомненном приоритете И.А. Бодуэна де Куртенэ в решении большого ряда вопросов, связанных с утверждением структурализма, в формировании исследовательских программ Пражской школы функциональной лингвистики, Копенгагенской лингвистического кружка, в деятельности главы Массачусетской ветви американского структурализма (Р.О. Якобсон). Бодуэновско-щербовским направлением были заложены основы деятельностно-функционального языкознания второй половины 20 в.

8.2. Ф.Ф. Фортунатов и фортунатовское течение в языкознании

Неизгладимый след в истории русского языкознания оставил выдающийся учёный-лингвист, индоевропеист-компаративист, славист, индолог, литуанист, знаток многих индоевропейских языков (ведийский, санскрит, пали, греческий, латинский, старославянский, готский, литовский, латышский, армянский, бактрийский), специалист в области сравнительно-исторической фонетики и акцентологии, палеографии и орфографии, теоретической грамматики, воспитатель блестящей плеяды языковедов Филипп Фёдорович Фортунатов (1848--1914), научная деятельность которого длилась 43 года (начиная с изучения литовских говоров в 1871). Ему принадлежат 37 научных трудов, изданных в основном в специальных журналах или литографическим способом (для студентов Московского университета); значительной по объёму была редакторская работа. Он создаёт первые в России систематические лекционные курсы индоевропейской и славянской сравнительно-исторической грамматики. Во многом Ф.Ф.

Фортунатов был близок к методологическим принципам младограмматического направления, предлагая одновременно оригинальное решение многих теоретических вопросов. Многие существенные результаты в области сравнительной фонетики и сравнительной морфологии ставили Ф.Ф. Фортунатова впереди немецкой лингвистики периода младограмматизма. Он фактически различает синхронический и диахронический подходы. Им принимается младограмматический постулат о безысключительности звуковых законов и тут же подчёркивается необходимость при описании фонетических процессов учитывать структурные особенности языков и конкретные исторические условия, хронологию изменений в языке. Указывается на общественный характер языка и связь истории языка с историей общества.

Ф.Ф. Фортунатова характеризуют внимание к живому языку, бережное отношение к произведениям народного творчества, подчёркивание важности для истории языка изучения территориальных народных говоров, нередко сохраняющих черты глубокой древности и различающихся между собой даже на незначительном расстоянии в этимологическом, фонетическом и лексическом отношении. Выдвигалось требование высокой степени точности фактического материала и его глубокого теоретического осмысления. Учёный стремился к созданию целостных описаний диалектов (на материале литовского языка, которым Ф. Ф. Фортунатов занимался всю жизнь). Изменения языка во времени

характеризуются как способ существования языка. Ф.Ф. Фортунатов предполагал наличие диалектного членения, территориального варьирования и в общеиндоевропейском, на реконструкцию которого были направлены усилия А. Шлайхера и его последователей. Он отказывался сводить развитие языка к его дроблению на наречия и призывал считаться и с противоположным процессом сближения и соединения наречий. Им была предпринята разработка теории дивергентно-конвергентной эволюции языков. Он развивал также идею языковых ("общественных") союзов. Ему принадлежит призыв к различению внешних и внутренних факторов развития языка.

Ф.Ф. Фортунатову принадлежат специальные исследования в области древнеиндийского языка. Он изучал тексты ведийских памятников в связи с подготовкой к изданию текста Samaveda, его толкованием и переводом, составлением словаря. Исследователь стремился не вносить исправления в сам текст, используя для этой цели комментарии. Он открыл получивший большой резонанс в мировой лингвистике того времени звуковой закон, касающийся соотношения между древнеиндийскими церебральными и группой l +зубная в других индоевропейских языках. Позднее он выдвинул предположение о существовании в общеиндоевропейскую эпоху (на основании разных рефлексов в отдельных индоевропейских языках) не двух, а трёх плавных. Он сделал ряд открытий, касающихся состава индоевропейского вокализма, лабиального ряда заднеязычных, слабой степени аблаута, связи долготы и характера слоговой интонации, относительной хронологии первой и второй палатализации в праславянском. Вёл он исследования и в области славяно-балтийской акцентологии. Он открыл закон передвижения ударения от начала к концу слова в определённых фонетических позициях (закон Фортунатова--Соссюра).

Ф.Ф. Фортунатов активно разрабатывал учение о грамматической форме вообще и грамматической форме слова в частности. Он фиксировал наличие формы лишь там, где она имеет специальный морфологический показатель и выводил форму из наличия в языке соотносительных рядов слов, сходных и различающихся по формальным признакам. Допускалось существование слов, не имеющих формы. Ему принадлежит сугубо формальная классификация частей речи (без учёта семантических и функционально-синтаксических критериев). Получило развитие учение о формах словосочетаний. Предложение было отнесено к числу словосочетаний. Формализм как методологическое кредо Ф.Ф. Фортунатова и его последователей отразился впоследствии в имманентизме Ф. де Соссюра и особенно Л. Ельмслева.

Вокруг Ф.Ф. Фортунатова сложилась Московская (фортунатовская) лингвистическая школа. Его учениками были: в России -- Алексей Александрович Шахматов (1864--1920), Григорий Константинович Ульянов (1859--1912), Вячеслав Николаевич Щепкин (1863--1920), Михаил Михайлович Покровский (1868 или 1869--1942), Борис Михайлович Ляпунов (1862--1943), Виктор Карлович Поржезинский (1870--1929), Александр Иванович Томсон (1860--1935), Дмитрий Николаевич Ушаков (1873--1942), Николай Николаевич Дурново (1876--1937), Степан Михайлович Кульбакин (1873--1941), Евгений Фёдорович Будде (1859--1929), Михаил Николаевич Петерсон (1885--1962), Александр Матвеевич Пешковский (1878--1933), Василий Михайлович Истрин (1865--1937); из зарубежных учёных -- Олаф Брок, Торе Торнбьёрнссон, Хольгер Педерсен, Николас ван Вейк, Краузе ван дер Коп, Поль Буайе, Ф. Сольмсен, Эрих Бернекер, Александр Белич, Йоан Богдан, Иосиф Юлиус Миккола, Матиаш Мурко.

Эта школа внесла большой вклад в исследования в области реконструкции

праславянского языка, присущих ему тенденций к палатализации и к открытому слогу, в области праславянской акцентологии, морфологии, этимологии, лексикологии. Они разграничивали буквы и звуки, графику, орфографию и орфоэпию. Ими создавались системные описания русских говоров и первые диалектологические карты восточнославянских языков. По инициативе А.А. Шахматова была образована Московская диалектологическая комиссия (1903--1931). В неё входили Н. Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков, и она функционировала по существу в качестве лингвистического общества, объединявшего московских учёных и контактировавшего с Московским лингвистическим кружком. На её заседаниях выступали с докладами А.И. Соболевский, А.М. Селищев, Г.А. Ильинский, Н.Ф. Яковлев, Е.Д. Поливанов, Р.О. Шор, Р.И. Аванесов. Н.С. Трубецкой с опорой на учение Ф.Ф. Фортунатова об "общественных союзах" разграничил понятия языковых семей и языковых союзов.

Фортунатовцы строго разграничивали формы словоизменения и словообразования. Они многое сделали в разработке основ современной морфологии, заменившей "этимологию" с её зыбкими границами между современным и историческим словообразованием, между собственно этимологией и морфологией. Был заимствован бодуэновский термин морфема. Критерий морфологического строения слова использовался в типологической классификации языков, которой был придан динамический подход. Чисто генетический подход к реконструкции древнейшего состояния языка был заменён подходом генетико-типологическим. Получил развитие теоретический синтаксис (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон). Выделилась в самостоятельную дисциплину семасиология, исследующая законы семантических сдвигов с учётом системных связей -- синонимии, места в семантическом поле, морфологического оформления (М.М. Покровский). Было принято противопоставление -- вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Н.С. Трубецким -- фонетики и фонологии. Наметилось разграничение сравнительно-исторической грамматики славянских языков и грамматики общеславянского языка, исторической грамматики и истории литературного языка. В научных исследованиях и университетском преподавании утверждался приоритет синхронического подхода к языку. Был создан ряд университетских курсов по введению в языкознание, продолжающих традицию фортунатовского курса сравнительного языковедения (А.И. Томсон, В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, А.А. Реформатский, О.С. Широков). Методы исследования, выработанные в фортунатовской школе, в нашей стране переносились в финно-угроведение, тюркологию, кавказоведение, германистику.

Фортунатовская школа представляла собой школу формальной лингвистики, которая способствовала закладыванию основ лингвистического структурализма. Её формализм заключался в стремлении исходить не из внешних по отношению к языку категорий логики, психологии, истории, физиологии, а из фактов самой языковой системы. Впоследствии многие представители этой школы отказывались от крайностей формализма фортунатовской школы. Эта школа оказала влияние на деятельность Московского лингвистического кружка (1915--1924), Пражской лингвистической школы, Копенгагенского лингвистического кружка, массачусетской ветви американского структурализма (Р.О. Якобсон).

В основном в русле фортунатовского направления, но с существенной опорой на идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Н.С. Трубецкого происходило формирование и развитие Московской фонологической школы (Александр Александрович Реформатский, 1900--1978; Пётр Саввич Кузнецов, 1899--1968; Владимир Николаевич Сидоров, 1902 или

1903--1968; Рубен Иванович Аванесов, 1902--1982; Алексей Михайлович Сухотин, 1888--1942; давший итоговое обобщение её идей в 60-х--70-х гг. Михаил Викторович Панов, 1920). Представители МФШ опирались на учения И.А. Бодуэна о фонеме и альтернациях, на идеи Николая Феофановича Яковлева (1892--1974) и постоянно полемизировала с Ленинградской / Петербургской фонологической школой (Л.В. Щерба и его ученики и последователи), критикуя её за учёт "внеязыковых" факторов, в первую очередь за психологизм и интерес к звуковой субстанции. МФШ преимущественно ориентировалась на формальные, имманентно-структуралистские критерии. Здесь понятие фонемы было соотнесено с понятием морфемы (а не слова в тексте, словоформы, как в щербовской школе), что обусловило более абстрактный и в силу этого более удалённый от физической реальности уровень фонологического анализа. Было принято понятие нейтрализации фонологических оппозиций, выдвинутое пражцами. Было принято различать сильные и слабые фонологические позиции. Допускалась возможность пересечения в одной слабой позиции (позиции нейтрализации) двух или более фонем. Были введены понятия гиперфонемы, слабой фонемы, фонемного ряда.

8.3. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра

Одним из величайших языковедов мира, с именем которого связывается прежде всего утверждение в языкознании синхронизма и системно-структурного подхода к языку, является Фердинанд де Соссюр (1857--1913). Он учился у младограмматиков А. Лескина, Г. Остхофа и К. Бругмана (Лайпцигский университет). В 1879 он публикует подготовленный в студенческие годы и сразу же ставшего всемирно известным "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках", выводы которого, опирающиеся на дедуктивно-системный анализ рядов чередований гласных, относительно наличия "сонантических коэффициентов" -- ларингалов (особых фонем, сыгравших роль в развитии индоевропейского вокализма и изменении структуры корней) были отвергнуты младограмматиками, но получили подтверждение через полвека, после обнаружения Е. Куриловичем (1927) рефлекса соссюровского гипотетического А в расшифрованном после смерти Ф. де Соссюра хеттском языке.

В работах по литовской акцентуации (1894--1896) он сформулировал закон о взаимосвязи в литовском и славянских ударения и интонации (открытый им одновременно с Ф.Ф. Фортунатовым, но независимо от него).

Он читал лекции сперва в Париже, где его учениками становятся Антуан Мейе, Жозеф Вандриес, Морис Граммон, а затем (с 1891) в родной Женеве, где, перейдя с кафедры санскрита и сравнительного языковедения на кафедру общего языкознания, он трижды (1906--1912) прочёл курс общей теории языка, в котором он свёл воедино разрозненные до этого мысли о природе и сущности языка, о структуре языкознания и его методах. Он не оставил даже набросков лекций; установлены заметные различия между тремя циклами лекций по структуре и авторским акцентам.

Важнейшим событием стало издание под именем Ф. де Соссюра курса лекций, текст которого был подготовлен к печати и вышел в свет под названием "Курс общей лингвистики" (1916, т.е. после смерти Ф. де Соссюра; первый русский перевод: 1933; в нашей стране недавно изданы два тома трудов Ф. де Соссюра на русском языке: 1977 и 1990). Издателями "Курса" были его женевские ученики и коллеги Альбер Сеше и Шарль Балли, внёсшие немало своего (в том числе и печально знаменитую фразу: "единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя",

которая стимулировала внедрение в языкознание принципа имманентизма). Они опирались лишь на некоторые и не всегда лучшие студенческие конспекты лекций. Через большой ряд лет были обнаружены более обстоятельные конспекты других студентов, позволяющие увидеть различия между тремя циклами лекций и установить эволюцию мыслей автора, который не сразу стал на позиции синхронического подхода к языку, хотя о дихотомии языка и речи и дихотомии синхронии и диахронии он говорит уже в первом цикле. Позднее появилось (1967--1968) критическое издание "Курса", показывающее довольно произвольную интерпретацию лекций Ф. де Соссюра их первыми издателями.

Эта книга (в каноническом её варианте) вызвала широкий резонанс в мировой науке. Развернулась острая полемика между последователями Ф. де Соссюра и противниками его концепции, послужившая кристаллизации принципов структурного языкознания. К идеям или даже просто к имени Ф. де Соссюра обращались представители самых разных школ. Ф. де Соссюр стал в 20 в. наиболее критически читаемым лингвистом. Ф. де Соссюр ориентируется на философско-социологические системы Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма. Он вынес на широкое обсуждение проблемы построения синхронического языкознания, решение которых уже намечалось в трудах У.Д. Уитни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, А. Марти.

Он использует в построении своей лингвистической теории методологический принцип редукционизма, в соответствии с которым в исследуемом объекте выделяются только существенные моменты, противопоставляясь моментам несущественным, второстепенным, не заслуживающим внимания. Производится ступенчатое выделение на дихотомической основе признаков, характеризующих лингвистику. Языкознание в целом отнесено к ведению психологии, а именно к ведению социальной психологии. В социальной психологии выделяется особая общественная наука -- семиология, призванная изучать знаковые системы, наиболее важной из которых является язык.

Внутри семиологии вычленяется лингвистика, занимающаяся языком как знаковой системой особого рода, наиболее сложной по своей организации. Язык в целом назван термином *le langage* (который часто переводится на русский язык термином речевая деятельность). Далее, проводится разграничение менее существенной для строгого анализа внешней лингвистики, описывающей географические, экономические, исторические и прочие внешние условия бытования языка, и более существенной для исследователя внутренней лингвистики, исследующей строение языкового механизма в отвлечении от внешних факторов, т.е. в имманентном плане. Указывается на наибольшую близость письма к языку в кругу знаковых систем.

Внутренняя лингвистика расчленяется на лингвистику языка (*la linguistique de la langue*) и лингвистику речи (*la linguistique de la parole*). Язык квалифицируется как система знаков, для которой существенны прежде всего отношения между её элементами, их оппозитивные, релятивные, негативные свойства, различия между этими элементами, а не их позитивные, субстанциальные свойства. Элементы языка понимаются как единицы, обладающие каждая не только своим значением (*le sens*), но и своей значимостью (*le valeur*), исходя из её места в системе отношений. Признаются вторичными материальные характеристики, в силу чего фонология (= фонетика) выведется за пределы лингвистики. Объявляется несущественным способ реализации языкового знака. Различаются два вида отношений между языковыми элементами -- ассоциативные и синтагматические.

Этой системе (языку в узком смысле) приписывается психический и социальный статус.

Она локализуется в сознании говорящих. Объект лингвистики речи квалифицируется как остаток, выделяемый при вычитании языка (*la langue*) из речевой деятельности (*le langage*). Этому объекту приписывается психофизиологический и индивидуальный статус. Допускается возможность соотносить с этим объектом отдельный речевой акт и возникающее в его результате сочетание знаков (синтагму), считать речь реализацией языка. В "Курсе общей лингвистики" даётся изложение только характеристик языка в узком смысле, отсутствуют намётки лингвистики речи.

Последователями Ф. де Соссюра давались разные трактовки дихотомии языка и речи (социальное -- индивидуальное, виртуальное -- актуальное, абстрактное -конкретное, парадигматика -- синтагматика, синхрония -- диахрония, норма -стиль, система -- реализация системы, код -- сообщение, порождающее устройство -- порождение, (врождённая) способность (*competence*) -- исполнение (*performance*). Последователи Женевского учёного распространили эту дихотомию на изучение других сторон языка (разграничение фонологии и фонетики у Н.С. Трубецкого).

Наконец, лингвистика языка была расчленена на менее важную эволюционную, диахроническую лингвистику, наблюдающую за отношением фактов на оси времени, и более существенную для говорящего и для исследователя языка статическую, синхроническую лингвистику, исследующую отношения языковых элементов на оси одновременности. Понятие системы было отнесено только к синхронии. Диахроническая лингвистика подверглась делению на проспективную и ретроспективную. Было проведено отождествление синхронического подхода с грамматикой и диахронического с фонетикой. Разнообразны трактовки этой дихотомии у других авторов (статика -- динамика, система -- асистемность, организованное в систему целое -- единичный факт, *Miteinander* -- *Nacheinander*, т.е. одновременность -- последовательность во времени).

Языковой знак понимался как целиком психическое образование, как произвольное, условное, не навязанное природой причинно-следственное соединение двух сторон -- акустического образа, означающего (*le signifiant*) и идеи, понятия, означаемого (*le signifié*). Ф. де Соссюр сформулировал ряд законов знака, утверждающих его неизменность и вместе с тем изменчивость, его линейность. Дискуссии в основном развернулись вокруг проблемы условности -мотивированности языкового знака.

Имеется большой ряд изданий "Курса" на французском языке и его переводов на различные языки. Идеи Ф. де Соссюра оказали воздействие на деятельность Женевской и французской школ социологического языкознания, на формирование и развитие исследовательских программ формально-структурного и структурно-функционального течений, школ и отдельных концепций. Многочисленные дискуссии велись в советском языкознании вокруг учения Ф. де Соссюра о природе и структуре языкового знака и вокруг его дихотомий языка -- речи, синхронии -диахронии.

Глава 9

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ, СЛОЖИВШИЕСЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20 в.

Литература: Звегинцев, В.А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Амирова, Т.А., Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990

[переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Классификация языков. Законы развития языка. Социологическое направление в языкознании. Сравнительно-историческое языкознание. Сравнительно-исторический метод. Родство языковое. Праязык. Генеалогическая классификация языков. Индоевропеистика. Германистика. Славистика. Романистика. Кельтология. Гримма закон. Вернера закон. Типология. Типологическая классификация языков. Морфологическая классификация языков. Контакты языковые. Субстрат. Суперстрат. Диалектология. Лингвистическая география. Языкознание в России. Московская фортунатовская школа. Казанская лингвистическая школа. Структурная лингвистика. Дескриптивная лингвистика.).

9.1. Петербургская лингвистическая школа

Многие теоретические и методологические принципы концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ повлияли на становление и развитие Петербургской / Петроградской / Ленинградской / Петербургской лингвистической школы, где его непосредственными учениками были Лев Владимирович Щерба, Евгений Дмитриевич Поливанов, Лев Петрович Якубинский (1892--1945). К "бодуэнизму" тяготели Макс Юлиус Фридрих Фасмер (1886--1962), Казимир Буга (1879--1924), Борис Яковлевич Владимирцов (1884--1931), Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892--1970), Борис Александрович Ларин (1893--1964), Виктор Владимирович Виноградов (1894 или 1895--1969), Николай Владимирович Юшманов (1896--1946), Александр Александрович Драгунов (1900--1964), П. В. Ернштедт, Алексей Петрович Баранников (1890--1952), Василий Васильевич Радлов, Всеволод Брониславович Томашевский (1891--1927) и др.

Им было присуще понимание языка как процесса коллективного мышления, как языковой деятельности, непрерывного процесса. Социальный аспект языка сперва сводился ими к психическому, возобладание социологического ("идеологического") подхода наметилось в 20-х гг. "Бодуэновцы" последовательно разграничивали в языковом мышлении сознательное и бессознательное, различали поэтическую и практическую речь. В целом развивался целевой подход к языку, ставший впоследствии основным в Пражской лингвистической школе. Последовательное развитие получила идея различения описания языка "со стороны", т.е. рефлексии над ним лингвиста, и исходя из "чутья говорящих на данном языке людей". Разграничивая историческое и описательное языкознание, они отводят приоритетную роль последнему. Фонетико-фонологические исследования петербургских учёных постоянно были связаны с исследованиями в области теории письма и с работой по созданию новых алфавитов. В основу была положена бодуэновская теория письма и письменной речи (Л.В. Щерба, С.И. Бернштейн, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Н.В. Юшманов, Е.Д. Поливанов, Л.Р. Зиндер).

Одним из ведущих деятелей Петербургской школы был выдающийся языковед, оригинальный мыслитель, теоретик и экспериментатор Лев Владимирович Щерба (1880--1944). Диалектологические исследования на материале тосканских диалектов в Италии и одного из лужицких диалектов на территории Германии были его первыми научными опытами. Они послужили формированию исходных идей о функциональной природе звуков речи, способствуя становлению широкого понимания языка, данного в опыте через непосредственно наблюдаемые акты социально обусловленной речевой деятельности (говорение, с одной стороны, и восприятие и понимание, с другой).

Тексты/высказывания, по его мысли, образуют исходный для лингвистического

исследования языковой материал. В текстах обнаруживается языковая система (язык в узком, специальном смысле слова). Речевые акты, тексты и языковая система представляют собой аспекты той же речевой деятельности. Он указывает на наличие индивидуальной психофизиологической языковой системы (речевой организации индивида), соотносящейся с общей для всех говорящих языковой системой. Грамматика определяется как сборник правил речевого поведения, а языковая система -- как совокупность правил речевой деятельности.

Концепцию Л.В. Щербы характеризует ярко выраженный семантизм (функционализм), проявившийся также в исследованиях звуковой стороны языка и обусловивший создание оригинального учения о фонеме, оказавшего сильное воздействие на формирование фонологической концепции Н.С. Трубецкого и ряда других теорий фонемы. Всемерно подчёркивалась существенная роль функционального (смыслового) фактора в членении звукового потока, выделении звуков речи и установлении состава фонем данного языка.

Л.В. Щерба создаёт при университете лабораторию экспериментальной фонетики, где проводились и проводятся инструментальные исследования звукового состава многочисленных языков мира (и прежде всего своей страны). В школе Л.В. Щербы проводится требование применять строгие исследовательские методы (в частности метод лингвистического эксперимента, в котором угадываются черты будущего трансформационного метода) и одновременно допускается обращение и к "субъективному" методу (внутренней интроспекции лингвиста). Сегодня особенно ясна несправедливость многочисленных упреков того времени в адрес Л. В. Щербы со стороны представителей лингвистического формализма в психологизме, который как раз придавал щербовской концепции функционально-деятельностную (антропологическую) направленность.

Им по-новому трактуется проблема классификации членов предложения и частей речи; выдвигается понятие синтагмы как минимальной интонационно-смысловой единицы речи; разрабатываются проблемы теории интонации и теории ударения; различаются полный и неполный (разговорный) стили произношения; создаются собственные системы общefonетической классификации гласных и согласных и собственная система фонетической транскрипции, опирающейся -- как и транскрипция МФА -- на использование знаков латинского алфавита. Л.В. Щерба вносит вклад в разработку проблемы двуязычия и признаёт смешанный характер всех языков. Особенно важны его исследования в области теории письма, теории лексикографии, методики преподавания родного и иностранных языков. Он участвует в работе по составлению алфавитов ранее бесписьменных народов, сочетает активную научную деятельность с преподавательской и общественной работой. Интересны его опыты лингвистической интерпретации поэтических текстов. Л.В. Щерба был редактором большого ряда учебников и словарей (русского, французского, немецкого языков). Заслуги Л.В. Щербы широко признаны как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Ярким представителем Петербургской школы был выдающийся языковед, получивший мировую известность ещё при окончившейся трагически жизни, Евгений Дмитриевич Поливанов (1891--1938). Он сочетал одновременное обучение на историко-филологическом факультете Петербургского университета и на японском разряде Восточной практической академии, занимался тибетским и китайским языками в магистерские годы, хорошо знал множество языков (французский, немецкий, английский, латинский, греческий, испанский, сербскохорватский, польский, японский, китайский, узбекский, каракалпакский,

туркменский, казахский, киргизский, татарский, таджикский) и пассивно владел абхазским, азербайджанским, албанским, калмыцким, ассирийским, арабским, грузинским, дунганским, корейским мордовским (эрзя). Защитив магистерскую диссертацию (1914), он преподавал японский и китайский языки в Петербургском университете (профессор с 1919).

Научное и жизненное кредо Е.Д. Поливанова формировалось под воздействием его учителей -- И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы. Он был активным участником экспериментально-фонетических семинаров Л.В. Щербы и хорошо овладел техникой инструментальных исследований. На первом этапе Е.Д. Поливанов проводил исследования по японскому языку (диалектология, акцентуация, историческая фонетика). Здесь он выдвинул гипотезы о смешанном характере японского языка, о наличии в нём малайско-полинезийского и алтайского компонентов, создал первую практическую русскую транскрипцию японских текстов. Он вёл также исследования по китайскому языку, введя понятие слогофона, развитое в дальнейшем А.А. Драгуновым, Н.Н. Коротковым и распространённое на другие языки слогового строя М.В. Гординой, Б.В. Касевичем. Он участвовал - вместе с другим бодуэновцем Л.П. Якубинским -- в деятельности ОПОЯЗа, создав ряд работ по лингвистической поэтике. Большое место в его жизни занимало активное участие в общественно-политической работе после Октябрьской революции, с чем был связан переход на работу в Москву (1921).

Длительное время он находится в командировке в Ташкенте (изучение узбекского языка и всех его многочисленных диалектов; создание учебников русского языка для узбеков, таджиков и казахов; участие в работе по созданию новых алфавитов для тюркских народов; чтение лекций по общему и сравнительному языкознанию в университете и восточном институте в Ташкенте, собиравших большую аудиторию). В 1926--1929 он работает в ряде научных учреждений в Москве, где ведёт полемику с представителями фортунатовской формальной школы в языкознании.

Е.Д. Поливанов выступал как наиболее активный критик марризма, что повлекло за собой в условиях господствовавшего тогда тоталитаризма к трагической развязке. Первоначально он спокойно относился к выдвинутой Н.Я. Марром в 1922 и окончательно оформившейся в 1926 яфетидологии -стадиально-типологической теории яфетических языков как продуктов языкового скрещивания, в которой содержались и ценные идеи, и нелепые догадки об исторических связях языков. Н.Я. Марр произвольно возводил все языки к четырём первоначальным элементам -- сал, бер, ён, рош. Но ученики и почитатели Н.Я. Марра возвели марровское учение в предмет культа и сделали его впоследствии (с конца 20-х гг. и вплоть до 1950) единственной официально признанной научной и политико-идеологической доктриной в советском языкознании. Е.Д. Поливанов критически выступил по поводу признания чувашского языка яфетическим. Серьёзная критика в адрес марристов была продолжена им в последующие годы в связи с выдвижением ими "нового учения о языке" (прежде именовавшейся яфетидологией) на роль единственно верной диалектико-материалистической марксистской лингвистики. Положительно оценивая достижения Н.Я. Марра в сравнительно-историческом изучении южнокавказских языков, он категорически не принимал и яфетическую теорию в силу её необоснованности языковыми фактами, и новые глоттогонические идеи и стадиальную теорию Н.Я. Марра, привязывающую типы языков к определённой социально-экономической формации. Он выдвинул своё понимание (тоже в духе марксистской идеологии) социальной природы языка и роли социального фактора в развитии языка.

В эти годы и началась травля Е.Д. Поливанова (а заодно с ним многих представителей фортуноватовского и бодуэновско-щербовского направлений) сторонниками Н.Я. Марра -- В.Г. Аптекарем, С.Н. Быковского, Ф.П. Филина. Последовало изгнание его в Среднюю Азию (там он продолжил занятия тюркскими языками и преподавание; участвовал в многочисленных диалектологических экспедициях). Постепенно его лишали возможностей печататься. Были утрачены в связи с этим многие неопубликованные труды. Последовал арест его как "врага народа" (1937) и расстрел (1938). Полная политическая реабилитация была объявлена в 1963. И сегодня сохраняют свою актуальность многие идеи Е.Д. Поливанова, касающиеся методов сравнительно-исторического анализа, теории эволюции языка и роли в этом процессе социальных факторов, структуры и задач социальной лингвистики, лингвистической поэтики, прикладной лингвистики.

В русле бодуэновско-щербовского направления складывается и развивается Ленинградская / Петербургская фонологическая школа. Начиная с 1912, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ Л. В. Щерба разрабатывает развёрнутое учение о фонеме как минимальном элементе слова, связанном со смыслом. Известно длительное противостояние щербовской и Московской фонологических школ. Щербовская школа преимущественно ориентируется на учёт человеческого фактора в языке, раскрывающегося через призму психологизма и социологизма, в то время как Московскую школу характеризует заметная ориентация на формальный, имманентно-структуралистский подход.

В щербовской школе сегментация потока речи на отдельные звуки объясняется воздействием фонологической системы языка, опосредованной связью фонологических явлений со смыслом. К структурно-функциональным (т.е. в конечном итоге опять-таки не только строевым, но и семантическим) критериям щербовцы обращаются при отождествлении фонем (разграничивая фонематические и нефонематические звуковые различия). Они различают оттенки (варианты) фонем (в терминологии дескриптивистов -- аллофоны) обязательные и факультативные, а среди обязательных -- основные и специфические, а также разграничивают комбинаторные и позиционные оттенки (варианты). В фонемном анализе исследователь ориентируется не столько на морфемы, сколько на менее абстрактные текстовые слова (словоформы), что обеспечивает более тесную связь фонемы как элемента языковой системы и звука речи как её индивидуальной реализации. Система фонем определяется как система функционально значимых противопоставлений между ними. Щербовцы принимают понятие фонологического дифференциального признака и вместе с тем отказываются считать его минимальной фонологической единицей. Не все петербуржцы следуют классификации фонологических оппозиций по Н.С. Трубецкому и предлагают собственные классификации (Л.Р. Зиндер, Ю.С. Маслов). Представителями щербовской школы не допускается возможность пересечения двух разных фонем в одной позиции (в отличие от МФШ). Многие из них отказываются от понятия нейтрализации. Особый интерес представляют идеи Л.В. Щербы и Е.Д. Поливанова об особом характере минимальной фонологической единицы в языках слогового строя.

Основные положения учения о фонеме Л.В. Щербы и идеи Е.Д. Поливанова получили развитие в работах последователей (Маргарита Ивановна Матусевич, 1885--1979; Лев Рафаилович Зиндер, 1904--1995; их ученики Лия Васильевна Бондарко, Людмила Алексеевна Вербицкая, Мирра Вениаминовна Гордина, Лев Львович Буланин, Вадим Борисович Касевич). Близки к щербовским позициям были фонологические концепции

Сергея Игнатьевича Бернштейна, Георгия Петровича Торсуева.

9.2. Женевская лингвистическая школа

Женевская школа сформировалась на основе собственных университетских традиций (самоназвание с 1908). В дальнейшем она стала ориентироваться в основном на идеи "Курса общей лингвистики" (1916) Ф. де Соссюра, объединившие в первом поколении Ш. Балли, А. Сеше, Л. Готье, С. О. Карцевского, в последующем поколении Анри Фрея, Эдмунда Солльбергера, А. Бургера, Робера Годеля и др. Своего рода декларацией исследовательских принципов этой школы послужила статья А. Сеше "Женевская школа общей лингвистики" (1927). С 1941 начал издаваться свой неперIODический орган -- "Cahiers F. de Saussures", вокруг которого сплотился "Кружок Ф. де Соссюра".

Преимущественный интерес женевцы проявляют к проблемам языковой системы, к понятиям языковой сущности и единицы, ценности, синтагмы, к соотношению индивидуального и социального в явлениях языка и речи, к дихотомии диахронии и синхронии, дихотомии означающего и означаемого, к связи языка и мышления, к проблемам семиологии, семантики, фразеологии, синтаксиса, стилистики. Много внимания они уделяют поискам более широкого круга источников для реконструкции текстов лекций Ф. де Соссюра. Так, Р. Годелем доказывается неаутентичность идей Ф. де Соссюра и изданного под его именем "Курса", с учётом этого появляются последующие комментированные издания "Курса". Среди представителей Женевской школы должны быть названы прежде всего Ш. Балли, А. Сешэ, С.О. Карцевский, А.Фрей, Р.Годель.

Шарль Балли (1865--1947) был преемником Ф. де Соссюра по кафедре, одним из составителей (вместе с А. Сеше) канонического текста соссюрского "Курса общей лингвистики". Он автор двухтомного труда "Французская стилистика" (1909), книги "Язык и жизнь" (1913), фундаментальной работы "Общая лингвистика и французская лингвистика" (1932, русский перевод: 1955). Им принимаются почти все положения учителя. Особое внимание он уделяет отношению языка и внеязыковых (социальных и психических) явлений, проблеме знака, отношениям означающего и означаемого, диахронии и синхронии. Им подчёркиваются ущербность и ограниченность возможностей исторического языкознания, не имеющего доступа ко всем фактам. Ш. Балли признаёт, что вне истории язык не существует и что вторжение истории нарушает гармонию внутри языковой системы. Ему принадлежит тезис о неразрывности непрерывного изменения языков и необходимости их неизменности для эффективного функционирования, о равновесии традиции, задерживающей развитие, и активных тенденций, толкающих к изменениям. Он стремится противодействовать соссюрской интеллектуализации языковой системы и обращается к исследованию действия эмоционального и аффективного факторов, к стилистике, изучающей язык в связи с повседневной жизнью человека. Им проводится разделение стилистики общенародного языка и стилистики языка писателя (в противовес К. Фосслеру).

Ш. Балли развивает общую теорию высказывания, исходящую из примата языка по отношению к речи и включающую понятия грамматических актуализаторов, грамматической транспозиции, актуальных знаков, диктума и модуса высказывания. Он требует рассматривать речевые единицы в контексте неязыковых явлений (жесты, эмоциональная интонация). Им исследуются случаи согласованности и несогласованности означающего и означаемого в знаке, приводящие к полисемии, омонимии, эллипсису, нулевому знаку. Ш. Балли принадлежит разработка принципов контрастивной лингвистики (на материале сопоставления французского и немецкого языков).

Альбера Сеше (1870--1946) характеризует интерес к отношению языка и мышления, к интеллектуальным аспектам мышления, к взаимодействию индивидуального и социального в языке. Он объявляет стилистику важной, но не имеющей лингвистического статуса дисциплиной. Грамматику он относит к языку, а стилистику к речи; рекомендуя заниматься стилистикой после грамматики. Им выдвигается теория двух ступеней в образовании грамматических явлений - дограмматической (язык жестов в широком смысле) и грамматической, в соответствии с которой всякое грамматическое явление возникает в индивидуальном дограмматическом акте, выражающем душевное состояние говорящего, и лишь затем переходит в область грамматики. Логика объявляется высшим правилом всякой грамматики. Различаются ассоциативная и синтагматическая грамматика. В синтагматике должен исследоваться с формальных и психологических позиций конфликт между грамматической формой предложения и процессом мышления.

А. Сешэ в статье "Три сосюрские лингвистики" (1940) предпринимает существенную ревизию подхода учителя к трактовке дихотомии языка и речи. Он выделяет в речевой деятельности организованную речь, которая связывает статику языка с его динамикой, дограмматические аффективные (психофизиологические по своей природе) индивидуальные элементы выражений с языком как социальным явлением, с грамматикой знаков.

В жизни Сергея Осиповича Карцевского (1884--1955) были предреволюционная эмиграция в связи с преследованиями в царской России, обучение в Женевском университете у Ш. Балли и А. Сеше, невозвращение в советскую Россию, преподавание в Женевском университете, сближение с праццами (особенно с Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном). Он придерживался семантико-структурного подхода к описанию языка. Ему принадлежат исследования с позиций семиологии словообразовательной и морфологической структуры русского глагола, отношения фразы и предложения, предложения и суждения (1927, 1928). В знаменитой статье "Об асимметрическом дуализме лингвистического знака" (1921) им были рассмотрены проблемы взаимного движения относительно друг друга планов означющего и означаемого и своеобразного скрещения в силу этого омонимии и синонимии.

Анри Фрею (1899--1980) был присущ функциональный подход к явлениям языка. Он призывал изучать живую речь, включая и ошибки ("Грамматика ошибок", 1929), обосновывал необходимость идеографического словаря наиболее употребительных предложений французского языка ("Книга двух тысяч предложений", 1953). Им был введен в обиход (и ему последовал Андре Мартине) термин монема для знака, означаемое которого далее неделимо.

Робер Годель известен как специалист по классическим, турецкому и армянскому языкам, общей теории языка (проблемы омонимии или тождества знаков в отношении к их месту в парадигме, нулевого знака и эллипсиса; теория предложения) и особенно как составитель антологии работ представителей Женевской школы (1969).

К числу представителей младшего поколения Женевской школы принадлежат Рудольф Энглер (издание автографов Ф. де Соссюра и библиографии соссюрведения; семиология и семантика), Рене Амакер (семиологический синтаксис), Луис Прието (общая лингвистика, семиология).

9.3. Школа А. Мейе и социологический подход к изучению языка

Имя А. Мейе обычно связывают с французской социологической школой в языкознании. Социологическое языкознание в целом представляет собой совокупность течений, школ и

отдельных концепций, трактующих язык прежде всего как средство общения людей, связанное с их общественным статусом, сферой занятий, образованием и т.п., и лишь затем как орудие мышления и как способ выявления эмоций. Оно выдвигает на первый план коммуникативную функцию языка наряду с признанием его системности и знаковой природы его единиц. В нём существенно учитываются результаты исследований в области социальной психологии, социологии и философии, структурной антропологии. Проявляется внимание к проблеме этногенеза, к исследованию территориальных диалектов как свидетельств исторического развития общества и социальных диалектов как отражения классового и профессионального расслоения общества, к взаимосвязям диалектов с национальным языком. Социологизм в языкознании способствовал развитию диалектологии и лингвистической географии. В его русле ведутся исследования истории языков и диалектов, соотношения языка и культуры, языковых и социальных структур. Он связан со становлением в тот же исторический период структурной антропологии, изучающей соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза (Люсьен Леви-Брюль, Бронислав Каспер Малиновский, Клод Леви-Строс). Ряд положений, выдвигаемых социологическим направлением языкознания, соотносимы с идеями философии языка (Людвиг Витгенштейн, 1889--1951; Джон Л. Остин, 1911--1960).

Обращение к социологизму было реакцией на натурализм А. Шлайхера, индивидуалистический психологизм младограмматиков и эстетизм представителей идеалистической нефилологии К. Фосслера. Оформляется социологическое направление на рубеже 19--20 в. с опорой на представления Джона Локка, Джамбаттисты Вико, Дени Дидро, Жан Жака Руссо, М.В. Ломоносова, В. фон Гумбольдта, Х. Штайнталя, В. Вундта, Мориса Бреала, Эмиля Дюркгейма, на идеи основоположников марксистской философии о социальной природе языка, в частности, на работу марксиста Поля Лафарга (1842--1911) о влиянии революции на французский язык. Складывается социологическое направление в ряде стран: во Франции (французская социологическая школа), Швейцарии (Женевская школа), США (У.И. Уитни, Э. Сепир, этнолингвистика и антропологическая лингвистика), СССР (Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Е.Д. Поливанов, Виктор Максимович Жирмунский, 1891--1971; Борис Александрович Ларин, 1893--1964; Николай Яковлевич Марр, 1864 или 1865--1934; следовавшие за ним представители "нового учения о языке": Розалия Осиповна Шор, 1894--1939; Николай Сергеевич Чемоданов, 1903--1989). В ряде позиций к социологическому направлению близки учёные Норвегии (Альф Соммерфельт, 1892--1965), Великобритании (Джон Руперт Фёрс, 1890--1960; созданная им Лондонская школа), представители Пражской лингвистической школы, немецкого неогумбольдтианства.

Французскую школу в социологическом языкознании возглавил Антуан Мейе (1866--1936), специалист по общему и сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию; автор исследований почти по всем древним и новым индоевропейским языкам (в том числе по латинскому, армянскому, тохарскому, славянским и германским языкам), имеющий в списке опубликованных трудов 24 книги (некоторые из них переведены на русский язык) и 540 статей. А. Мейе принадлежит капитальная разработка проблемы принципов и методов сравнительного исследования в историческом языкознании. Он потребовал коренного совершенствования сравнительно-исторического метода, объявив сравнительно-историческое исследование не целью, а методом. Он скептически относился к возможности реконструировать праязык, предложив ограничиться установлением

совокупности соответствий между засвидетельствованными языками как собственно индоевропейского языка. А. Мейе предпочитал наблюдения над современными условиями речевой деятельности, дающие доступ ко всей совокупности необходимых фактов. Отсюда и его стремление реализовать метод лингвистической географии.

А. Мейе обращается к философии О. Конта, Э. Дюркгейма, Б. Кроче. Для него ошибочно обращение к психологии при трактовке исторических изменений в языке. Он предпринимает попытки найти социологическое истолкование большинству языковых явлений, сводя причины языковых изменений только к изменениям в обществе, пользуясь этим языком, и понимая нацию как "волю к единству". А. Мейе выдвигает тезис о социальной дробности языка и приписывает каждой социальной группе специфические интеллектуальные способности. Семантические изменения слов объясняются их переходом из более широкой социальной группы в более узкую или наоборот. Заимствования из языка в язык или из диалекта в диалект признаются одним из существенных факторов языкового развития. Подчеркивается роль смешения языков в их эволюции. Дифференциация языков объясняется расселением народов, а унификация (интеграция) -- завоеваниями. А. Мейе стремится видеть социальную обусловленность также и в звуковых изменениях, осуществляющихся лишь в случае соответствия системе языка и общим тенденциям развития, предполагающим лучшее удовлетворение потребностей данного общества.

Морис Граммон (1866--1960) известен своей полемикой с младограмматиками и отказом признавать безоговорочное действие звуковых законов.

Жозеф Вандриес (1875--1960) занимался общим языкознанием, индоевропейскими в целом и особенно классическими и кельтскими языками. Он систематизировал взгляды Ф. де Соссюра и А. Мейе и дал изложение собственных позиций в книге "Язык: Лингвистическое введение в историю (русский перевод: 1937). Он понимает науку о языке как лингвистическое введение в историю, определяя язык как сложный (физиологический, психологический, социальный и исторический) акт. Ему присуще отношение к языку как прежде всего социальному факту, происхождение которого обусловлено потребностями общения. Он постулирует зависимость форм языка на самой ранней ступени от законов, которые управляют формированием всех социальных институтов. Он согласен с соссюровским тезисом о произвольности языкового знака. Им допускается признание индивидуального характера происхождения фонетического новообразования при его генерализации лишь в случае соответствия тенденциям, обусловленным потребностями всего языкового коллектива. Связи между уровнем культурного развития народа и грамматическими категориями данного языка, между расой и языком им отрицаются. Признаётся обусловленность грамматических категорий социальными условиями жизни человека. Аналогиям приписывается упрощающая роль в морфологии.

Ж. Вандриес призывает изучать язык прежде всего в настоящем его состоянии. Он указывает на определение судьбы слова социальными моментами, а не фонетическими факторами, и подчеркивает наличие в развитии языка тенденции к унификации и тенденции к дифференциации. Он развивает эмоциональную теорию развития языка. Среди его заслуг разработка теории ономастопеи; объяснение эволюции языка усложнением социальных отношений; внимание к соотношению диалектов, письменной и литературной форм языка, сленга; интерес к лингвистической географии; обсуждение проблемы классификации языков; констатация победы в борьбе соперничающих языков того, который обладает более

высоким престижем; указание на сохранение языком тождества самому себе при любом количестве заимствованных иностранных элементов; критика выдвинутой Отто Есперсеном теории прогресса языков, признающей лишь движение от синтетизма к аналитизму; введение термина семантема для носителя лексического значения в слове и морфема для носителя грамматического значения в слове.

Эмиль Бенвенист (1902--1976) был преемником А. Мейе по кафедре. Он преимущественно занимался проблемами индоевропейского компаративизма (грамматика согдийского языка, исследование индоевропейского именного словообразования, работы по хеттскому языку). В своих работах он обсуждал проблемы природы языкового знака, языковой структуры, структурных уровней языковой системы и отношений между единицами разных уровней. Э. Бенвенист напоминал о невозможности обойтись в лингвистическом анализе без значения, квалифицируя взаимосвязь формы и значения как основную проблему языкознания. Он подчёркивал необходимость соотносить методы анализа с исследуемым объектом.

Марсель Коэн (1884--1975) развивал основные идеи Ф. де Соссюра и А. Мейе с учётом своих марксистских позиций. Он признавал недопустимость говорить о марксистской лингвистике, так же как и о марксистской физике, марксистской астрономии и т.п. Он понимал систему языка как особую структуру с особыми законами эволюции и настаивал на её автономном положении по отношению к обществу -- творцу и носителю языка. Им была выдвинута обширная программа исследования языка в разных социальных условиях. Он признаёт приоритет социальных факторов при изучении языковых явлений за многими другими французскими лингвистами -- представителями психологического направления (Жак Дамуретт, Эдуар Пишон), лингвистической географии (Жюль Жильерон, Альбер Доза), диалектологии (Гастон Парис), социальной диалектологии (Лазар Сенеан/Шейняну).

9.4. Лингвистический структурализм: претензии и результаты

На рубеже 19--20 вв. многих лингвистов перестали удовлетворять преимущественно историко-генетическая ориентация подавляющего большинства лингвистических исследований и пренебрежение к современному состоянию языка. Внимание к истории разрозненных языковых явлений без достаточного учёта их места в системе языка позволяло всё чаще выдвигать упреки в атомизме (особенно в адрес младограмматиков), который мешает видеть внутренние связи и отношения между элементами языковой системы, обеспечивающие её целостность в данный период развития и обуславливающие тождество языка самому себе в разные периоды его эволюции. Стала ясна неадекватность интереса по преимуществу к субстанциональной стороне языковых явлений. Предметом критики становились присущие ещё "традиционному" языкознанию нестрогие определения лингвистических понятий, особенно при построении описаний современных языков, и обращение к ограниченному множеству языков с их описанием чаще всего в терминах универсальной грамматики, сложившейся на базе латинской грамматики, а также частое обращение к внеязыковым факторам для объяснения природы и сущности языка. Уже в русле фортуатовского, бодуэновско-щербовского, соссюрского подходов к языку формируются новые исследовательские программы и принципы. В этих направлениях провозглашается приоритет синхронического анализа языка. Складывается структурное направление в языкознании, в котором язык начинает рассматриваться прежде всего как одна из знаковых систем, и на его исследование распространяется семиологический / семиотический принцип, требующий учитывать при анализе каждого из элементов знаковой системы те его

признаки, благодаря которым он оказывается дифференцирован от всех других элементов данной системы и сохраняет тождество самому себе во всех его индивидуальных реализациях, во всех возможных вариантах.

Язык предстаёт как сложная многоуровневая система, включающая в себя множество взаимосвязанных и взаимообусловленных дискретных элементов (и ряд взаимосвязанных, образующих иерархию в рамках целого подсистем, которые включают в свой состав элементы определённого рода). Преимущественное внимание со стороны представителей этих направлений уделяется не столько субстанции языковых элементов, сколько их реляционным характеристикам, которые они получают, функционируя в структуре языка как члены отношений и зависимостей. Язык сводится в большей или меньшей степени к структуре, т.е. сети отношений между её элементами. Объявляется зависимость языкового элемента от системы в целом, от его места по отношению к другим элементам и к языковому целому. Дифференциальное содержание (совокупность различительных признаков) элемента выявляется через проверку его противопоставлений (оппозиций и контрастов) другим элементам либо в парадигматическом классе, либо в синтагматической последовательности.

Анализ текста / высказывания в качестве исходного материала проводится с целью: а) выделения в нём обобщённых инвариантных единиц (фонем, морфем, схем предложений), соотносящихся с конкретными речевыми сегментами; б) определения границ варьирования языковых единиц при условии сохранения ими самоидентичности; в) установления правил перехода от языковой системы (от глубинного представления) к речевой реализации (к поверхностной структуре). Статическая структурная лингвистика стала потом базой для формирования динамической генеративной лингвистики (прежде всего порождающей трансформационной грамматики Н. Хомского), для первоначальной разработки и решения задач в области машинного перевода, для развития новых областей прикладной лингвистики, для возникновения структурной типологии языков. В структурном языкознании сформировался ряд строгих методов, предназначенных для синхронического описания языка. Лингвисты вновь обратились к принципу логицизма, стали использовать достижения новой (реляционной) логики и прежде всего такие её дисциплины, как логический синтаксис, а затем и логическая семантика. Благодаря структурализму в языкознание стали проникать математические методы исследования (математическая логика, теория множеств, топология, теория алгоритмов, теория графов, теория вероятностей, теория информации, математическая статистика и т.д.).

Историки языкознания видят в числе истоков структурного подхода к языку древнеиндийскую грамматику Панини, философско-лингвистические опыты Р. Декарта и Г.В. Лейбница, труды И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра, а также Н.В. Крушевского, Л.В. Щербы, О. Есперсена, Э. Сепира, Л. Блумфилда, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, деятельность Московского лингвистического кружка (созданного в 1915) и русской формальной школы в литературоведении (представленной ОПОЯЗом и включавшей в свой состав Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, С.И. Бернштейна), труды В.Я. Проппа, Б.В. Томашевского, О.М. Брика.

В 20--40-х гг. складываются основные школы, сыгравшие роль в разработке принципов и методов структурной лингвистики (Пражская, Копенгагенская, американская, Лондонская), а также близкие к ним Ленинградская фонологическая школа и Московская фонологическая школа. Иногда спорят о возможности выделить близкий к Пражской школе функциональной

лингвистики французский структурализм (в рамках которого развивалась структурно-функциональная школа А. Мартине) и о появившемся в 60-х гг., после снятия идеологических запретов, отечественного структурализма (московская и др. школы).

Но не все учёные этого периода принадлежат непосредственно к "классическим" школам лингвистического структурализма, хотя и внесли свой -- в духе времени -- вклад в развитие структурного (формального) анализа языка в приложении к фонологическому, морфологическому, а затем лексическому и синтаксическому уровням, а также уровню текста. В их числе А. Мартине (разработка модели языка "система -- функция"; теория монемы как минимального знака, могущего быть либо лексемой, либо морфемой; распространение структурного подхода на диахроническую лингвистику), Э. Бенвенист (проблемы языкового знака, уровней языка, грамматической структуры языка), Л. Теньер (грамматика зависимостей, в которой одновершинная модель предложения с доминирующим глаголом заменяет двухвершинные модели предложения, характерные для традиционной грамматики и для грамматики непосредственно составляющих; теория валентности; теория транспозиций), М. Мамудян (дальнейшее развитие структурного функционализма), А.В. де Гроот (проблема грамматических единиц, структурная грамматика), Е. Курилович (теория знака, теория грамматической структуры, создание структурной диахронической морфологии), Г. Вотьяк (компонентный анализ лексического значения), В. Дресслер (лингвистика текста), А.А. Реформатский (знаковая теория языка, фонология, морфонология), И.И. Ревзин (общая теория моделирования, теоретико-множественная структура языка), А.А. Холодович (теория классов слов, теория построенной на валентностном принципе синтаксической конфигурации), Ю.К. Лекомцев (теория метаязыка лингвистики), Т.П. Ломтев (синтаксическая парадигматика, фонология в теоретико-множественном представлении), Г.С. Щур (общая теория поля), Е.В. Гульга и Е.И. Шендельс (лексико-грамматические поля), А.И. Смирницкий, Ю.Д. Апресян (структурная лексикология), А.А. Зализняк, В.А. Звегинцев, Г.А. Климов, В.М. Солнцев, Ю.С. Степанов, Б.А. Успенский, С.К. Шаумян, Н.Ю. Шведова, М.И. Стеблин-Каменский, Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Н.Д. Андреев, Р.Г. Пиотровский, В.Б. Касевич (фонология, морфонология), В.А. Бондарко (теория функционально-семантических полей, функциональная грамматика), В.С. Храковский, В.П. Недялков, А.С. Герд, В.Л. Архангельский (структурный подход к фразеологии), И.П. Сусов (установление инвентаря моделей предложения посредством валентностного анализа, анализ многоуровневой организации плана содержания предложения), В.В. Богданов (семантико-синтаксическое моделирование предложения), Г.Г. Почепцов (конструктивный синтаксис), Д.Г. Богушевич (теория таксономии языковых единиц и категорий) и мн. др.

На первом этапе развития структурной лингвистики (с 20-х до 50-х гг.) отмечают такие особенности, как повышенное и в некоторых концепциях исключительное внимание к структуре плана выражения как более доступной строгому описанию и забвение содержательной стороны языка; преувеличение роли отношений между единицами языка и игнорирование природы самих единиц; слишком "статичное" представление системы языка; игнорирование роли социальных и психологических факторов в функционировании и варьировании языка.

Второй этап развития лингвистического структурализма (с 50-х до 70-х гг.) характеризуют такие черты, как поворот к изучению содержательной стороны и к динамическим моделям языка; формирование метода трансформационного анализа в

грамматике; развитие теории поля и метода компонентного анализа в лексикологии и грамматике; построение парадигм предложения и установление инвентаря инвариантных схем предложения; семантическое моделирование предложения; распространение структурных методов на исследования по лингвистике текста, включая его грамматические и семантические свойства; широкое применение структурных методов в сравнительно-историческом языкознании. Эти акценты в анализ языка внесли Р.О. Якобсон, А. Мартине, Е. Курилович, Э. Бенвенист, Н.Д. Андреев, У.Ф. Леман, Э.А. Макаев, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, В.В. Мартынов, В.А. Дыбо и др. Был расширен арсенал используемых приёмов исследования. В 70-х гг. структурное языкознание растворилось в новых лингвистических направлениях, "передав" им свой концептуальный аппарат и свои исследовательские методы.

Лингвистический структурализм оказал заметное воздействие на смежные науки (литературоведение, поэтику, искусствознание, этнологию, антропологию, историю, социологию, психологию и др.). Весьма специфичен так называемый "французский структурализм" (отличный от французской структурно-функциональной лингвистики), объединявший К. Леви-Строса, Р. Барта, М.П. Фуко, Ж. де Лакана, Ц. Тодорова) и сложившийся на основ идей неокантианства, феноменологии Э. Гуссерля, логического позитивизма. Поэтому нужно различать структурализм как философское и общекультурное течение и структурное языкознание как особый этап в истории лингвистической мысли, связанный с переходом от эмпиризма к рационализму, от атомистического к системному осмыслению языка. Основные понятия и принципы структурной лингвистики вошли составной частью в современную общую теорию языка.

9.5. Пражская школа лингвистического структурализма

Пражская лингвистическая школа была первой по времени образования среди школ структурного языкознания, возникновение которого было подготовлено, как уже отмечалось, деятельностью И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Ф.Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы и которое требовало перенесения центра тяжести в лингвистическом исследовании на изучение преимущественно или исключительно в синхроническом плане, с привлечением строгих формальных методов присущей языку жёсткой (инвариантной) внутренней структуры, образуемой множеством отношений (противоположений) между его чётко выделяемыми элементами и обеспечивающей целостность языковой системы и возможности его функционирования в качестве знаковой системы.

Эта школа была создана в 1926 по инициативе В. Матезиуса и Р.О. Якобсона и просуществовала организационно до начала 50 гг. Пражский лингвистический кружок явился центром деятельности Пражской школы, поистине интернациональной по своему составу. Организатором и главой кружка был Вилем Матезиус (1882--1945). В кружок входили чехословацкие учёные Франтишек Травничек (1888--1961), Ян Мукаржовский (1891--1975), Богумил Трнка (1895--1984), Богуслав Гавранек (1893--1978), Йозеф Вахек (1909), Франтишек Оберпфальцер, а позднее Владимир Скаличка (1908), Йозеф Мирослав Коржинек (1899--1945), Павел Трост (1907), Людовит Горалек. Среди членов кружка были русские лингвисты-эмигранты Николай Сергеевич Трубецкой (1890--1938), Роман Осипович Якобсон (1896--1982), близкий к женевской школе Сергей Осипович Карцевский (1884--1955). Сотрудничали с пражцами советские учёные Пётр Георгиевич Богатырёв (1893--1971), Григорий Осипович Винокур (1896--1947), Евгений Дмитриевич Поливанов (1891--1937), Борис Викторович Томашевский (1890--1957), Юрий Николаевич Тынянов (1894--

1943); австрийский психолог Карл Людвиг Бюлер (1879--1963); англичанин Дэниэл Джоунз (1881--1967), датчанин Луи Ельмслев (1899--1965), голландец Алберт Виллем де Гроот (1892--1963), польские языковеды Хенрик Улашин (1874--1956) и Витольд Ян Дорошевский (1899--1976). Близки по своим позициям к прагматикам были создатель французской школы структурализма Андре Мартине (1908) и французский структуралист Люсьен Теньер (1893--1954), американец Леонард Блумфилд (1887--1949). Кружок издавал (1929--1939) "Travaux du Cercle linguistique de Prague" и журнал "Slovo a slovesnost". Его идеи формировались с опорой на собственные традиции чехословацкой науки, а также на идеи Ф. де Соссюра, представителей бодуэновско-щербовского и фортунатовского направлений.

Первое изложение новой исследовательской программы по общему и славянскому языкознанию было дано в "Тезисах Пражского лингвистического кружка" (1929), содержащих в достаточно чётком виде основные положения, которые разрабатывались в дальнейшей деятельности Пражской школы функциональной лингвистики. Были выдвинуты принципы структурного описания языка. В этих тезисах давалось определение языка как системы средств выражения, служащей какой-то определённой цели, как функциональной системы, обладающей целевой направленностью; указывалось на невозможность понять любое явление в языке без учёта системы, к которой оно принадлежит. Синхронный анализ современных языков провозглашался лучшим способом для познания сущности и характера языка и распространения системного понимания на изучение прошлых языковых состояний. Подчёркивалась недопустимость проводимого в Женевской школе жёсткого разграничения между методом синхроническим и диахроническим; указывалось на невозможность исключить понятие эволюции из синхронического описания. Признавалась необходимость в сравнительном изучении родственных языков не ограничиваться только генетическими проблемами, но и использовать структуральное сравнение и типологический подход, чтобы системно осмыслить законы конвергенции и дивергенции языков. В тезисах провозглашался призыв к исследованию языковых контактов в рамках региональных объединений различного масштаба, высказывалось несогласие с утверждениями о произвольном и случайном характере возникновения языковых явлений.

В "Тезисах ПЛК" были заложены основы структурно-фонологического анализа. Исходя из целевой обусловленности фонологических явлений, приоритет отдавался не двигательному, а акустическому образу. Подчёркивалась важность инструментального исследования звуковой стороны языка. Было проведено различие трёх аспектов звуков -- как объективного физического факта, как акустико-двигательного представления и как элемента функциональной системы. Подчёркивалась меньшая существенность материального содержания фонологических элементов по сравнению с их взаимосвязью внутри системы (в соответствии со структуральным принципом фонологической системы). К числу задач синхронической фонологии были отнесены: установление состава фонем и выявление связей между ними, определение фонологических корреляций как особого вида значимых различий, регистрация реальных и теоретически возможных в данном языке сочетаний фонем, изучение морфологического использования фонологических различий (морфофонологии) и анализ морфем типа к/ч в комплексе рук/ч: рука, ручной.

Прагматика сформулировали задачи теории номинации и функционального синтаксиса. Они различали номинативную деятельность, результатом которой является слово и которая -- на основе особой для каждого языка номинативной системы -- расчленяет действительность на лингвистически определяемые элементы, и синтагматическую деятельность, ведущую к

сочетанию слов. В теории номинации объединяются исследования различных номинативных способов и грамматических значений слов. К теории синтагматических способов (функциональному синтаксису) были отнесены: изучение предикации, которая является основным синтагматическим действием, создающим предложение; различие формального членения предложения на подлежащее и сказуемое и актуального членения на тему и высказывание; понимание под морфологией (в широком смысле) теории системы форм слов и их групп, пересекающейся со словообразованием, традиционной морфологией и синтаксисом; подчёркивание роли морфологической системы языка в обеспечении связей между различными формами и функциями.

Пражцам принадлежит формулирование многих принципов функционального описания языка. Они различали речевую деятельность внутреннюю и реализованную, речевую деятельность интеллектуализованную и аффективную; разграничивали две социальные функции речевой деятельности -- как функцию средства общения (с использованием либо языка практического, либо языка теоретического) и функцию поэтическую (с использованием поэтического языка). Формы лингвистических проявлений подразделяются на устную и письменную. Делается призыв к систематическому изучению жестов; указывается на важность исследования взаимоотношений между говорящими, проблем межъязыковых связей, специальных языков, распределения языковых пластов в городах. Пражцами намечается программа синхронического и диахронического исследования условий формирования литературного языка, его отношения к диалектам и народному языку, его роли в обществе, его стилистических особенностей, возможностей вмешательства в его развитие, характера разговорно-литературной формы языка. Намечается программа лингвистического исследования поэтического языка с его особыми явлениями в области фонологии, морфологии, синтаксиса и лексики.

Особого внимания заслуживает постановка задач перед структурно-функциональным славянским языкознанием, где предлагается использовать принципы лингвистической географии в этнографическом описании славянских территорий и составлении общеславянского лингвистического (особенно лексического) атласа, обратить внимание на развитие исторической лексикографии, важной для общей психологии и истории культуры. Специально подчёркивается системный характер организации лексики, который делает необходимым изучение структуры лексической системы, дающее возможность определить место в ней каждого отдельного слова. Пражцы призывают к разработке культуры и критики славянских языков.

В русле Пражской школы функциональной лингвистики складывалась фонология как первая дисциплина, где был применён структурно-функциональный подход. Её создатель Н.С. Трубецкой, автор всемирно известного труда "Grundzuege der Phonologie" (1939) опирался на идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы, К. Бюлера/ Основные черты его фонологической концепции: разграничение фонологии и фонетики (параллельно соссюровскому разграничению языка и речи); разработка критериев (в основном функциональных) выделения и отождествления фонем; выдвижение понятия фонологической оппозиции; указание на разложимость фонемы на одновременно данные, нелинейные различительные признаки и определение фонемы как "пучка" различительных признаков; использование фонетических характеристик при описании дифференциальных признаков (что не допускалось дескриптивистами и глоссематиками); разработка типологии фонологических оппозиций; указание на нейтрализацию фонологических оппозиций в

определённых позициях и постулирование архифонемы как единицы, объединяющей свойства нейтрализуемых фонем. Впоследствии понятия и методы структурного анализа, выработанные в фонологии, были перенесены на изучение морфологии (работы Р.О. Якобсона, В. Скалички, В. Матезиуса, Л. Новака). Р.О. Якобсоном были выдвинуты идеи о неравноправности членов морфологической корреляции (маркированность -- немаркированность), о наличии единого семантического инварианта для каждого из членов морфологической категории, о непрременной бинарности грамматических оппозиций и наибольшей адекватности дихотомических разбиений.

Серьёзный вклад был сделан пражцами в разработку понятия функциональной перспективы предложения, задаваемой актуальным членением, т.е. членением на тему и ремю (В. Матезиус и др.). Основательно были разработаны функциональная стилистика и теория литературного языка, проведено разграничение понятий норма и кодификация (для объективно существующего в языке и для целенаправленной деятельности лингвиста).

Разработка традиций ПЛК была продолжена в послевоенной чехословацкой лингвистике на основе принципов марксизма-ленинизма (Ф. Данеш, Я. Фирбас, П. Сгалл и др.). Идеи ПЛК воздействовали на формирование и развитие французского структурно-функционального языкознания (А. Мартине, Л. Теньер, М. Мамудян) и вообще функциональной лингвистики, на деятельность советских языковедов и в целом на мировую лингвистику.

Оппозиционный анализ явился главным вкладом пражцев в методологию структурного анализа языка. Оппозиция понималась как лингвистически (семиологически или семиотически) существенное различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие плана содержания (и наоборот), как специфического вида парадигматического отношения (корреляция). Оппозиционный метод стал использоваться для идентификации (установления парадигматических границ) языковых единиц, для выявления дифференциальных признаков (и их наборов) в фонетической или семантической субстанции, отличающих данную единицу от противопоставляемых ей единиц, для установления системных связей между противопоставленными единицами.

Сопоставляются, как правило, члены одной пары единиц, обладающие частично общими признаками (основание для сравнения) и частично различительными (дифференциальными) признаками. Различаются оппозиции: а) одномерная и многомерная; б) изолированная и пропорциональная; в) привативная, градуальная (ступенчатая) и эквиполентная; в) постоянная и нейтрализуемая. Один из членов привативной оппозиции квалифицируется как немаркированный (беспризнаковый) и маркированный (признаковый).

Р. О. Якобсон стремился свести все оппозиции к бинарным; перенеся бинарный принцип из фонологии в морфологию (утверждение неравноправного статуса членов морфологической категории). Классические фонологические опыты пражцев получают продолжение в виде построенной позднее, в американский период деятельности Р.О. Якобсона, в сотрудничестве с Гуннаром Фантом и Моррисом Халле, дихотомической фонологии, в которой фундаментальной звуковой единицей объявляется дифференциальный признак и постулируется наличие универсального набора фонологических дифференциальных признаков. Оппозиционный метод, разработанный в фонологии и морфологии, становится базисом для формирования метода компонентного анализа в области структурной лексикологии и семантики. Компонентный анализ выступает по существу как частный вид оппозиционного анализа.

Величайший лингвист 20 в. Р.О. Якобсон продолжает русские традиции в области языкознания и поэтики (русский формализм) и традиции Пражской лингвистической школы (школа "средство -- цель") после разгрома чешской культуры нацистами, скитаясь по ряду стран (Дания, Норвегия, Швеция) и осев, наконец, в США (с 1941), где он длительное время преподавал в Вольной школе высших исследований, Гарвардском университете и Массачусетском технологическом институте (созданная Р.О. Якобсоном Массачусетская школа стала одной из ведущих в американском структурализме). Он участвовал в создании (1943) Нью-Йоркского лингвистического кружка. Он проявлял активный интерес к проблемам многочисленных конкретных языков, теории эволюции языков, теории языковых союзов, типологии языков, теории знака (в том числе и нулевого), общей теории языка (прежде всего фонологии, в том числе и исторической, морфологических категорий, грамматического значения), места языка среди коммуникативных систем, соотношения языкового кода и вербального сообщения, взаимоотношения языка и мозга, лингвистических аспектов перевода, отношения лингвистики к естественным и гуманитарным наукам, истории языкознания, к проблемам фольклора, поэтики, речевых афазий, детской речи, возможностям применения в лингвистических исследованиях достижений семиотики, теории информации, генетики. Он разработал метод бинарных оппозиций, создал дихотомическую фонологию, постулирующую наличие универсального для языков мира набора определяемых в акустических терминах различительных признаков.

9.6. Датский структурализм (глоссематика)

В 1931 г. был основан Копенгагенский лингвистический кружок, во главе которого стояли Луи Ельмслев (1899--1965) и Вигго Брэндаль (1887--1942) и в который входили Ханс Кристиан Сёренсен (р. 1911), Эли Фишер-Йёргенсен (р. 1911), Нильс Эге, Хольгер Педерсен (1867--1953), Йенс Отто Харри Есперсен (1860--1943), Ханс Йёрген Ульдалль (1907--1957), Луис Леонор Хаммерих (1892--1975), Кнуд Тогебю (1918--1974), Х. Спанг-Хансен, Адольф Стендер-Петерсен (1893--1963), Пауль Дидерихсен (1905--1964), а в качестве иностранных членов Р.О. Якобсон и Эрик Пратт Хэмп (р. 1920). Кружок издавал журнал "Acta linguistica Hafniensia" (с 1939) и неперIODический сборник "Travaux du Cercle linguistique de Prague" (с 1944). КЛК был создан в период утверждения в языкознании и в смежных науках идей структурализма. Он формировался под влиянием идей Ф. де Соссюра, Московской фортунаговской школы, Женевской школы, Пражской лингвистической школы. Многие датские структуралисты понимали язык как структуру, а именно как целое, состоящее, в противоположность простому сочетанию элементов, из взаимообусловленных явлений, из которых каждое зависит от других и может быть таковым только в связи с ним.

Принципы структурализма были приняты большинством членов кружка (за исключением Х. Педерсена и Й.О.Х. Есперсена). В рамках КЛК сложилась глоссематика как крайнее, строго формализованное в духе требований математики, логики, семиотики и философии неопозитивизма воззрение на язык.

В глоссематике как универсальной синхронической (или -- вернее -панхронической либо даже ахронической) теории языка, разработанной Л. Ельмслевом и Х.Й. Ульдаллем и полно изложенной в работе Л. Ельмслева "Пролегомены к теории языка" (1943), наиболее последовательно была реализована исследовательская программа Ф. де Соссюра, и в этой реализации были акцентированы такие моменты, как признание независимости теории от опыта и экспериментальных данных; стремление строить теорию как логико-математическое исчисление, интерпретация которого на реальном объекте может следовать

потом (но не является обязательным условием подтверждения истинности теории); предназначение теории быть приложимой к языкам любой природы; восприятие идей Ф. де Соссюра о различии языка и речи, о системности языка, о двусторонней структуре знака, о понимании языка как формы, а не субстанции, о замкнутости языковой системы в себе и необходимости имманентного подхода, исключающего обращение к семантической и фонетической субстанции, к социологическим факторам.

Соссюровская дихотомия "язык -- речь" заменяется четырёхчленным противопоставлением "схема -- норма -- узус -- акт речи". В языке выделяются план выражения и план содержания, с дальнейшим различием в первом формы выражения и субстанции выражения и во втором -- соответственно -- формы содержания и субстанции содержания. Субстанция выражения (звуковая материя) и субстанция содержания (семантическая материя, идеи, понятия) выводятся за пределы языка. Провозглашаются существенность только формы и полное подчинение ей субстанции. Считается возможным отождествлять по форме (структуре) язык в любом его субстанциальном проявлении. Отношения между языковыми элементами квалифицируются как функции в логико-математическом смысле. Языковые элементы (функтивы) признаются не более как результаты пересечения пучков отношений (пучки функций), формулируется отказ видеть в них субстанциальные, положительные величины. Язык сводится к сети зависимостей (структуре). Подчёркивается положение о том, что язык есть лишь частный случай семиотических систем.

Анализ осуществляется сверху, от текста и доводится его до нечленимых далее элементов (фигур плана выражения, кенем, фонем и фигур плана содержания, элементарных единиц смысла, плерем). Обнаруживаемые при этом отношения регистрируются посредством множества терминов только для текста (процесса), только для системы, а также для текста и системы в совокупности. Границы между разными уровнями языка снимаются.

Глоссематиками разрабатывается метод коммутации (Л. Ельмслев, Э. Фишер-Йёргенсен, М. Клостер Енсен), позволяющий устанавливать на основе взаимоподставимости с соответствующим изменением в плане содержания (или, наоборот, в плане выражения) единицы-инварианты и отличать их от вариантов, находящихся в отношениях субституции (некоммутируемости). Коммутация понимается как такое парадигматическое отношение, при котором единицы плана выражения находятся в таком же соответствии, как и единицы плана содержания этих же знаков. Этот метод близок к оппозиционному анализу пражцев (принцип минимальных пар). Признаётся возможным коммутационный тест на всех уровнях анализа. Проводится различие коммутируемости знаков и коммутируемости фигур (элементов плана выражения и, соответственно, элементов плана содержания). Отмечается, что синкретизм есть следствие некоммутируемости двух инвариантов в определённых позициях; понятие синкретизма отличается от используемого пражцами понятия нейтрализации за счёт отказа от учёта общих признаков у противопоставляемых элементов.

Глоссематики сформулировали жёсткие методологические требования к описанию, опирающиеся на принцип непротиворечивости, принцип исчерпываемости и принцип предельной простоты. Для описания естественных языков глоссематическая модель использовалась лишь в отдельных случаях (К. Тогебю, Я.Л. Мей). Многими и в лагере структуралистов эта теория была оценена как крайне абстрактная и сугубо реляционистская (А. Мартине и др.). Раздавались возражения против ряда положений также со стороны некоторых датских структуралистов (Х. Спанг-Хансен, Э. Фишер-Йёргенсен). Рядом учёных

была признана близость теоретических постулатов и методов глоссематики и дескриптивизма (Эйнара Хауген). Интересна эта модель (как своего рода алгебра языка) для формально-логического описания как человеческого языка, так и различных семиотических систем, для специалистов в области возникшей позднее математической лингвистики. Необходимо отметить её существенную роль в развитии строгих методов лингвистического исследования. В постструктурный период (с 70-х гг.) интерес ряда датских языковедов, бывших ранее структуралистами, переключился на генеративную лингвистику и т.п.

9.7. Американский структурализм и его направления

В конце 20-х гг. в США возникает и активно развивается в общем русле структурного языкознания дескриптивная лингвистика, выступавшая в двух вариантах. Во-первых, это исчерпавшее себя к концу 50-х -- началу 60 гг. формально-структуралистское, собственно дескриптивное или дистрибутивное течение, представленное более формальной (имманентной) по своим рабочим принципам группой учеников и последователей Леонарда Блумфилда (1887--1949) по Йельскому университету (Коннектикут) и соответственно называемое Йельской школой; она прошла в своём развитии этап блумфилдианства и этап дистрибуционализма (Бернард Блок, 1907--1965; Джордж Леонард Трейджер, р. 1906; Зеллиг Заббетаи Харрис, р. 1909; Чарлз Ф. Хоккет, р. 1916; М. Джус; Генри Глисон, р. 1917). Во-вторых, это умеренно структуралистское течение, близкое к позициям блумфилдианской школы и в то же время сохранявшее этнографическую и этнолингвистическую ориентацию, известное под именем Анн-арборской школы (Мичиганский университет). Сюда входили Чарлз Карпентер Фриз (1887--1967), Кеннет Ли Пайк (р. 1912); Юджин Алберт Найда (р. 1914). В русле этой школы сформировалась тагмемика.

Программа дескриптивного направления была намечена Л. Блумфилдом ("Введение в изучение языка", 1914; "Язык", 1933). Сложившиеся позднее основные принципы дистрибуционализма были изложены З. Харрисом ("Methods in structural linguistics", 1951; переиздание под названием "Structural linguistics", 1961). Главные отличия дескриптивной лингвистики вообще и дистрибутивной лингвистики в частности от европейских направлений структурализма заключаются в следующем: опора на философские системы позитивизма и прагматизма и психологию бихевиоризма; продолжение унаследованных от предшествующих поколений американских лингвистов (и особенно представителей антропологической школы Ф. Боаса) традиций полевого исследования америндских языков и апробация новых методов формального описания прежде всего на их материале, а лишь затем на материале английского, испанского, тюркских, семитских языков; решение прикладных задач по дешифровке текстов (по заказам военного ведомства), по языковой адаптации разнородных и многочисленных групп иммигрантов из Европы, Центральной и Южной Америки, Азии.

Дескриптивная лингвистика возникла как реакция на неадекватность традиционной (по существу логической) грамматики, ориентированной на описание латинского языка и языков Европы, и неприменимость сравнительно-исторического метода с его понятиями звуковых законов и изменений по аналогии к описанию многочисленных индейских языков, типологически отличающихся от европейских языков и не располагавших достаточно длительной письменной традицией или вообще бесписьменных, не служивших ранее объектами полного и систематического лингвистического описания. Учитывалась и невозможность в условиях полевого исследования прежде незнакомых лингвисту языков при работе с информантами опереться на семантические критерии.

Асемантический подход в блумфилдианской школе оправдывался бихевиористским пониманием языка как разновидности поведения человека, определяющегося формулой "стимул → реакция" (практическое действие как реакция на речевой стимул, речевой стимул с последующей неречевой реакцией) и не предполагающего обращения исследователя к сознанию человека. Учитывались только наблюдаемые в непосредственном опыте формы поведения и данных эксперимента. Ментализм (т.е. психологический или логический подхода) европейской традиционной лингвистики не принимается как "ненаучный", мешающий превращению лингвистику в точную науку. Блумфилдианцы отказывались принимать во внимание значения языковых форм, ссылки на категории мышления и психики человека, как это делали младограмматики и представители эстетического идеализма в языкознании. Антиментализм и механицизм (физикализм) стали ведущими методологическими принципами дескриптивной лингвистики.

Дистрибутивный анализ осуществляется в направлении "снизу вверх", сперва на фонологическом, а затем на морфологическом. Разрабатывается изоцированная, крайне формализованная система экспериментальных приёмов "обнаружения" языковой системы в текстах. В процедуру входят: а) предварительная запись высказываний информантов с помощью рабочей фонетической транскрипции; б) сегментация текста на лингвистические значимые единицы посредством тестов на субституцию (проверка парадигматической взаимозаменяемости элементов с тождественными свойствами); в) их идентификация как инвариантов, которая осуществляется путём сведения речевых сегментов (фонем, морфем и т. д.) в языковые единицы-инварианты (фонемы, морфемы) с опорой на сугубо формальный критерий -- учёт дистрибуции (распределения) единиц относительно друг друга в тексте; г) группировка выявленных единиц в дистрибутивные классы.

Дистрибутивный анализ (distributional analysis) представляет собой систему диагностических по своему характеру приёмов членения высказывания на минимально возможные в данном языке сегменты (фоны и морфы) с опорой на субституцию (подстановку), отграничения друг от друга самостоятельных единиц-инвариантов (фонем и морфем) на основе пересекающейся контрастирующей дистрибуции, приписывания сегментам статуса аллофонов или алломорфов как вариантов определённых фонем и морфем с опорой на непересекающуюся дополнительную дистрибуцию или на свободное варьирование (как один из видов пересекающейся дистрибуции), установления дистрибутивных классов фонем и морфем. Признаётся изоморфность анализа на фонологическом и морфологическом уровнях: фон -- аллофон -- фонема, морф -- алломорф -- морфема. При исследовании на фонологическом уровне устанавливаются состав фонем (фонематика) и их аранжировка (фонотактика), на морфологическом уровне -- состав морфем (морфематика) и их аранжировка (морфотактика). Фонема понимается как семья (или парадигматический класс) аллофонов, т.е. её вариантов, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции (позиционные варианты) и в отношении свободного варьирования (факультативные варианты). Аналогично строится определение морфемы как парадигматического класса алломорфов, т.е. позиционных и факультативных вариантов.

Намечаются три этапа анализа, ведущего от непосредственно данного высказывания к постулируемой в качестве теоретического результата языковой системе: сегментация, идентификация и классификация. Допускаются разные модели как итоги анализа при общем требовании к их наибольшей простоте, полноте и логической непротиворечивости.

Лингвистика сводится к микролингвистике, за пределами которой остаются фонетика

(предлингвистика) и семантика (металингвистика). Дескриптивисты безразличны к проблемам макролингвистики, которая включала бы в себя все три названные области. Особое внимание уделяется проблемам метаязыка лингвистики (отразившееся в словаре Э. Хэмпса).

Дескриптивисты имеют значительные достижения в области дистрибутивных описаний фонологических систем многих языков, включающих также описания супрасегментных (просодических) явлений -- ударение, тон, явления стыка (junctures); в области описания морфологических систем многих языков, строящихся на добавлении к сегментным морфемам морфем супрасегментных (чередования фонем, ударение, интонация, аранжировка), слитных, "отрицательных" и т.п. На более поздней ступени они различают морф как единицу плана выражения и морфему как единицу плана содержания. Было введено разграничение морфов непрерывных и прерывистых (Ю.А. Найда, Джозеф Харолд Гринберг, р. 1915; З. Харрис, Ч.Ф. Хоккет, Пол Л. Гарвин, р. 1919; Чарлз В. Вёглин, р. 1906 и мн. др.). Слово рассматривалось как объект морфотактики, т.е. особая тесно спаянная цепочка морфем. Первоначально имело место отождествление структурных особенностей словообразовательных цепочек и синтаксических конструкций, т.е. синтаксис сводился к синтагматике (Ч. Фриз, З. Харрис, Ю. Найда). Обращение к проблемам синтаксиса было довольно поздним. Предложение (конструкция) определялось в терминах последовательности классов морфем. В иерархической структуре предложения стали выделяться ядро, определение и адьюнкты (сопроводители).

В русле дескриптивной лингвистики была построена грамматика фразовых структур (при типичном для американцев употреблении термина фраза для словосочетания) и разработан применительно к синтаксису (исходя из идей Л. Блумфилда; Рулоном Уэллзом, р. 1919; З.З. Харрисом, Ч.Ф. Хоккетом) метод анализа непосредственно составляющих (immediate constituents analysis). Этот метод предполагает движение сверху вниз, от целой конструкции к её составляющим, рассматриваемым, в свою очередь, в качестве конструкций, составляющие которых должны быть установлены. Завершается анализ выделением конечных составляющих (ultimate constituents). Используются разные способы представления результатов НС-анализа (IC-analysis) и тем самым иерархической структуры предложения: посредством скобочной записи (предпочтительно с индексами), дерева непосредственно составляющих и т.п. В представлении структуры предложения обычно выделение двух доминантных вершин (группа имени и группа глагола), что созвучно представлению предложения в традиционной грамматике с подлежащим и сказуемым как главными членами. Формулируются правила свёртки синтаксической конструкции и развёртки её составляющих (вошедшие впоследствии в арсенал многих формальных моделей языка, включая трансформационную порождающую грамматику и математическую лингвистику, а также использованные впоследствии в автоматическом переводе для целей синтаксического анализа и синтеза предложений). Обнаруживается возможность использовать процедуру НС-анализа в обнаружении иерархической словообразовательной, а также словоизменительной структуры. Обращение к тексту имело место на последней стадии развития дистрибуционализма ("Discourse analysis" З.З. Харриса, 1952; эта работа явилась стимулом к появлению нового направления).

Тагмемика была вторым значительным направлением американского структурализма, стремящимся исследовать языковые закономерности в связи с социокультурным поведением. Её формирование проходило под воздействием, во-первых, практических

потребностей перевода Библии на ещё не изученные "экзотические" языки (в рамках работы в Summer Institute of Linguistics) и, во-вторых, под сильным влиянием концепции блумфилдианского направления, т.е. дистрибутивной лингвистики.

Главным представителем этого направления является Кеннет Ли Пайк. Наиболее известен его программный трёхтомный труд "Язык в отношении к интегрированной теории структуры человеческого поведения" (1954--1960). К.Л. Пайк стремился разработать универсальную таксономию человеческого поведения; в его концепции систематически переплетаются различные уровни описания. Центральными единицами языкового поведения признаются тагемы как минимальные функционально нагруженные формальные элементы, определяемые в качестве коррелятов синтагматических функций ("функциональных слотов", таких, как субъект, объект) и парадигматических наполнений ("классов и форм наполнителей", таких, как существительное, личное местоимение, собственное имя как возможные кандидаты на замещение позиции субъекта). Им противостоят тагмы как минимальные конкретно данные в анализе реализации грамматических элементов (фон, морф и т.д.). Синтагемы определяются как сочетания тагем ("конструкции"). Выделяются иерархические ступени, представленные словом, сочетанием слов, предложением, комплексом предложений, абзацем, дискурсом). Формальные элементы тагемы более высокого уровня квалифицируются как синтагемы непосредственного подчинённого уровня.

В 60-х гг в противовес методу грамматики фразовых структур (НС-анализу) Робертом Э. Лонгейкром (р. 1922) и З.З. Харрисом разрабатывается цепочечный анализ (string analysis) как метод исследования иерархических отношений элементов внутри многочленных цепочек. Язык рассматривается как способ линейного развёртывания отдельных элементов, а не как иерархическая структура. Любое предложение квалифицируется как ядерное, окружение которого образует некоторое количество (включая и нулевые) распространителей (адьюнктов, комплементов), состоящих, в свою очередь, из необходимых элементов. Каждое слово на основе его морфолого-синтаксических свойств включается в тот или иной класс. Предложение оказывается возможным представить как цепочку категориальных символов. Допускается его разложение (на основе открытого списка аксиоматических элементарных цепочек) на частные цепочки, которые могут появляться справа или слева от центральных ядерных цепочек. Призётся возможность представить приемлемые предложения в виде комбинаций (или распространений) элементарных единиц (фонем, морфем, слов, сочетаний слов, предложений).

Исследование всех языковых единиц ведётся в трёх измерениях: а) в аспекте признакового модуса (приписывание каждой единице специфической "эмической" структуры; б) в аспекте модуса манифестации (отнесение каждого элемента к "парадигматическому" классу "этических" форм проявлений; в) в аспекте дистрибутивного модуса (включение каждой единицы в определённый дистрибутивный класс). Главные особенности тагематики заключаются в её интересе к семантико-этнолингвистическим проблемам (термины родства в разных языках) и в обращении к невербальным, паралингвистическим аспектам языкового описания.

З. Харрис положил начало формированию метода трансформационного анализа, служащего целям синтаксиса и имевшего своими предшественниками концепцию функциональной транспозиции в европейской лингвистике (Ш. Балли, О. Есперсен, А. Фрей, Л. Теньер, Е. Курилович). Первоначально трансформационный метод трактовался как дополнение к дистрибутивному анализу, позволяющее вскрывать сходства и различия между синтаксическими конструкциями и опирающееся на предположение о наличии в синтаксической системе ядерных (исходных) структур и правил их преобразования

(трансформации) при условии сохранения неизменным лексического состава ядерного предложения и синтаксических отношений между лексемами. Впоследствии ограничивающие условия были сняты. Трансформационный метод в целом близок к операциональным тестам (пробам) Х. Глинца на опущение, замену, добавление и перестановку языковых элементов в определённом контексте. Серьёзно он был модифицирован в порождающей трансформационной грамматике Ноама Хомского (р. 1928) -- ученика З. Харриса.

Ещё одним направлением в русле американского структурализма является стратификационная (уровневая) грамматика, разработанная на основе принципов дескриптивной лингвистики (1966) Сиднеем Лэмом (р. 1929) и сыгравшая определённую роль в развитии компьютерной (вычислительной) лингвистики. Язык здесь определяется как очень сложная структура, представляющая собой сеть отношений иерархически упорядоченных систем (подсистем, стратов/стратумов). В качестве высшего стратума постулируется семантика. В противовес правоверному дистрибуционализму центральная роль отводится значению, заново структурируемому от стратума к стратуму, пока оно не находит своей материальной реализации на уровне фонетики. В английском языке различаются шесть стратумов (на нижней, фонологической ступени -- гипофонемный и фонемный, на средней, синтаксической ступени -- морфемный и лексемный, на высшей, семантической ступени -- семемный и гиперсемемный). Комбинаторные ограничения фиксируются на каждом уровне в виде тактических правил (семотактика, лексотактика, морфотактика, фонотактика). Различаются три плана характеристики языковых единиц: абстрактные, системные, эмические единицы (семема, лексема, фонема и т.д.); конститутивные элементы абстрактных единиц (семон, лексон, фонон и т.д.); материальные реализации (сема, лекс, фон и т.д.). В отличие от классического дескриптивизма язык понимается как динамическая система, обеспечивающая многоступенчатое кодирование значения в звуках и обратное движение от звуков к значениям. Затрудняют пользование этой моделью крайне сложные способы представления результатов анализа.

Дескриптивная лингвистика (в широком смысле) оказала значительное влияние на другие лингвистические направления в Америке и на мировое языкознание. Дескриптивисты внесли огромный вклад в разработку процедур точного формального анализа языка и привлечение методов логики и математики. Они обогатили мировое языкознание многочисленными терминами. Вместе с тем вытекающие из механистического дистрибуционализма, голого таксономизма, асемантизма и статичного понимания природы языковых явлений обусловили слабость дескриптивной лингвистики и поставили под сомнение её адекватность конечным целям лингвистики -- познанию языка во всех его сторонах, в его строении и в его функционировании. На последнем этапе дескриптивистской мысли даже крайние механицисты (как З. Харрис) стали понимать невозможность обойтись полностью без обращения к значению и стремились преодолеть эти недостатки в теориях тагмемики и стратификационной грамматики.

Дескриптивизм подвергался резкой критике как извне, так и изнутри. В качестве реакции на его недостатки появились разработанная в этнолингвистике, но отвечающая в целом духу структурализма теория компонентного анализа, генеративная лингвистика (в её трансформационных и нетрансформационных, асемантических и семантизованных вариантах, включая интерпретативную семантику), порождающая семантика, падежная грамматика, референциально-ролевая грамматика, различные теории синтаксической

семантики, прагматика, психолингвистика, социоллингвистика, анализ дискурса, когнитивная лингвистика и т.п.

9.8. Лондонская школа структурализма

В 40-х гг. 20 в. организационно оформилась Лондонская школа (школа концептуализма) во главе с Джоном Рупертом Фёрсом (1890--1960). В ней объединились Уолтер Аллен (р. 1911), Майкл Александр Кёрквуд Халлидей (р. 1925), Робер Х. Робинс (р. 1921), Уильям Хаас (р. 1912), Фрэнк Роберт Палмер (р. 1922) и др. Они ставили своей целью построить общую теорию, позволяющую найти объяснение специфических особенностей конкретных языков, выработать адекватные методы их структурно-функционального описания. При этом они опираются на национальные традиции британского языкознания, уделявшего с середины 19 в. внимание интенсивным исследованиям живых языков (в особенности так называемых "примитивных" или "экзотических" языков Африки, Азии и Океании). Школа ориентируется на культурно-социологическую доктрину этнографа и антрополога Бронислава Каспера Малиновского (1884--1942), в соответствии с которой обусловленные социальной и биологической природой человека основные побуждения, желания, потребности находят своё выражение в функционально и генетически тесно связанных друг с другом культуре (понимаемой как весь контекст человеческого поведения) и языке.

По их мнению, социологические и языковые структуры имманентны по своему существу, но связаны между собой. Общество, язык и личность образуют нерасторжимый комплекс; для их изучения необходим функциональный подход. Прямое или опосредованное влияние оказывали идеи Э. Дюркгейма и Ф. де Соссюра, а также концепция бихевиоризма. В трактовке связей языка и культуры они близки к антропологическим и этнографическим теориям Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа. В работах большинства представителей Лондонской школы получают продолжение традиции английской грамматической мысли (Генри Суит, 1845--1912).

Школа концептуализма исследует следующие основные проблемы: место и функции языка в обществе; функциональное расслоение языка; взаимосвязи языка и культуры; функционирование языка в разных ситуациях (официальное общение, религиозные церемонии, общение носителей разных социальных рангов; взаимоотношение языка и личности; движущие силы развития языка; строение языка; выделение языковых уровней и единиц; просодический анализ; установление языковых категорий; природа языкового значения; понятие контекста; виды контекста; построение системы лингвистического описания; возможности привлечения внеязыковых данных к лингвистическому анализу; место значения в лингвистическом анализе; система лингвистических терминов. Вместе с тем выдвигается цель создать совокупность технических приёмов для имманентного описания языковых явлений, не обязательно опирающегося на данные психологии, социологии и т.п.

Лондонцы руководствуются следующими общими принципами: а) лингвистическое исследование должно начинаться с анализа не языковой системы, а языкового употребления как части более широкого социального процесса; б) данный социальный процесс совершается в ситуациях, т.е. каждое языковое высказывание детерминируется как своим языковым контекстом, так и своим ситуационным контекстом; в) значение понимается (в отличие от менталистических трактовок) как комплекс отношений в контексте ситуаций. Язык трактуется: а) как побуждение и внутренние стимулы в природе человека (естественный дар); б) как традиционные системы или привычки, т.е. постоянное усвоение

языковых норм и активное владение ими (язык как определённая система); в) как совокупность бесчисленного множества индивидуальных высказываний (языковых актов). Разграничиваются парадигматические и синтагматические отношения, образующие соответственно системы и структуры. Постулируется необходимость вертикального, объёмного и многомерного построения систем (парадигматических классов) и, соответственно, горизонтального, линейного и одномерного построения структур (синтагматических рядов).

Значение есть многоуровневое образование, постигаемое при движении в анализе от верхнего (просодического) уровня вниз. Различаются фонологические, лексические и иные модусы значения. Значение часто отождествляется с употреблением. В анализе значения используется метод контекстуализации, предполагающий обращение к ситуационному и социальному контексту. Контекст ситуации определяется в лексическом плане как типичное и постоянное окружение данного элемента (коллокация), в грамматическом плане -- как соположение грамматических форм (коллигация). Под понятие коллокации подводятся характерные, часто встречающиеся сочетания слов, чьё появление рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задаётся не грамматическими, а чисто семантическими факторами (понятие коллокации близко к понятию сущностных семантических отношений Вальтера Порцига и к понятию лексических солидарностей Эуджениу Косериу). Коллигации трактуются как совокупности морфолого-синтаксических условий, обеспечивающих сочетаемость языковых единиц (понятие коллигации близко к понятию совместной встречаемости З. Харриса, к понятию валентности С.Д. Кацнельсона, Л. Теньера, А.А. Холодовича, Герхарда Хельбига, к понятию сочетаемостной потенции Владимира Григорьевича Адмони).

Лондонская школа Дж. Фёрса оказала влияние на развитие социолингвистики, функциональной и контекстуальной грамматики, лингвистики текста, на разработку теорий усвоения языка.

Рядом с концептуализмом выстраивается системная грамматика (scale-and-category-grammar) как модель дескриптивного анализа языка, разработанная в 60-х гг. на основе концепции Дж. Фёрса его учеником М.А.К. Халлидеем. Он понимает лингвистические описания как представления абстрактных языковых форм, извлечённых из языковых высказываний. Им констатируется тесная связь между языком и внеязыковым миром, создаваемой ситуационным контекстом. Он признаёт возможность обеспечить адекватный и полный анализ языка благодаря соотношению с системой взаимно определяющих друг друга и логически выводимых друг из друга формальных единиц. Различаются: а) три уровня описания -- уровни формы (грамматика, лексика), субстанции (фонология, орфография) и ситуационного контекста (семантика, обнаруживаемая в соотношении формы и субстанции); б) четыре основные категории -- единицы как структурированные элементы всех уровней (предложение, слово, морфема и т. п.), структура, отражающая синтагматический порядок внутри единиц, класс (классификация единиц в соответствии с их функцией) и система, отражающая парадигматический порядок в отношениях единиц закрытых классов; в) три шкалы абстракции, на которых устанавливаются отношения между категориями и наблюдаемыми языковыми данными: шкала рангов (иерархический порядок единиц типа морфема -- слово -словосочетание -- элементарное предложение (clause) -- полное предложение (sentence); шкала репрезентации (отношения между категориями и языковыми данными) и шкала утончённости (более детальные различия на всех уровнях).

Модели системной грамматики нашли применение в исследованиях 60--70-х гг. по синтаксису и семантике английского языка, по лингводидактике и теории перевода (М.А.К. Халлидей, Р.А. Хадсон и др.).

9.9. Сравнительно-историческое языкознание в 20 в.

Сравнительно-историческое языкознание послемладogramматического (или структурного) периода, начавшегося с 20-х гг. 20 в., несмотря на утверждение приоритета синхронного подхода к языку (и прежде всего в форме структурализма), сумело сохранить свои основные позиции в исследовании истории индоевропейских языков (а также языков других языковых семей). Его исследовательский арсенал существенно обогатился благодаря проникновению методов лингвистического структурализма. В этот период индоевропейистика добилась внушительных достижений, которые состоят в следующем:

- введение и освоение нового языкового материала, прежде всего фонетических и морфологических данных анатолийской группы языков (Ф. Зоммер, Э. Форрер, А. Гётце, Э. Стёртевант, Х. Эвольф, И. Фридрих, Х.Т. Боссерт, И.Дж. Гелб, Х. Педерсен, Э. Бенвенист, Г. Нойман, Х. Кронассер, Г. Оттен, П. Мериджи, У. Жюкуа, Ф. Джозефсон, О. Карруба, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе и др.), что способствовало смене представлений о структуре древнего индоевропейского языка;

- доказательство исторической и генетической связи между древнейшими и более поздними -- античной поры -- анатолийскими языками (Х. Педерсен, Ф. Зоммер, Р. Гусмани, О. Карруба, А. Хойбек, Г. Нойман, О. Массон, П. Мериджи);

- дешифровка греко-микенских табличек (М.Дж.Ф. Вентрис при участии Дж. Чедуика);

- локализация пребывания носителей индоарийского в Передней Азии;

- изучение синдо-меотских и таврских реликтов индоарийского на Юге России (О.Н. Трубочёв);

- введение большого материала среднеиранских языков (Р. Готье, Э. Бенвенист, К.Г. Залеман, Г.У. Бейли, И. Гершевич, В.Б. Хеннинг, Х. Хумбах, М.Й. Дресден, С. Конов, Р.Э. Эмерих, А. Марик, А.А. Фрейман, В.А. Лившиц, И.М. Дьяконов, М.Н. Боголюбов, Л.Г. Герценберг и др.);

- изучение остатков скифского (В.И. Абаев, Я. Харматта);

- описания памирских и дардских языков;

- фундаментальные исследования тохарского языка (Э. Зиг, В.Зиглинг, В. Шульце, В. Краузе, В.Томас, П. Поуха, А. ван Винденвекенс, Э. Швентнер, В. Куврер, Г.С. Лейн, Э. Эванджелисти, Х. Педерсен);

- изучение бедных памятниками языков иллирийского, мессапского, венецкого, фракийского, фригийского, македонского (Н. Йокль, Х. Краз, И. Фридрих, Ю. Покорный, Дж. Бонфанте, В. Пизани, А. Блюменталь, М.С. Билер, Д. Дечев, А. Мейер, В. Бранденштайн, М. Лежён, Й.И. Руссу, Г. Райхенкрон, Р. Катичич, Ч. Погирк, О. Хаас, В. Георгиев, И. Дуриданов, К. Влахов, Ю. Унтерман, К. де Симоне, Дж.Б. Пеллегрини, А.Л. Просдочими, О. Паранджели, Э. Полومه, Я. Каллерис, И.М. Дьяконов, В.П. Нерознак, Л.А. Гиндин);

- обращение к малоизученным средиземноморским языкам (этрусскому и др.) в целях определения их генетической принадлежности.

Был усовершенствован сравнительно-исторический метод (А. Мейе, Е. Курилович, Э. Бенвенист, В. Георгиев, А.М. Селищев, Л.А. Булаховский, В.М. Жирмунский, О.Н. Трубочёв, А.Н. Савченко, А.Е. Супрун, В.В. Колесов, Б.А. Серебрянников, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, Г.Б. Джаукян, Г.А. Климов, Э.А. Макаев, В.П. Мажюлис, З. Зинквичюс, В.И.

Собинникова). Стало явным тяготение к использованию новых методов (структурных, ареальных, типологических, статистического, вероятностного). В 1948--1952 Моррисом Сводешом (1909--1967) был создан метод глоттохронологии, позволяющий измерять скорость языковых изменений (чаще всего обращаясь к лексикостатистике, т.е. сравнивая списки из 100 или 200 слов сопоставляемых языков из наиболее устойчивой части словаря и принимая коэффициент сохранения этого списка равным 81% и соответственно 86%, за одно тысячелетие) и определять на этом основании время разделения родственных языков и степень близости между ними. Были разработаны новые критерии внутренней реконструкции. Появились новые теории индоевропейского вокализма и консонантизма; получила дальнейшее развитие ларингальная теория. Были восстановлены акцентно-интонационные типы, связанные с определёнными грамматическими парадигмами (В.А. Дыбо, В.М. Иллич-Свитыч). Реконструированы прошлые состояния ряда грамматических категорий. Сформировались новые представления о древнейшей синтаксической структуре предложения. Достигнуты успехи в изучении индоевропейской лексики (А. Вальде, Б. Покорный). Появились этимологические словари древних индоевропейских языков -- древнегреческого, древнеиндийского, латинского, балтийских. Активизировались исследования по индоевропейской ономастике и гидронимике (Т. Милевский, Э. Бенвенист, Г. Шрамм, М. Майрхофер). Подверглись ревизии представления о едином индоевропейском языке-источнике (сторонники идеи континуальности индоевропейской языковой области неолингвисты М. Бартоли, В. Пизани, Дж. Бонфанте, Дж. Девото; автор идеи конвергентного развития, приведшего к появлению индоевропейского языкового союза, Н. С. Трубецкой; авторы различных и весьма противоречивых схем диалектного членения индоевропейской области Дж. Бонфанте, И.А. Кернс и Б. Шварц, А.Л. Крёбер и К.Д. Кретьен, В. Порциг, Х. Краэ). Стали создаваться типологические описания индоевропейских языков (П. Хартман).

Получили дальнейшее изучение индоевропейские древности (М. Гимбутас, П. Боск-Гимпер, Р.У. Эрих). Исследованию подверглись социальные, правовые, экономические институты древних индоевропейцев (Э. Бенвенист). Пробудился интерес к индоевропейской мифологии (Ж. Дюмизель, П. Тиме, Г. Ломмель, Ф.Б. Я. Кёйпер). Была построена ностратическая теория, предполагающая вхождение индоевропейских языков в "сверхгруппу" языков (вместе с семито-хамитскими, картвельскими, уральскими, алтайскими, дравидскими). В работе Тамаза Валерьевича Гамкрелидзе и Вячеслава Всеволодовича Иванова "Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры " (1984) рассмотрению подверглась проблема взаимоотношения индоевропейского и других ностратических языков и проблема индоевропейской прародины. Стали выдвигаться новые теории о родстве всех языков мира (гипотеза моногенеза).

Глава 10

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ

В ЯЗЫКОЗНАНИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ 20 в.

Литература: Звегинцев, В.А. Очерки по истории языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1963; Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998; Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [переиздание: Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998] (Статьи: Европейская языковедческая традиция. Социологическое направление в языкознании.

Сравнительно-историческое языкознание. Генеративная лингвистика. Глубинная структура. Психолингвистика. Нейролингвистика. Социолингвистика. Этнолингвистика. Неогумбольдтианство. Философия языка. Прагматика. Семантика. Математическая лингвистика. Прикладная лингвистика.)

10.1. Генеративное (порождающее) языкознание

В языкознании второй половины 20 в. появление генеративной лингвистики ознаменовало начало новой эпохи в науке о языке. Генеративная лингвистика как одна из ветвей формального направления в языкознании возникла на основе идей Ноама Хомского / Чомского, которые впервые были высказаны им в получившей мировую известность работе "Синтаксические структуры" (1957) и многократно модифицировались самим автором. Её создание явилось реакцией на бихевиористски ориентированные, эмпирические по своей сущности и таксономические по своей цели методы дистрибуционного анализа (на фонологическом и морфологическом уровнях) и анализа по непосредственно составляющим (на синтаксическом уровне), ориентированные на изучение уже данных, готовых, статичных цепочек языковых элементов и выявление в них инвариантных единиц (фонемы, морфемы, синтаксические конструкции) и их классов. Теперь же во главу угла были выдвинуты принципы динамизма, дедуктивного конструктивизма и рационализма (в духе Г. Лейбница и Р. Декарта). Главной единицей языка была провозглашена не фонема или морфема, а предложение, рассматриваемое с точки зрения процессов его порождения из элементарных абстрактных единиц на основе строгих правил вывода (формационных правил) и правил преобразования (трансформационных правил).

Первой версией лингвистической концепции Н. Хомского была трансформационная порождающая грамматика. Она строилась в соответствии с дедуктивно-аксиоматическими принципами развёртывания логических исчислений. В качестве исходных элементов постулировались категории типа S (стартовый символ для предложения), NP (именная группа), VP (глагольная группа) и т.д. Грамматика фразовых структур стала -- в динамическом переосмыслении -- одним из важнейших уровней грамматической модели. В её состав входят контекстно независимые правила развёртывания, которые могут применяться неоднократно (рекуррентно) по отношению к исходным символам, давая в итоге процесса работы НС-компонента терминальную цепочку (ядерное предложение). В грамматику был введён трансформационный уровень, на котором совершаются обязательные и факультативные операции преобразования (на основе достаточно ограниченного набора трансформационных правил) над ядерными предложениями. Понятие трансформации заимствуется у своего учителя З.З. Харриса. Это понятие развивается дальше (теперь это уже не статическое отношение между двумя конструкциями, а динамическое отношение исходного предложения и предложения-трансформа). Процедуры порождения предложения имеют алгоритмический характер. Выдвигается понятие грамматичности (отмеченности, грамматической правильности), и грамматика определяется (в соответствии с идеями кибернетики) как автомат, порождающий правильные предложения, как система эксплицитных порождающих правил. На данном этапе Н. Хомский отказывается от учёта семантического фактора. Он объявляет лингвистику не описательной (и нормативной), а объяснительной дисциплиной.

Оживлённые дискуссии вокруг первой версии привели к появлению следующих версий. В соответствии со Стандартной теорией ("Аспекты теории синтаксиса", 1965) грамматика теперь содержит в себе ряд компонентов: синтаксический (правила порождения фразовых

структур и правила лексикона, совместно обеспечивающие порождение глубинных структур как носителей исходной семантически релевантной информации, и трансформационные правила, преобразующие глубинные структуры в поверхностные), семантический и фонологический (первый из них осуществляет семантическую интерпретацию глубинных структур, а второй -- фонетическую интерпретацию поверхностных структур). Вскоре появляется интерпретативная семантика (сам Н. Хомский, Дж.Дж. Катц, Дж.А. Фодор), описывающая в рамках второй версии процесс вывода значения целого предложения из значений составляющих его элементов с опорой на формальную глубинную структуру.

Очередные версии хомскианской грамматики появляются в связи с необходимостью учёта в семантической интерпретации предложения роли интонации, порядка слов, проблемы темы и ремы. Расширенная стандартная теория (1972) предусматривает ограничение пределов действия трансформаций, уточнения в правилах семантической интерпретации (обращение не только к глубинной, но и к поверхностной структуре). Пересмотренная расширенная стандартная теория (с 1973) строго разделяет синтаксис и семантику, а также фонологию, стилистику, прагматику. В ней используются заимствованная у фонологов теории маркированности, сокращено число трансформаций и инвентарь универсалий. Создаётся теория "следов" как пустых (абстрактных) категориальных узлов в поверхностной структуре. С 1981 развивается принципиально новая теория -теории управления и связывания (Government and Binding Theory), выдвигающая в качестве главного понятия управление. Синтаксис предстаёт теперь в виде особого модуля, т.е. рассматривается как относительно независимый блок в сложной кибернетической системе. Появляются частные теории связывания, управления и пустых категорий.

Поразительными были чрезвычайная плодовитость Н. Хомского и его интенсивные поиски более адекватных подходов к моделированию языка, готовность к дискуссиям и постоянное совершенствование уже разработанных теорий в свете подчас нелицеприятной критики. Он резко выступал против господствовавших на предыдущем этапе бихевиоризма, антиментализма, таксономизма и эмпиризма. Н. Хомский мастерски владеет логико-математическим аппаратом. Многие его положения весьма значимы для прикладной лингвистики, для возникновения на базе его идей математической лингвистики. Н. Хомский стимулировал резкий, революционный поворот в американской, а затем и мировой лингвистике к динамическому рассмотрению языка с учётом данных психологии (особенно когнитивной). Он выдвинул идеи о врождённости языка, о различии лингвистической компетенции и употреблении. Наличие большого числа учеников и последователей обеспечило Н. Хомскому право считаться одним из выдающихся представителей американского и мирового языкознания. Несомненно влияние идей Н. Хомского на выработку более строгих методов лингвистического исследования, на зарождение и бурное развитие синтаксической семантики как в США, так и в европейских странах, на формирование концептуального аппарата ряда лингвистических дисциплин, не ориентирующихся на структурализм или генеративизм.

Активная разработка на основе общей генеративистской ориентации сугубо формальных моделей предложения продолжается и в последние десятилетия как в русле трансформационной грамматики, так и на основе идей ряда других моделей (грамматика непосредственно составляющих, грамматика зависимостей, категориальной грамматики) либо на основе синтеза принципов каких-либо из названных моделей (теория X с горизонтальной чертой над ним, генерализованная грамматика фразовых структур,

лексическая функциональная грамматика, функциональная унификационная грамматика, ориентированная на головную вершину грамматика фразовых структур, модель разложения и перевода PATR, генерализованная категориальная грамматика, категориальная унификационная грамматика, противопоставляемая трансформационной модели реляциональная грамматика, продолжением которой является грамматика пары дуг, и т.д.).

Себастьяном Константиновичем Шаумяном была создана получившая резонанс в мировой лингвистике оригинальная аппликативно-порождающая модель, в основу которой положены идеи, выдвинутые им же ранее при разработке двухступенчатой фонологии, а также ряд теорий математической логики (К. Айдукевич, Х.Б. Карри). Его основные работы по аппликативной модели практически были изъяты из наших библиотек после эмиграции автора из СССР: "Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке" (1963), "Структурная лингвистика" (1965), "Основания порождающей грамматики русского языка: Введение в генотипические структуры" (1968), "Философские вопросы теоретической лингвистики" (1971), "Аппликативная грамматика как семантическая теория естественных языков" (1974).

Аппликация для С.К. Шаумяна есть формальная операция связывания языковых единиц в новые, более сложные. Строится двухступенчатая теория, различающая абстрактный генотипический уровень языка (идеальная, универсальная система, лежащая в основе всех естественных языков) и фенотипический уровень, репрезентирующий реализацию в конкретных языках логических конструкторов генотипического уровня. Пространственные отношения между языковыми объектами на генотипическом уровне отрицаются, фиксация линейного порядка элементов происходит на фенотипическом уровне. Имеются существенные отличия от грамматики Н. Хомского: постановка перед моделью задачи породить не поверхностные структуры, а языковые универсалии, т.е. лингвистические объекты высокого уровня абстракции; описание не только порождения предложения, но и процессов словообразования. Различаются два типа правил -- фразовый генератор и генератор частей речи. Аппликация мыслится как операция соединения оператора и операнда в комплексную языковую единицу. На основе этой модели дано описание словообразовательной системы русского языка (ряд работ в соавторстве с Полиной Аркадьевной Соболевой).

10.2. Современные исследования в области функциональной лингвистики

10.2.1. Лингвистическая семантика

Всё более растущее внимание лингвистов второй половины 20 в. привлекают проблемы, связанные с исследованием семантической стороны языка. К 70-м гг. накопилась неудовлетворённость длительной ориентацией исследований в русле дескриптивной лингвистики (особенно её дистрибуционного течения) и генеративной лингвистики на описание языка, игнорирующее значение. Общим стало признание недостаточной адекватности традиционного подхода к языковому значению, отождествляющего его с универсальными и неизменными понятиями (при следовании принципам старой логики) или с изменчивыми представлениями (при обращении к принципам психологии). Была осознана ограниченность семантических представлений Г. Пауля и М. Бреала, выделявших в качестве предмета анализа исторические изменения значений слов. Многие лингвисты отказывались принимать бихевиористскую трактовку значения (Л. Блумфилд) как того или иного физического предмета или действия, локализуемого во внеязыковом ряду. Стало утверждаться мнение, что лингвистическая семантика не сводится только к семасиологии

(лексической семантике) и что её объектом должно также быть значение предложения (и текста).

Сперва лингвистическая семантика бурно развивалась как структурная лексикология (и структурная лексическая семантика) благодаря интересу структуралистов (или находящихся под влиянием их идей и методов анализа) к системным связям между лексическими единицами (и лексическими значениями), что нашло оформление в виде сложившихся независимо друг от друга теории лексических (семантических, лексико-семантических) полей и метода компонентного анализа значений группы взаимосвязанных слов, восходящего к применяемому в фонологии (а затем и морфологии) оппозиционному анализу.

Вслед за тем возникла синтаксическая семантика, быстро занявшая в лингвистической семантике лидирующее положение. Её формирование обеспечили следующие стимулы: а) в первую очередь выдвижение генеративной трансформационной лингвистикой на приоритетное положение в языковой системе предложения, трактуемого в динамическом (процессуальном) аспекте; б) сильное влияние (частью опосредованное генеративной лингвистикой, но во многом и прямое) со стороны новой (формальной, реляционной) логики, особенно таких её разделов, как исчисление предикатов, семантическая логика, модальная логика и т.д.; в) успехи в области информатики, автоматического перевода, автоматической обработки текста, искусственного интеллекта; г) воздействие результатов исследований в лингвистике текста, функциональном синтаксисе, философии обыденного языка, теории речевых актов, теории деятельности, этнолингвистике, этнографии речи, конверсационном анализе, анализе дискурса, социолингвистике, психолингвистике и т.п. (обзоры истории становления разных направлений семантической мысли: Джон Лайонз, 1977; Лев Геннадьевич Васильев, 1983; обзор современных направлений синтаксической семантики: Валентин Васильевич Богданов, 1996).

В русле хомскианской порождающей трансформационной грамматики сложилась интерпретирующая семантика (Н. Хомский, Дж. Катц, Пол Постал, Джерри А. Фодор, Рей С. Джеккендофф). В их работах даются описание работы семантического компонента, который приписывает значения отдельным элементам глубинной структуры и выводит на основе специальных проекционных правил значение предложения в целом; описание значений элементарных символов в терминах семантических признаков (атомов значения); представление предложения как двухвершинной структуры (в соответствии с грамматикой фразовых структур); движение от формальной структуры к семантической (в соответствии с принципами построения логических языков -- сперва в их синтаксической части и затем в семантической части). Такое направление операций не соответствует реальной последовательности этапов порождения высказывания говорящим, что и было учтено в ряде новых синтаксико-семантических теорий..

Оппозиционными по отношению к хомскианскому подходу явились следующие модели:

- оригинальная синтаксико-семантическая модель Уриэла Вайнрайха;

- генеративная семантика (Джордж Лакофф, Джеймс МакКоли, Джеймс Брюс Росс), объявившая глубинную структуру смысловой, трактуя её уже по существу как пропозициональную одновершинную структуру и предоставившая ей роль стартовой в порождении предложения, не разграничивая строго правила семантические и синтаксические;

- падежная грамматика (Чарлз Филлмор), положившая в основу описания процесса

порождения не модель НС с двумя вершинами, а модель зависимостей с одной вершиной -- глаголом-предикатом (как у Л. Теньера) и с дополнительным приписыванием каждому узлу определённой семантической роли (одного из универсальных глубинных падежей из ограниченного их инвентаря);

- семантически ориентированная теория порождения предложения Уоллеса Л. Чейфа.

70--80-е гг. ознаменовались построением многочисленных иных концепций синтаксической семантики, опирающихся как на одновершинные, так и двухвершинные модели (в нашей стране И.А. Мельчук, Т.Б. Алисова, С.Д. Кацнельсон, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, И.Ф. Вардуль, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов, В.В. Богданов, В.Б. Касевич, В.С. Храковский, Н.Ю. Шведова и др.). Представители Калининской / Тверской семантико-прагматической школы, сочетая статический и динамический подходы к семантическому анализу или проделав путь от статики к динамике, получили интересные результаты в описании значения предложения (Л.В. Солодушникова, В.И. Сергеева (Иванова), А.З. Фефилова, С.А. Сухих, Л.И. Кислякова, В.С. Григорьева, Н.П. Анисимова, Г.П. Пальчун, Г.Л. Другова, В.И. Троянов, В.А. Калмыков, К.Л. Розова).

Описание семантической структуры предложения может быть ориентировано: а) на строение типовых онтологических ситуаций, б) на субъектно-предикатную (предикационную) структуру (Н.Д. Арутюнова, Н.Б. Шведова) и не всегда чётко от неё отграничиваемую структуру "тема -- рема", в) на пропозициональную (реляционную) структуру (Дж. МакКоли, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, У. Чейф, Д. Нильсен, У. Кук, Ф. Блейк, С. Староста, Дж. Андерсон, Р. Шенк, Р. Ван-Валин и У. Фоли, П. Адамец, Р. Зимек, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, В.В. Богданов, Т.Б. Алисова, В.Б. Касевич, В.Г. Гак); г) на синтаксическую структуру предложения (Н.Ю. Шведова, А.М. Мухин). Наиболее разработан пропозициональный подход: спецификация семантических актантов (глубинных падежей), разграничение пропозиции и модуса, различие предметных и пропозициональных актантов, иерархизация актантных ролей, описание предложенческих и непредложенческих способов вербализации пропозиции и т.д. И. П. Сусов (1973) строит трёхступенчатую модель (ориентированная на онтологическую ситуацию реляционная структура -- накладываемая на неё и отражающая строение пропозиции реляционная структура -- операции модификации, привязывающие предложение-высказывание к речевой ситуации).

Возможности синтаксической семантики расширяются за счёт добавления прагматического аспекта (коммуникативная, или иллокутивная, цель говорящего; прагматические аспекты пресуппозиции; построенная говорящим модель адресата; использование принципа речевого сотрудничества, или кооперации и т.п.).

10.2.2. Коммуникативно-деятельностные теории языка

Теория речевых актов (теория речевых действий) возникла в русле философии повседневного языка в развитие идей позднего Людвиг Витгенштейна и являющаяся производением Джона Л. Остина (1962) и Джона Р. Сёрла (1969, 1975 и др.). В этой теории даётся систематическое представление того, что мы делаем, когда мы говорим (по Остину, *how to do things with words*). Развивается эта теория сперва в философии языка и прагматически ориентированной общей теории деятельности, а затем и в ряде направлений лингвистики.

Теория речевых актов постулирует в качестве основных единиц человеческой коммуникации не отдельные слова или даже предложения, а многоплановые по своей структуре определённые речевые действия (локутивные акты), выступающие в качестве

носителей определённых коммуникативных заданий (т.е. в функции иллокутивных актов) и направленные на достижение определённых эффектов (т.е. в функции перлокутивных актов). Дж. Сёрл вводит ещё один план (пропозициональные акты, подразделяющиеся на акты референции, т.е. отнесения к миру, и акты предикации, т.е. высказывания о мире). Основное внимание уделяется структуре иллокутивных актов (т.е. речевых действий типа утверждений, спрашивания, отдачи приказов, описаний, объяснений, извинений, принесения благодарности, поздравления и т.д.) и их классификации. Эталоном стала следующая классификация Дж. Сёрла: а) ассертивы (репрезентативы), сообщающие о положении дел и предполагающие истинностную оценку; б) директивы, побуждающие адресатов к определённым действиям; в) комиссивы, сообщающие о взятых на себя говорящим обязательствах; г) экспрессивы, выражающие определённую психическую позицию по отношению к какому-либо положению дел; д) декларативы, устанавливающие новое положение дел. Различаются прямые (первично перформативные) и непрямые (косвенные) речевые акты. Предметом описания становятся языковые средства, служащие выявлению иллокутивных целей и функций (глаголы, в особенности перформативные, выражающие речевые намерения при условии их употребления в 1-м лице настоящего времени изъявительного наклонения и т.д.; наречия, частицы, порядок слов, интонация), а также условия коммуникации. Анализируются условия успешной (удачной) реализации соответствующих иллокутивных актов (правила пропозиционального содержания, подготовительные, искренности, существенные). Разрабатывается иллокутивная логика (исчисление иллокутивных актов, предпринятое в работах Дж. Сёрла и Дэниэла Вандервекена.

В теории речевых актов сегодня отмечается наличие двух течений: семантически ориентированного и прагматически ориентированного. Исследования структуры речевых актов предпринимаются и с позиций генеративной семантики (Джерролд М. Сейдок).

Появились многочисленные модификации в области таксономии речевых актов и в их трактовке (Д. Вундерлих, Т. Баллмер и В. Бренненштуль, Д. Вандервекен, Дж. Версурен, Манфред Бирвиш, Жиль Фоконье, Франсуа Реканати, Ференц Кифер, Вольфганг Мотч, Зено Вендлер, Анна Вежбицка, Георгий Георгиевич Почепцов, В.В. Богданов, Ю.Д. Апресян). Исследуются перлокуции (Стивен Дэвис). Появилось большое число работ, посвящённых описанию на материале различных языков отдельных типов и видов речевых актов, их функционирования в монологическом и диалогическом дискурсе, языковых и неязыковых средств реализации иллокуций, в том числе в научной семантико-прагматической школе И.П. Сусова (Калининский / Тверской университет: А.А. Романов, Л.П. Рыжова, С.А. Сухих, Н.А. Комина, Р.В. Шиленко, А.С. Недобух, А.А. Пушкин, О.И. Герасимова, И.Н. Аксёнова, Г.П. Пальчун, С.В. Крестинский, Т.А. Жалагина, С.В. Крестинский, Ю.Н. Варзонин, О.Д. Белецкая, Н.К. Кънева), в школе В.В. Богданова и в школе Л.П. Чахоян (Ленинградский / Петербургский университет), в школе Г.Г. Почепцова (Киев), в школе В.В. Лазарева (Пятигорск).

Теория речевых актов оказала влияние на разработку проблем коммуникативной грамматики, анализа дискурса, конверсационного анализа (особенно его немецкой разновидности -- анализа разговора). В настоящее время теория речевых актов включается в широко понимаемую лингвистическую прагматику. Отмечается проникновение её идей в работы по искусственному интеллекту.

В самое последние десятилетия широкое распространение в мировой лингвистике

получил анализ дискурса как совокупность ряда течений в исследовании дискурса (обычно отличающихся своим динамизмом от статичной лингвистики текста). Термин дискурс используется прежде всего в англо-американской, а также во франкоязычной литературе. Дискурс может пониматься: а) как текст в различных его аспектах; б) как связная речь (З.З. Харрис); в) как актуализованный текст в отличие от текста как формальной грамматической структуры (Тойн А. ван Дейк); г) как когерентный текст (И. Беллерт), д) как текст, сконструированный говорящим для слушателя (Джиллиан Браун, Джордж Юл); е) как результат процесса взаимодействия в социокультурном контексте (К.Л. Пайк); ж) как связная последовательность речевых актов, т.е. как образование, включённое в коммуникативно-прагматический контекст, в отличие от текста как последовательности предложений, отвлечённой от коммуникативно-прагматического контекста (И.П. Сусов, Н.Д. Арутюнова); з) как единство, реализующееся как в виде речи, т.е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т.е. в письменной форме (В.В. Богданов); и) в философии -- как рассуждение с целью обнаружения истины (Й. Хабермас).

Анализ дискурса в начальных его вариантах был исследованием текстов (последовательностей предложений, трансфрастических структур) с позиций структурализма (а именно асемантического дистрибуционализма, как у З.З. Харриса), трансформационной грамматики, теории речевых актов, формальной логики в плане выполнения условий его правильной оформленности (когеренция и когезия) и следования дедуктивным правилам (теория речевых актов), т.е. анализ дискурса совпадал по существу со структуралистски ориентированными грамматикой текста, лингвистикой текста, семантикой дискурса в первоначальном европейском понимании (Вольфганг Дресслер, П.А.М. Сьюрен, Ольга Ивановна Москальская, Юрий Владимирович Попов и др.).

Функционально-лингвистическое течение в анализе дискурса сложилось под влиянием коммуникативно-прагматических моделей языка и идей когнитивной науки. Оно обращает внимание на динамический характер дискурса как процесса конструирования говорящим / пишущим и процессов интерпретации слушающим / читающим (Дж. Браун и Дж. Юл, Т.А. ван Дейк). Здесь считается необходимым учёт при анализе прагматических факторов и контекста дискурса (референция, пресуппозиции, имплицатуры, умозаключения), контекста ситуации, роли топика и темы, информационной структуры (данное -- новое), когезии и когеренции, знания мира (фреймы, скрипты, сценарии, схемы, ментальные модели). Выполнены в подобном функциональном плане работы представителей Тверской семантико-прагматической школы В.И. Юганова, В.С. Григорьевой, И.Н. Аксёновой, Т.А. Жалагиной, М.Л. Макарова, А.А. Пушкина, Ю.Н. Варзониной, А.А. Богатырёва, Н.А. Коминой, С.А. Аристова, а также докторские диссертации А.А. Романова, С.А. Сухих, М.Л. Макарова, Л.Г. Васильева.

Этнографическое течение в анализе дискурса (стимулировали его появление Э. Гоффман как автор социологической теории взаимодействия, а также Ф. Эрикссон, Дж. Шульц, А. Сикурел, Дж. Гамперц, Дж. Кук) выросло из этнографии речи и имеет целью исследовать правила конврсационных умозаключений (conversational inferences), которые представляют собой контекстно связанные процессы интерпретации, протекающие на основе правил контекстуализации. Контекст понимается не как уже данное, а как создаваемое участниками в ходе их вербальной интеракции, как множество процедур, предполагающих использование контекстуализационных намёков как указаний на фоновое знание. Различаются намёки просодического, проксемического, кинесического рода, указание на возможность их

реализации при выборе определённого слова, выражения, кода или диалекта. Уделяется внимание мена кода в общении с разными участниками речевого события (мена громкости голоса в общении "врач -- пациент" и "врач -присутствующие рядом его коллеги"). Учитывается способ организации фонового знания во взаимосвязанных рамках, ограничивающих интерпретацию контекстуализационных указаний, значение которых вытекает из взаимодействия с другими намёками на ту же или другие рамки. Мена ролей говорящего представляет собой один из примеров рамки (уменьшение громкости голоса или изменение положения тела говорящего по отношению к другим участникам как указание на передачу права речи). Взаимодействие намёков может создавать избыточность, обеспечивающую надёжность интерпретации в случае неулавливания всех намёков. Признаётся возможной опасность непонимания в межкультурной коммуникации в связи с социокультурной обусловленностью рамок.

Исследуются стратегии дискурса (особенно в связи с правилами передачи роли говорящего, построением связанных пар как последовательностей взаимно соотнесённых речевых ходов, выбором определённых языковых и неязыковых средств). Анализом дискурса (и разговорным анализом) заимствуется из социологической теории Э. Гоффмана понятие обмен / взаимообмен (exchange / interchange) для речевого "раунда" с двумя активными участниками, каждый из которых совершает ход (понятие из теории игр), т.е. производит выбор какого-либо действия из множества альтернативных действий, влекущий за собой благоприятные или неблагоприятные для участников ситуации взаимодействия последствия. Ход несоотносим с каким-либо речевым актом или речевым вкладом (при возможности их совпадения). Подчёркивается направленность коммуникативных действий участников взаимодействия на "инсценировку" и поддержание своего имиджа. Различаются ритуальные ограничения, предопределяющие необходимый для целей создания имиджа поддерживающий или корректирующий взаимообмен ходами.

С 70-х гг. анализ дискурса становится междисциплинарной областью исследований, использующей достижения антропологии, этнографии речи, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки, искусственного интеллекта, лингвистической философии (теории речевых актов), социологии языка и разговорного анализа, риторики и стилистики, лингвистики текста. Аналогичное движение наблюдается и в европейской науке: от формальной лингвистики текста через семантику текста и прагматику текста к теории текста (текстоведению, текстологии; Зигфрид Й. Шмидт).

Конверсационный анализ (conversational analysis) как широкое течение возникает в 70-х гг. в русле этнометодологии (выдвинутой в 1967 социологом Х. Гарфинкелом теории способов и приёмов организации членами социокультурной общности своей повседневной деятельности) и направлено на эмпирический анализ разговоров (Х. Закс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Ч. Гудвин).

На начальном этапе здесь в разговорном анализе исследовались процессы практического умозаключения (inference) и приёмов, посредством которых участники речевого взаимодействия (например, при повествовании историй или при шутках) осуществляют внутреннее структурирование социальных событий и "устанавливают порядок" ведения разговора, указывая попеременно друг другу на предстоящие речевые ходы.

На следующем этапе учёные обратились к исследованию упорядоченности социальных событий, воздействующих повторяющимися в них образцами и своими структурными

свойствами на организацию разговоров. В качестве наиболее сильного и эффективного средства организации разговора стал рассматриваться переход (turn) от одной смены коммуникативных ролей к другой (turn taking), характеризующей границы отдельного речевого вклада (move, хода) каждого и затрагивающего интересы всех сторон. Коммуникативные ходы квалифицируются как средства манифестации говорящими своего понимания направления, в котором развиваются совершаемые действия (т.е. их интерпретации предшествующего хода, соответствующих ожиданий партнёров и своих собственных ожиданий в отношении следующего хода). Границы речевых ходов (как и в анализе дискурса) устанавливаются на основе: а) формальных критериев (паузы, синтаксические конструкции, сигнализирующие возможность очередной смены ролей); б) функциональных критериев (совершение по крайней мере одного коммуникативного хода).

Речевой вклад понимается как результат процесса, длина и структура определяются ходом речевого взаимодействия (интеракции). Идеальный речевой ход обладает триадической структурой -- в первой части указывается на отношение к предшествующему ходу; в третьей части устанавливается отношение к следующему ходу; ради промежуточной части совершается речевой ход. Устанавливается зависимость особенностей речевых ходов от этнокультурных и возрастных факторов, типа дискурса. В исследованиях используются стохастические модели (симулирование статистически частых образцов смены ролей), вероятностные модели (акустические свойства речевых вкладов, следующих друг за другом или производимых одновременно, и паузы), наблюдения над использованием дискретных вербальных и невербальных сигналов в целях управления поведением друг друга (в частности исследования А.С. Недобуха, А.А. Романова, С.В. Кресинского, С.А. Аристова). Мена коммуникативных ролей трактуется как система взаимодействия, гарантирующая непрерывное протекание разговора, обеспечение как говорящим, так и слушателями условий и соответствующих сигналов (неязыковых или языковых) передачи кому-то из участников права на очередной речевой вклад. Разрабатываются теории последовательности речевых ходов, теории маркированности -- немаркированности оптимального хода и теории преимущественного права на определённый речевой ход. Исследования (в частности Н. А. Коминой, О.Д. Белецкой, С.А. Аристова) отмечают правила сочетаемости и взаимной обусловленности речевых ходов в рамках парных последовательностей (нормативные сочетания и отклонения от нормы).

Конверсационный анализ существенно отличается от лингвистики текста и от теории речевых актов в характеристике разговоров как результатов конкретных актов деятельности, во внимании к организованной последовательности речевых ходов и мене коммуникативных ролей, к обоснованию выбора говорящим языковых и неязыковых средств с учётом существующих у реципиента предварительных знаний и ожиданий, к возможным нарушениям в смене коммуникативных ролей и их характеру.

Анализ разговора (Gespraechsanalyse) является немецким вариантом конверсационного анализа, в котором наблюдается сближение с теорией речевых актов (Г. Унгехойер, Д. Вегенер, Х. Рамге, Й. Диттман, Х. Хенне и Х. Ребок, А. Буркхардт). Особое внимание уделяется конверсационным словам (Gesprchswrter), включающим в себя сигналы членения, сигналы обратной связи и междометия (в англо-американской традиции маркеры дискурса).

Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) выделяется как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми

единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания.

Прагмалингвистика ввела в описание языка акциональный (деятельностный) аспект. Появляется понятие прагматики в пионерских работах по семиотике, ставивших целью изучение структуры знаковой ситуации (семиозиса) в динамическом, процессуальном аспекте, включая и участников этой ситуации (Чарлз Сандерс Пирс, 1839--1914; Чарлз Уильям Моррис, р. 1901). Ч.У. Моррис (1938) провёл различие трёх разделов семиотики -- синтактики (или синтаксиса), имеющей дело с отношениями между знаками, семантики, изучающей отношения между знаком и десигнатом, и прагматики, направленной на исследование отношений между знаком и его интерпретатором. В развитии идей формальной прагматики большой вклад сделан Рудольфом Карнапом. Лингвистическая прагматика на начальном этапе обратилась к описанию дейксиса (шифтерные категории Р.О. Якобсона). Лингвистическая прагматика тесно связана с социалингвистикой и психолингвистикой (особенно в американской науке, где прагматика часто растворяется в них), с философией естественного языка, теорией речевых актов, функциональным синтаксисом, лингвистикой текста, анализом дискурса, теорией текста (отождествление прагматики и теории текста наблюдается в работах Зигфрида Й. Шмидта), разговорным анализом, этнографией речи, а в последнее время с когнитивной наукой, с исследованиями в области искусственного интеллекта, общей теорией деятельности, теорией коммуникации. В лингвистическую прагматику при широком её понимании включаются проблемы дейксиса, разговорных импликатур, пресуппозиций, речевых актов, разговорных структур (Стефен Левинсон, 1983).

В прагматике имеются два течения: а) ориентированное на систематическое исследование прагматического потенциала языковых единиц (текстов, предложений, слов, а также явлений фонетико-фонологической сферы) и б) направленное на изучение взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения и строящее по преимуществу коммуникатороцентрические (автороцентрические) коммуникативные модели.

Усилия представителей первого течения направлены на решение вопроса об установлении границ между семантикой и прагматикой, в равной степени имеющими дело с языковыми значениями (Ханс-Хайнрих Либ, Роланд Познер, Дж. Р. Сёрл, Петр Сгалл, Н.П. Анисимова). Имеются попытки отнести к ведению семантики независимые от контекста значения языковых единиц (и независимую от контекста сторону условия истинности пропозиций/высказываний), а к ведению прагматики - речевые функции языковых высказываний и ситуационно обусловленную сторону выраженных в них пропозиций. Ведутся споры об отношении семантических и прагматических моментов при трактовке значения дейктических знаков (указывающих на взаимное положение коммуникантов в системе координат "Я -Сейчас -- Здесь"), проблем топикализации (помещение составляющей, не несущей функции субъекта, в начало высказывания), пресуппозиций (само собой разумеющиеся и не нуждающиеся в выражении предпосылки данных высказываний) и т.д. Здесь имеет место автороцентрический подход к анализу высказывания. В нем могут выделяться прагматическая рамка и пропозициональная часть.

Второе течение лингвистической прагматики в начале 70-х гг. смыкается с теорией речевых актов. Растёт интерес к эмпирическим исследованиям в области разговорного

анализа, к конверсационным максимам Пола Г. Грайса. Делаются новые попытки исследовать взаимоотношение семантики и прагматики (на материале дейксиса, пресуппозиций и т.п.). Особое внимание уделяется правилам и конвенциям языкового общения, организующим чередование речевых ходов коммуникантов, структурирование и упорядочение в смысловом и формальном аспектах линейно развёртывающегося дискурса, диктующим отбор языковых средств и построения высказываний (в соответствии с требованиями количества, качества и релевантности передаваемой информации, подходящего способа её передачи, соблюдения вежливости к собеседнику, допущения в определённых случаях иронии, учёта статусных ролей коммуникантов, предвидения имеющихся у собеседника знаний и его информационных потребностей).

Исследования в области лингвистической прагматики имеют интернациональный характер и отличаются исключительной многоаспектностью (П. Вацлавик, Дж.Х. Бивен, Д.Д. Джексон, Х.П. Грайс, Д. Хаймз, Р.Ч. Столнейкер, Д. Вундерлих, Й. Ребайн, Дж. Версурен, Д. Вандервекен, Т.А. ван Дейк, С. Левинсон, Дж. Лич, Я. Мей, И.П. Сусов, В.В. Богданов, Л.П. Чахоян, Г.Г. Почепцов, Г.Г. Почепцов мл., О.Г. Почепцов, В.В. Лазарев, Ю.С. Степанов, Т.В. Бульгина, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, В.З. Демьянков, А.А. Романов, С.А. Сухих, М.Л. Макаров, Л.Г. Васильев, В.И. Иванова, В.И. Заботкина и др.). Существует Международная прагматическая ассоциация, регулярно проводящая свои конгрессы. Издаются журналы "Pragmatics" и "Journal of pragmatics".

10.2.3. Психолингвистика и нейролингвистика

Психолингвистика как отдельная дисциплина возникла в 50-х гг. 20 в. в русле психологического направления и ставит своей задачей исследование процессов и механизмов речевой деятельности (порождения и понимания, или восприятия, речевых высказываний) в её соотносённости с системой языка. Ей присуще стремление интерпретировать язык как динамическую, действующую, "работающую" систему, обеспечивающую речевую деятельность (речевое поведение) человека. Её внимание направлено не на языковые единицы (звуки, слова, предложения, тексты) сами по себе, а на их психологическую реальность для говорящего человека, на их использование в актах порождения и в актах понимания высказываний, а также в усвоении языка. Она разрабатывает модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации индивида и осуществляет их экспериментальную проверку.

Психолингвистика решает свои практические задачи в тех условиях, когда методы "чистой" лингвистики недостаточны. Особое внимание уделяется речи в условиях тех или иных помех, к общению в затруднённых по тем или иным причинам условиях, в нестандартных ситуациях: детская речь, речь при различного рода патологиях, речь на иностранном языке при недостаточном его знании, речь в состоянии эмоционального возбуждения, коммуникация при помехах в канале связи или в искусственных человеко-компьютерных системах, общение в условиях использования "нестандартных" форм языка -- просторечия, сленга, жаргона, местного говора.

Психолингвистика исследует следующие проблемы: психолингвистические единицы восприятия речи, этапы порождения и понимания речевого высказывания, обучение языку (особенно иностранному), речевое воспитание дошкольников и вопросы логопедии, клиника центрально-мозговых речевых нарушений, диагностика нервных заболеваний на основе наблюдений над речью, проблемы речевого воздействия (пропаганда, деятельность средств массовой информации, реклама), лингвистические аспекты авиационной и космической

психологии, а также судебной психологии и криминалистики, вопросы организации внутреннего лексикона человека, проблемы машинного перевода, проблемы диалога человека и компьютера, автоматическая обработка текста, информатика, теория и практика искусственного интеллекта.

Психолингвистика как стыковая наука близка по предмету исследования к лингвистике, а по методам к психологии (обычное наблюдение с записью его результатов на магнитофон, видеоплёнку или бумагу или с использованием принадлежащих испытуемым лицам сочинений, дневников, писем и т.п.; эксперименты на детекцию речевого сигнала, различение, идентификацию, интерпретацию (аналогичные экспериментам в психологии и в фонетических исследованиях щербовской школы); свободный ассоциативный эксперимент, направленный на исследование отдельных слов или групп слов и позволяющий установить для слов их ассоциативные поля, внутри которых выделяются связи-ассоциации парадигматические, синтагматические и тематические; направленный ассоциативный эксперимент, вводящий ограничения либо в сам стимул, либо в экспериментальное задание; методика "семантического дифференциала" Чарлза Осгуда, предполагающая оценку стимула в каких-либо признаках на основе заданных экспериментатором шкал и находящая применение не только в исследовании отдельных слов, но и звуков одного языка, корреспондирующих звуков разных языков и даже целых текстов - радиорепортажей, научно-популярных и поэтических текстов; вероятностное прогнозирование, позволяющее оценить субъективную частотность отдельных слов и её влияние на распознаваемость в условиях помех; индексирование текста путём выделения в нём ключевых слов, установления их частот и выделения малого, среднего и большого наборов ключевых слов, отражающих соответственно основную тему текста, ситуацию взаимодействия между его "героями" и основное содержание текста).

В психолингвистике сочетаются естественнонаучный и социальный подходы. Она находится в тесных контактах с нейролингвистикой, когнитивной психологией, когнитологией, информатикой, теорией и практикой искусственного интеллекта, социальной психологией, социолингвистикой, прагматическим лингвистикой, анализом дискурса. Появляются новые дисциплины стыкового характера (этнопсихолингвистика, социопсихолингвистика, психолингвистика текста и т.п.). В психолингвистике разрабатываются проблемы, затрагивавшиеся в прошлом В. фон Гумбольдтом, А. Шлайхером, Х. Штайнталем, А.А. Потебнёй, В. Вундтом, А. Марти, К. Бюлером, Дж. Дьюи, С. Фрейдом, Р. Юнгом, Ж. Пиаже, Ф. Кайнцем, Г. Гийомом, И.П. Павловым, Л.С. Выготским, Р.О. Якобсоном, А.Н. Гвоздевым.

О возникновении психолингвистики официально было объявлено в 1953--1954 гг. в США на совместном семинаре специалистов по психологии, лингвистике и теории информации (Чарлз Эджертон Осгуд и Томас Алберт Себеок, "Psycholinguistics: A survey of theory and research problems", 1954). Участники семинара сделали попытку опереться в лингвистическом плане сперва на дескриптивную лингвистику, затем психолингвисты переключились на трансформационную порождающую модель Н. Хомского и после этого на когнитивную лингвистику. Соответственно происходил переход от исследования отдельных слов к изучению предложений в трансформационном аспекте и в конечном итоге к тексту (дискурсу). Первоначальной опорой американской психолингвистики были психологические необихевиористские концепции Чарлза Осгуда, Джорджа Армистеджа Миллера, Дэна Исаака Слобина и др., а затем когнитивная психология и в целом когнитология, изучающая

структуры знаний (когнитивные структуры). В 80-х гг. разрабатываются модели параллельной обработки информации в связанных в единую сеть системах.

Отечественная психолингвистика (первоначально теория речевой деятельности) ориентируется на психологические и неврологические теории Льва Семёновича Выготского, Александра Романовича Лурия, Алексея Николаевича Леонтьева, Николая Ивановича Жинкина и на лингвистические идеи Льва Владимировича Щербы, Льва Петровича Якубинского, Михаила Михайловича Бахтина (В.Н. Волошинова), Соломона Давидовича Кацнельсона, Льва Рафаиловича Зиндера. Отечественные психолингвистические школы имеются в Москве (А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина-Рябова, И.А. Зимняя, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович, Е.Ф. Тарасов, Т.М. Дридзе, А.И. Новиков), в Петербурге (Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич, Л.В. Сахарный, Т.И. Зубкова, А.С. Штерн), в Саратове (И.Н. Горелов), в Твери (А.А. Залевская и её ученики), в Перми (Л.Н. Мурзин и его ученики).

Активная разработка психолингвистических проблем ведётся в Германии, Франции, Польше, США и многих других странах.

Нейролингвистика как научная дисциплина возникла в русле натуралистического (биологического) языкознания на стыке нейрологии (как раздела нейрофизиологии), психологии и лингвистики и изучает систему языка в соотношении с мозговым субстратом языкового поведения. Она располагает эпизодическими наблюдениями расстройств языкового поведения при очаговых нарушениях мозга с эпохи средневековья. Их систематическое изучение началось во второй половине 19 в. Внимание к фактам языковой патологии проявлялось со стороны А. Шлайхера, Г. Вернике, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона, Л.Р. Зиндера и др. В современной науке обращение к роли биологических факторов стало частым (Э.Х. Леннеберг, У. Пенфилд и Л. Робертс, а также др.), с тем чтобы понять процессы глоттогенеза, функционирования и развития человеческого языка. При этом не исключается учёт данных социологии, антропологии, этнологии, психологии, палеоневрологии, исторической типологии языков, семиотики, кинесики. Множатся попытки найти аналогии в строении многоуровневой системы языка и многоуровневой структуры генетического кода (Р.О. Якобсон, Вяч. Вс. Иванов). Проводятся многочисленные наблюдения над сигнальным поведением животных и опыты их обучения человеческому языку.

Развитие нейролингвистики как специальной дисциплины о системном строении высших психических функций и наличии корреляций между строением языковой системы и нейрофизиологическими нарушениями языкового поведения (афазиями) раскрывается в работах Т. Алажуанина, А. Омбредана и М. Дюрана, К. Конрада, К. Брэйна, Ф. Гревеля, Р. Юссона и Ю. Барбизе, К. Кольмайера, А. Лайшнера, П.М. Милнера, Александра Романовича Лурия (1902--1977), который опирается на работы Л.С. Выготского, И.П. Павлова и П.К. Анохина; в исследованиях В. Пенфилда и Л. Робертса, Е.Н. Винарской, Т.В. Ахутиной. Ими описываются различные фонологические, грамматические, лексические и семантические расстройства. Нейролингвистика проявляет также интерес к неафазическим формам расстройств языкового поведения (речевые агнозии и апраксии, дизартрии, алексии и аграфии).

В нейролингвистике изучаются психофизиологический механизм языкового отражения действительности (в том числе распознавания речи), механизмы интеграции знаковых комплексов, поступивших от разных анализаторов мозга, и процессы языковых обобщений. В ней изучаются механизм языкового поведения (в том числе порождения речи) и работа

систем, сопряжённых с реализацией устной и письменной речи. Учитывается функциональная асимметрия полушарий мозга, обуславливающей преимущественную локализацию языковых обобщений и мышления в языковых понятиях в левом (доминантном) полушарии, а конкретно-образного мышления -- в правом (субдоминантном) полушарии. Проводятся наблюдения над языковым поведением билингвов и полиглотов, страдающих очаговыми поражениями мозга. Но предписывается осторожное отношение к чисто лингвистическому диагнозу (без полного комплексного системного анализа) в клинической практике.

Исследования осуществляются на материале языков английского, немецкого, французского, русского, чешского, в последние десятилетия японского и др., доказывающие общность нейролингвистических проблем. Ведутся исследования речевых нарушений у билингвов (и полиглотов), свидетельствующие по потере языковой компетенции (и соответственно её восстановления), сперва касаются проблем в области неродного языка.

Нейролингвистика обладает своими методами. Часто предполагается вхождение нейролингвистики в качестве раздела в нейропсихологию, входящую, в свою очередь, вместе с нейрофизиологией в неврологию. Учитываются связи нейролингвистики с психологией, психолингвистикой, психоакустикой, когнитологией, когнитивной лингвистикой, кибернетикой, семиотикой и т.д. Результаты нейролингвистических исследований влияют на более адекватное понимание биологических аспектов природы языка.

На стыке нейролингвистики, психолингвистики, прагматики, когнитивной науки и психоанализа возникла теория и технология нейролингвистического программирования, которая имеет целью изучение и применение способов оптимизации через речевое воздействие функционирования коры головного мозга, отвечающей за сознание, и центров, несущих ответственность за сферу подсознания. Применяется эта технология в целях мобилизации (посредством направленного речевого воздействия) глубинных резервов мозга, необходимых при психотерапевтическом лечении психических расстройств. Она используется при необходимости изменить в оптимальную сторону поведение человека; при ведении ответственных переговоров, предполагающих не тактику "удара", а методику податливого следования действиям оппонента и незаметного его привлечения на свою сторону (дипломатия, бизнес, политическая дискуссия); при подготовке публичных выступлений; в тестировании способностей человека; при необходимости переубедить человека, не поддающегося логическим доказательствам, с помощью "метафоры" (введение в подсознание пациента, погружённого в транс, некой картины фрагмента мира, где больному предлагается "навести порядок"). Нейролингвистическое программирование преподаётся во многих зарубежных бизнес-школах. Довольно близка к этой дисциплине психолингвистическая суггестология.

Возникновение когнитивной лингвистики явилось реакцией на бихевиористскую методологию исследования поведения в терминах стимула и реакции в конце 50-х гг. в США. Она распространилась впоследствии также в Европе как междисциплинарное направление, представители которого ставят целью исследование ментальных процессов при усвоении и использовании языка, и знаний. За поведением признаётся лишь роль опосредствующего звена в исследовании ментальных процессов. Когнитивные/ментальные структуры исследуются путём анализа когнитивных стратегий, используемых людьми в процессах мышления, накопления информации, понимания и порождения высказываний. Исследования активно продолжаются в 70-80-х гг. (У.К. Эстес, П. фон Геерт, Д.У. Ховарт, Т.

Бивер, Й. Байер, М. Бирвиш, Ф. Саша, С. Каннгисер, Г. Рекхайт). Издаётся журнал "Language and cognition".

Когнитивная грамматика была построена (1986) Роналдом Уэйном Лангакером (р. 1942) как концепция лингвистического описания, кладущего в свою основу представления о процессах когнитивной переработки. Её представители отказываются признавать грамматику автономной системой, отводя ей служебную роль в процессах структурирования и символизации понятийного содержания. Лексические, морфологические и синтаксические единицы определяются как единицы символические, входящие относительно произвольно в различные образования. Отождествляются значение и концептуализация, указывается на возможность характеристики семантических структур лишь по отношению к элементарным когнитивным сферам (эмпирическое знание времени и пространства и т.п.). Когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу выявить возможности разной (в зависимости от языка) категоризации определённых перцептуально или концептуально заданных ситуаций.

10.2.4. Язык и этнос

Содержательно ориентированная грамматика (inhaltsbezogene Grammatik, Sprachinhaltsforschung) создана в 50-х гг. неогумбольдтианцем Лео Вайсгербером (р. 1899) в духе "энергейтического" понимания языка. Она предназначена прежде всего для использования в преподавании немецкого языка в школе.

Неогумбольдтианство представляет собой совокупность концепций и школ, исходящих из приписывания В. фон Гумбольдтом языку созидательной силы, которая создаёт благодаря своей классифицирующей и структурирующей роли своеобразный мир языковых содержаний (значений). Процессы умственного структурирования мира и формирования мировидения членов определённой языковой общности сводятся к действию внутренней формы языка. Неогумбольдтианцами акцентируется творческая роль языка в упорядочении хаотичного опыта и конструировании картины мира как связного целого, в процессах мышления и познания, в построении культуры, соответствующей данному языку. Подчёркиваются различия между картинами мира у носителей разных языков. Внутренняя форма языка трактуется как система его понятийных и синтаксических возможностей, являющихся ключом к миропониманию и основой различий в мышлении говорящих на разных языках людей.

Неогумбольдтианство возникло в 20-х гг. 20 в. как реакция на "формализм" младограмматического подхода к языку в европейском и американском языкознании 20 в. (философская концепция неокантианца Эрнста Кассирера; работы школы Лео Вайсгербера, Йоста Трира, Ханса Глинца, Харольда Хольца, Гюнтера Ипсена, Петера Хартмана, Хельмута Гиппера, Йоханнеса Эрбена). В США идеи неогумбольдтианства представлены в антропологической лингвистике Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа. Европейское течение неогумбольдтианства, неоромантическое по своей окраске, наиболее чётко представлено прежде всего в Германии и других немецкоязычных странах (с его преимущественным вниманием к семантической стороне языка, к изучению связей языка и культуры, языка и мышления, языка и познания мира).

В содержательно ориентированной грамматике исследуется постулируемый (на основе идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка) "языковой промежуточный мир" (sprachliche Zwischenwelt), представляемый свойственной родному языку "картиной мира" (Weltbild). Промежуточный языковой мир понимается как духовная, умственная

структурирующая инстанция, связывающая неупорядоченный реальный мир вещей с соответствующей языковой общностью и направляющая динамический процесс освоения мира через родной язык, через процесс "вербализации мира" (Wörtern der Welt) путём понятийного развёртывания словаря. Подчёркивается категоризирующая познавательная функция языка в построении словаря (представление в нём, например, созвездия Ориона не как материально существующего объекта, а как результата умственного приёма). Акцентируются отличия мира языковых содержаний от языка к языку.

Предлагается четырёхступенчатая структура содержательно ориентированной грамматики: а) грамматика, ориентированная на звуки или структуры (формы); б) грамматика, ориентированная на содержания (семантически обусловленная организация лексики в лексические поля); в) грамматика, ориентированная на функции (Leistungen), изучающая процесс умственного освоения мира через посредство языка; г) грамматика, ориентированная на результаты действия (Wirkungen) в жизненной практике языковой общности. Первые двух ступени имеют статический характер и последние двух ступени -- динамический характер

Европейские неогумбольдтианцы (В. Порциг, Г. Ипсен, Й. Трир) внесли заметный вклад в построение теорий понятийных (семантических, лексических) полей, что обусловило более глубокое понимание системных связей в лексике и в формирование современной структурной лексикологии (и структурной семантики). В 50--60-х гг. их идеи внедряются в школьные и народные грамматики (грамматика немецкого языка в серии Duden).

Главные упрёки критиков данной концепции направлены на такие моменты, как преувеличение познавательной роли языка в ущерб его коммуникативной функции, как недооценка роли самого говорящего. Немецкие неогумбольдтианцы уже на начальном этапе пытались дополнить гумбольдтовский подход к языку сосюрровскими идеями (понятия языкового знака, системы языка, дихотомии языка и речи); в 70--80-х гг. они ищут точки соприкосновения с генеративной лингвистикой и особенно с лингвистической прагматикой.

Этнолингвистика (этносемантика, антропололингвистика) представляет собой американский вариант социологического направления в языкознании. В этнолингвистике, близкой по идейной направленности европейскому неогумбольдтианству, язык трактуется как историческое наследие коллектива, которое предшествовало становлению материальной культуры и затем продолжало с ней взаимодействовать. Этнолингвистика сосредоточивается на изучении языка в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Данная проблематика принадлежит к более широкому комплексу проблем, намечавшихся, в частности, и в России в работах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и особенно А.А. Потебни и в американской этнографии на рубеже 19--20 вв. в связи с интересом к языкам и культурам многочисленных индейских племён Северной, а затем Центральной Америки, связанных с исследованием посредством лингвистических методов "плана содержания" культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, вещь, обряд и т. п.).

Собственно этнолингвистика выделилась в первой четверти 20 г. благодаря работам Франца Боаса (1858--1942) и первого поколения его учеников. Свою роль сыграли научные опыты генеалогической классификации америндских языков с использованием подходов сравнительно-исторического (Эдвард Сепир, 1884--1939--1939; Сидней Лэм, р. 1929), глоттохронологического (Моррис Сводеш, 1909--1967), историко-типологического и

ареального (Кеннет Ли Хейл, Чарлз Ф. Вёглин, Джордж Леонард Трейджер). Интересные результаты дало изучение взаимовлияния контактирующих с языками индейцев европейских языков -английского, испанского, французского -- и соответственно проблем билингвизма и мультилингвизма, а также исследование влияния социокультурных факторов на развитие языка (Делл Хатауэй Хаймз, Харри Хойер, Генри М. Хёнигсвальд). Было обращено внимание на проблемы семантики: Ф. Боас (семантика грамматических категорий), Э. Сепир (аномальные типы речи в языке нутка, звуковой символизм, понятийные поля). В конце 20-х -- начале 30-х гг. 20 в. исследования велись на материале ещё не описанных языков: Х. Хойер (языки тонкава и апачей). Б.Л. Уорф (язык хопи), Дж.Л. Трейджер (язык таос).

Первоначально из этнолингвистических исследований исключалась семантика в связи с возникающей и утверждающейся в этот период дескриптивной лингвистикой. Интерес к семантической стороне возобновляется в начале 50-х гг. на основе обсуждения сложившейся в рамках американского варианта неогумбольдтианства гипотезы языковой относительности, которую выдвинули выдающийся языковед, не вписывавшийся в русло дескриптивизма, Эдвард Сепир (1884--1939) и его ученик Бенджамин Ли Уорф (1897--1941). Американские неогумбольдтианцы сосредоточили своё внимание на взаимоотношении языка и культуры, они широко использовали (в отличие от немецких неогумбольдтианцев) методику контрастивной лингвистики (сопоставление языков Европы и языков американских индейцев) для доказательства определяющей роли языка в формировании культуры, в инвентаре и содержании категорий логики и грамматики, в особенностях восприятия окружающего мира и человеческого поведения.

Гипотеза языковой относительности, в соответствии с которой сходные картины мира (при совпадении физических явлений) могут быть созданы только при определённом сходстве языковых систем, получила многочисленные отклики. Указывалось на неодинаковый характер приложения данной гипотезы к усвоению языка в онтогенезе и филогенезе.

В практику этнолингвистики введён метод компонентного анализа для сопоставительного исследования групп слов типа терминов родства, цветообозначений и т.п., представляющий значение в виде набора симультанных дифференциальных семантических признаков, которые выделяются благодаря оппозиционному анализу в рамках тематически близких слов, и позволяющий увидеть социально-культурные особенности членения в разных языках тех или иных областей внеязыковой действительности, а также обнаружить системные связи в лексике.

Этнолингвистические исследования второй половины 20 в. характеризуются такими чертами, как: привлечение методов экспериментальной психологии; сопоставление семантических моделей разных языков; изучение проблем народной таксономии; паралингвистические исследования; реконструкция духовной этнической культуры на основе данных языка; оживление внимания к фольклористике. Произошло сближение с недавно возникшими социолингвистикой и психолингвистикой, а также этнической историей, этнографией, этнографией речи, конверсационным анализом, анализом дискурса.

Этнография речи как теория и метод анализа языкового употребления в социокультурном контексте была предложена в начале 60-х гг. в работах Д. Хаймза и Дж.Дж. Гамперца и развита в работах А. Сикурела, Дж. Баумана, А.У. Корсаро. В отличие от теорий порождающей трансформационной грамматики она признаёт возможность понять

роль речи как источника этнографического течения в анализе дискурса. Высказывание исследуется только в связи с каким-либо речевым (или -- шире -- коммуникативным) событием, в рамках которого оно порождается. Подчёркивается культурная обусловленность любых речевых событий (проповедь, судебное заседание, телефонный разговор и т.д.). Устанавливаются правила языкового употребления путём присутствующего наблюдения (соучастие в речевом событии), анализа спонтанных данных, интервьюирования носителей данного языка как родного.

10.2.5. Язык и социум

Социолингвистика как особая дисциплина возникла на стыке языковедения, социологии, социальной психологии, этнографии и представляет собой реализацию на современном этапе исследовательских принципов социологического направления в языкознании, которые были разработаны в первой половине 20 в. А. Мейе, Е.Д. Поливановым, Л.П. Якубинским, В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным, Виктором Максимовичем Жирмунским, Р.О. Шор, Максимом Владимировичем Сергиевским, Николаем Сергеевичем Чемодановым, Миррой Моисеевной Гухман, В. Матезиусом, Б. Гавранekom, Й. Вахеком, Теодором Фрингсом и созданной им в Лайпциге диалектологической школой, Ф. Боасом, Э. Сепиром, Б.Л. Уорфом и другими представителями антропологической лингвистики, японской школой "языкового существования". Её возникновение было реакцией на имманентные по своему характеру структурализм и генеративизм. Ей присуще стремление удовлетворить возросший в европейском и американском обществе 60--70-х гг. в связи с обострением социальных отношений интерес к социологии языка, а также обращение к актуальным проблемам языковой политики и языкового планирования во многих государствах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки.

Серьёзный вклад в развитие социолингвистики внесли многие европейские и американские учёные (Валентин Александрович Аврорин, Георгий Владимирович Степанов, Александр Давидович Швейцер, Василий Данилович Бондалетов, Анатолий Иванович Домашнев, Леонид Борисович Никольский, Юнус Дешериевич Дешериев, Владимир Александрович Хомяков, Роджер Т. Белл, Делл Хатауэй Хаймз, Джон Дж. Гамперц, Уильям Лабов, Чарлз Алберт Фергюсон, Джошуа Фишман, У. Брайт, Гровер Хадсон, Р. Гроссе, Хуго Штегер, Дитер Вундерлих, Х. Яхнов, П. Шрёдер, Карл-Хайнц Бауш, Н. Дитмар, Т. Лукман, Х. Лёфлер).

Многие исследуемые проблемы равно относятся к ведению и общего языкознания, и социолингвистики: социальная природа языка, его общественные функции, характер воздействия социальных факторов на язык, роль языка в жизни общества.

В социолингвистике выделяются три течения:

- а) течение, ориентированное преимущественно на социологию (нормы языкового употребления с учётом факторов времени, цели, выбора языка или варианта языка, адресата; взаимоотношения языкового употребления и языковых установок, с одной стороны, и более крупных или более мелких социальных сетей, с другой стороны; проблемы диглоссии и теории кодов в связи с комплексом явлений, образуемых взаимодействующими социальной экономией, историей, этнической дифференциацией, культурой, социальным расслоением и вариантами языка);

- б) течение, ориентированное преимущественно на лингвистику (принципиальная неоднородность языковых систем, обнаруживаемая при учёте социологических параметров; установление на основе вероятностного анализа определённых социально

детерминированных языковых правил, являющихся результатом влияния различных языковых и внеязыковых переменных -- социальный слой, возраст и т.п.; возможность использовать данные таких исследований в русле вариационной лингвистики для разработки теории языковых изменений; установление релевантности социальных условий для процессов языковой эволюции; подтверждение того, что синхронические данные вариационные структуры являются лишь "моментальным снимком" диахронических изменений);

- в) течение, ориентированное на этнометодологию и этнографию (языковое взаимодействие как центральное понятие; исследование способов, с помощью которых члены общества производят социальную действительность и репрезентируют её в упорядоченном и регулярном виде друг другу; проводимое при этом разграничение между разговорным анализом формальным, имеющим дело с аспектами организации разговора, и этнографическим, исследующим интерактивные процессы порождения значения и его понимания с опорой на приёмы контекстуализации).

Междисциплинарный статус социолингвистики выражается в её понятийном аппарате: определение языкового коллектива на основе и социальных, и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и общность языка); определение социолингвистических переменных на основе соотносённости с тем или иным уровнем языковой системы и с варьированием социальной структуры общества или с определёнными социальными ситуациями.

В центр внимания выдвигается проблема социальной дифференциации языка, многомерной по своей структуре и включающей как стратификационную дифференциацию (разнородность социальных слоёв в обществе) и ситуативную дифференциацию (многообразие социальных ситуаций). Вместе с тем изучаются проблемы образования национальных языков, взаимодействия языка и культуры.

Весьма существенно понятие языковой ситуации как совокупности разных языков или относящихся к одному языку разных форм его существования - литературного языка, просторечия, региональных койне, территориальных и социальных диалектов, функционирующих в определённой этнической общности или государственном образовании. Различаются языковые ситуации экзогlossные (употребление разных языков) и эндогlossные (употребление разных вариантов одного языка), сбалансированные (при одинаковом функциональном весе разных языков или разных вариантов одного языка) и несбалансированные (неодинаковое распределение функций между разными языками или разными вариантами одного языка).

Особое внимание уделяется исследованию процессов контактирования языков при контактировании разных культур, обусловленных этим лексическими заимствованиями. Изучаются социальные аспекты билингвизма (двуязычия) и диглоссии (способности к использованию разных вариантов одного языка) при сосуществовании и использовании разных языков или разных вариантов одного языка в данном этнокультурном коллективе с учётом определённой коммуникативной сферы, социальной ситуации и т.п. Уделяется внимание проблеме выбора оптимальных вариантов для построения социально корректного высказывания; выявляются социальные нормы речевого поведения.

Социолингвистику занимает проблема языковой политики как совокупности мер по сохранению или изменению функционального распределения языков (или вариантов языка), по введению новых или сохранению старых языковых норм).

Социолингвистика использует следующие методы полевых исследований: непосредственное наблюдение, включённое наблюдение (участие наблюдателя в качестве одного из коммуникантов), анкетирование с использованием опросников, интервьюирование (допускающее стимулирование информанта к естественно-непринуждённой речи либо к сознательной ориентации на определённый эталон); корреляционный анализ данных полевых исследований (соотнесение социальных и языковых величин в качестве независимых и полностью или частично зависимых переменных с привлечением табличных данных, графиков зависимостей и математической статистики). Предлагаются методы моделирования социально обусловленной вариативности языка (с использованием элементов порождающей модели языка, вероятностно-статистического анализа, а в целях диахронического анализа -- импликационной волновой модели, опирающейся на гипотезу о волнообразном распространении языковых инноваций в географическом и социальном пространстве). Моделироваться может и речевое поведение, причём оно имеет свой основной выбор социолингвистических переменных и учёт ограничивающих этот выбор социальных факторов.

Из литературы

1. Алпатов, В.М. История лингвистических учений. М., 1998.
2. Амирова, Т.А., Ольховиков, Б.А., Рождественский, Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
3. Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966.
4. Березин, Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.
5. Березин, Ф.М. История русского языкознания. М., 1979.
6. Березин, Ф.М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. М., 1981.
7. Березин, Ф.М. Русское языкознание конца XIX -- начала XX в.
8. Березин, Ф.М., Головин, Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
9. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
10. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
11. Засорина, Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974.
12. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX--XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1; М., 1965. Ч. 2.
13. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
14. История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.
15. История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981.
16. История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л. 1985.
17. История лингвистических учений: Позднее Средневековье. СПб., 1991.
18. Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
19. Кодухов, В.И. Общее языкознание. М., 1974.
20. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений. М., 1979.
21. Лайонз, Джон. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1976.
22. Мурзин, Л.Н. Проблемы и направления современной лингвистики. Пермь, 1992.
23. Новое в лингвистике. М., 1960--1975. Вып. 1--7.
24. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978--1989. Вып. 8--25.
25. Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983.

26. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1970.
  27. Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1972.
  28. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1973.
  29. Основные направления структурализма / Отв. редакторы М.М. Гухман и В.Н. Ярцева. М., 1964.
  30. Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1984.
  31. Попова, З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987.
  32. Пражский лингвистический кружок: Сб. статей / Составление, редакция и предисловие Н.А. Кондрашова. М., 1967.
  33. Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А.С. Герд. СПб., 1996.
  34. Савченко, А. Н., Иоффе, В.В. Общее языкознание. Ростов-н./Д., 1985.
  35. Фридрих, И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.
  36. Хрестоматия по истории русского языкознания / Составитель Ф.М. Березин. М., 1973.
- ***
1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
  2. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М, 1998.
  3. Вахек, Й. (при участии Й Дубского). Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
  4. Касаткин, Л.Л., Клобуков, Е.В., Лекант, П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991.
  5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
  6. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
  7. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
  8. Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание) / Сост. М.В. Панов. М., 1984.

FB2 document info

Document ID: fb2-d1379473-f52b-f126-3d1d-22fd01652dc8

Document version: 1.01

Document creation date: 2007-06-12

Created using: LibRusEc kit software

Document authors :

- rusec

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon